К 53.

Свящ. Гр. М. Поповъ.

Изъ книгъ
Н. Е. Олейникова
Отд. — № —

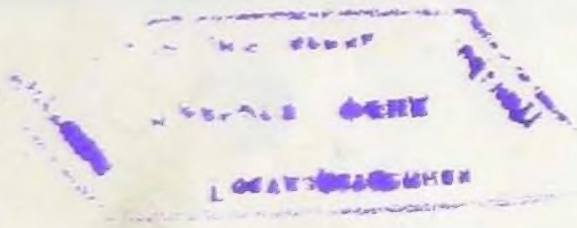
ВЪ ЯКУТСКОЙ ГЛУШИ.

СБОРНИКЪ
СТАТЕЙ ИЗЪ ПРИХОДСКОЙ ЖИЗНИ
Якутской епархіи.

Въ приходѣ.—Отчего такая безпомощность.—Первое мое затрудненіе.—Нѣсколько словъ по поводу подготовки въ Якутской Духовной Семинаріи якутскихъ проповѣдниковъ.—По вопросу о матеріальномъ обезпеченіи Якутскаго духовенства.—По вопросу о церковныхъ земляхъ.—Извлеченія изъ лѣтописи Шеинской Георгіевской церкви.—Школьный Рождественскій праздникъ.—Якутскій праздникъ „ысэахъ".—Могила якута Эчекинь.—Краткая исторія Сунтарской Введенской церкви.—Тяжкая доля.—Случайная встрѣча.

LV 2/18492

ИРКУТСКЪ.
Типо-литографія П. И. Макушина и В. М. Посохина.
1910.



К 53.

Якутская Национальная БИБЛИОТЕКА
Отд.
№ П-58
Шкаф
Полка
Инв.

Ларх. Я. 2

Изъ книгъ Н. Е. Олейникова
Отд. № 891.

133.2

Свящ. Гр. М. Поповъ.

ВЪ ЯКУТСКОЙ ГЛУШИ.

СБОРНИКЪ

СТАТЕЙ ИЗЪ ПРИХОДСКОЙ ЖИЗНИ

Якутской епархіи.

Въ приходѣ.—Отчего такая безпомощность.—Первое мое затрудненіе.—Нѣсколько словъ по поводу подготовки въ Якутской Духовной Семинаріи якутскихъ проповѣдниковъ.—По вопросу о матеріальномъ обезпеченіи Якутскаго духовенства.—По вопросу о церковныхъ земляхъ.—Извлеченія изъ лѣтописи Шеинской Георгіевской церкви.—Школьный Рождественскій праздникъ.—Якутскій праздникъ „ысэахъ".—Могила якута Эчекинь.—Краткая исторія Сунтарской Введенской церкви.—Тяжкая доля.—Случайная встрѣча.

Государственная Краевед. фонд Якутская Центральная Библиотека

ИРКУТСКЪ.
Паровая типо-литографія П. И. Макушина и В. М. Посохина.
1910.

15

Якутская
Национальная
БИБЛИОТЕКА
Отд.
№
Шкаф
Полка
Инв.

Въ приходѣ.

(Изъ путевыхъ записокъ сельскаго священника Якутской епархіи).

23 ноября.

При всемъ своемъ утомленіи отъ долгой мучительной ѣзды и склонности ко сну, я долго вчера съ вечера не могъ уснуть, волнуемый разнообразными мыслями о предстоящемъ мнѣ путешествіи по приходу и раздражаемый доносившимся до меня тяжелымъ запахомъ изъ смежнаго скотскаго помѣщенія. Къ тому-же проходившій чрезъ отверстіе по краямъ якутскаго ледового окна наружный воздухъ непріятно давалъ ощущать себя. Одинъ изъ якутовъ, спавшихъ со мной въ одномъ помѣщеніи, ночью нѣсколько разъ вставалъ и поправлялъ огонь въ каминѣ. Подъ утро я уснулъ. Но вскорѣ былъ разбуженъ удушливымъ запахомъ дыма отъ черкатскаго табака, распространившимся по всей юртѣ, часть котораго раздражительно входила и въ мое непривыкшее къ дыму дыхательное горло. Со мной почти одновременно проснулся и мой псаломщикъ.

— Фу, что это такое? Остановитесь, не курите!—скороговоркой произнесъ псаломщикъ и сталъ кашлять, сотрясаясь всѣмъ своимъ старческимъ тѣломъ.

Неподозрѣвавшіе нанесенія намъ табачнымъ дымомъ непріятности, якуты въ недоумѣніи и нерѣшительности схватились за свои трубки.

Сквозь облако табачнаго дыма я разглядѣлъ вчерашнихъ якутовъ, которые уже встали со своихъ мѣстъ и одѣлись. Между ними были нѣсколько человѣкъ и новоприбывшихъ.

Времени было около 8 час. утра. Спать болѣе уже было нельзя. Когда я пошевелился на своей постели съ намѣреніемъ

встать, одинъ якутъ тотчасъ подалъ мнѣ мою обувь и хотѣлъ было даже обувать меня, но я отказался отъ столь непривычной для меня услуги.

Одѣвшись и умывшись, мы всѣ, сколько насъ было, стали на общую молитву, послѣ которой подали намъ чай съ прикуской чухонскаго масла, называемаго здѣсь еще „хаякъ". Постной пищи, кромѣ рыбы, среди инородцевъ почти никакой нѣтъ, а возить ее намъ самимъ для себя невозможно и при томъ, вслѣдствіе жадности некультурныхъ инородцевъ, и большой запасъ постной пищи истощился-бы въ первые-же дни поѣздки по приходу.

Послѣ чая мы приступили къ совершенію нашихъ приходскихъ дѣлъ. Предварительно на столъ разложили книги и письменныя принадлежности. Какъ только мы сдѣлали это, всѣ засуетились и столпились около насъ въ ожиданіи чего-то для нихъ новаго и рѣдкостнаго. Начали съ записей крещенцевъ, бракосочетающихся и умершихъ. (Лица исповѣдающіяся и причащающіяся еще вчера были въ этомъ домѣ отмѣчены моимъ псаломщикомъ).

Когда было сказано, чтобы приступали первоначально лица съ крещенцами для записи, то неожиданно раздались голоса съ нѣсколькихъ сторонъ:

— Я есть, я есть, я, я, я!..

Затѣмъ началось передвиженіе, сопровождаемое шумомъ и толкотней. Первыхъ приступившихъ записали хорошо: они отвѣчали на наши вопросы толково и отчетливо. Но чѣмъ далѣе, тѣмъ все болѣе и болѣе среди якутовъ обнаруживались нетерпѣніе, шумъ и безпорядокъ.

— Постойте, тише!— вразумлялъ мой псаломщикъ.—всѣхъ запишемъ.

— Тише!—находился другой вразумитель изъ среды самихъ якутовъ.

Шумъ не прекращался. Въ это время, держа въ одной рукѣ окутаннаго младенца, стоялъ около меня молодой якутенокъ, и толкая меня другой своей рукой, говорилъ:

— Бачка, моего ребенка впередъ запиши!

— Кто у тебя—сынъ или дочь?—спрашиваю я.

— Сынъ.

Когда родился?

— Весной, при переходѣ изъ зимника въ лѣтникъ.

— Когда-же, именно?

— Кажется, около Николина дня.

— Въ какой же именно день?

— Не помню.

Наконецъ, я спрашиваю у знакомыхъ его о времени рожденія младенца.

— Мнѣ помнится, за пять дней до Николина дня,— сказалъ кто-то изъ толпы. Затѣмъ воцарилась тишина, доказывающая, что болѣе никто изъ присутствующихъ не можетъ точнѣе сказать о днѣ рожденія младенца. На этотъ разъ, не зная достовѣрно дня рожденія младенца, отмѣтили его въ метрической книгѣ приблизительно 4-мъ числомъ мая.

— Какого наслега?—допрашиваю я дальше того-же якута.

— Кангаласскаго.

— Какъ тебя зовутъ?

— Дормонъ.

Повидимому звали его Иларіономъ. Справились въ настольной исповѣдной росписи. Оказывается, точно зовутъ его Иларіономъ.

— Тебя зовутъ Иларіономъ, а не Дормономъ,—говорю я якуту.

— Да, да, Дормономъ,—отвѣчаетъ онъ мнѣ.

— Не Дормономъ, а Иларіономъ,—настойчиво повторяю я.

— Дормономъ, Дормономъ,—опять таки свое твердитъ якутъ.

Никакъ нельзя было тутъ научить его правильно произносить свое имя. Мы продолжали дальше.

Иларіонъ, какъ твоего отца зовутъ?

— Легентій (Иннокентій).

— А кто будетъ у твоего ребенка крестнымъ?

Парень въ недоумѣніи повелъ своими глазами по сторонамъ.

Якутская Республиканская Библиотека
№
Шкаф
Полка
Инв.

— Ну, иди, поищи крестнаго.

— А женщина не можетъ замѣнить крестнаго?—не сходя съ мѣста, наивно онъ спрашиваетъ меня.

— Замѣнить не можетъ; а если ты хочешь, можетъ быть, что-бъ и она была крестной твоему ребенку, то и тогда, кромѣ ея, необходимъ воспреемникъ мужчина для твоего сына,—поясняю я ему.

Среди многихъ другихъ недоумѣній и затрудненій, я здѣсь, между прочимъ, еще наткнулся на слѣдующую странную вещь. Одинъ якутъ представилъ ко мнѣ крестить ребенка яко-бы своего. Я ничтоже сумняся записалъ въ метрику требуемыя при крещеніи свѣдѣнія: имя и отчество якута, имя и отчество жены его и проч. Но тутъ-же обнаружилось, что младенецъ не его, а другихъ родителей. Я спрашиваю якута:

— Зачѣмъ же ты велѣлъ писать свое имя, коли у младенца есть собственные родители?

— А я младенца взялъ на постоянное воспитаніе себѣ,— наивно отвѣчаетъ якутъ.

— Вѣдь, въ метрическія книги вписываются родители младенца, а не воспитатели его,—объясняю я ему

Якутъ смущенно смотритъ въ сторону, затѣмъ, немного погодя, скрывается между другими якутами. Пришлось снова писать метрику этого младенца, вычеркнувши и оговоривши прежнюю запись.

Послѣ записи крещеній слѣдовали записи бракосочетающихся и умершихъ съ тѣми-же затрудненіями и недоумѣніями. Между прочимъ у лицъ, желающихъ вступить въ бракъ, встрѣчалась большая разница между показываемыми ими лично годами и записью въ метрическихъ книгахъ. Обыкновенно эти лица всегда прибавляли себѣ лишніе года.

Одна на видъ очень молодая пара меня настойчиво просила обвѣнчать.

— Не рано-ли вамъ, друзья, теперь вѣнчаться?—говорю я имъ.

— Нѣтъ, не рано, бачка, самое время,—возражаетъ женихъ.

— Вѣнчаться-то имъ пора-бы,—присовокупляетъ и отецъ жениха, бѣловолосый старикъ,—и намъ-то бы старикамъ можно успокоиться и отдохнуть.

— А сколько тебѣ лѣтъ?—спрашиваю я жениха.

— 22-й годъ,—отрѣчаетъ онъ.

— А тебѣ сколько?—обращаюсь я къ невѣстѣ.

Эта нѣсколько времени постояла въ нерѣшительности и, затѣмъ сильно порозовѣвъ, отвѣчаетъ:

— 19-й.

Разыскиваемъ въ метрическихъ книгахъ года жениха и невѣсты и что-же оказывается? жениху всего лишь 17-ть, а невѣстѣ—15-ть лѣтъ.

— Видите и книга показываетъ, что не вышли вамъ года, говорю я имъ.

Женихъ и невѣста въ смущеніи.

— Дома-то никого теперь нѣтъ для работы, сами мы старики, ничего не въ состояніи работать,—пробуетъ жалобно говорить старикъ—отецъ жениха.

— Потерпи, старикъ,—говорю ему,—много терпѣлъ, а теперь не много осталось подождать...

По окончаніи всѣхъ записей, мы приступили къ совершенію требоисправленій. Народъ весь отступилъ назадъ и засуетился. Кто раздѣвалъ ребенка, кто искалъ крестъ для него, кто одѣвалъ брачущихся, расчесывалъ невѣстамъ косы и т. д. Потомъ всѣ встали, и приняли молитвенное положеніе. Сразу водворились въ домѣ тишина и молчаніе. Начали съ исповѣди говѣющихъ. Предварительно сказано было мною поученіе на якутскомъ языкѣ о необходимости искренняго раскаянія во грѣхахъ предъ Богомъ и о плодахъ такого раскаянія. Приведенъ примѣръ изъ притчи Спасителя о блудномъ сынѣ... Народъ слушалъ меня со вниманіемъ. Когда было окончено поученіе, во время чтенія псаломщикомъ покаянныхъ молитвъ и каноновъ, присутствовавшіе инородцы въ тишинѣ и порядкѣ одинъ по одному подходили ко мнѣ и благоговѣйно исповѣдывались.

Многіе говорили свои грѣхи и раскаивались въ нихъ искренно; они получали соотвѣтствующее утѣшеніе. Нѣкоторые, въ особенности изъ молодыхъ, въ какомъ-то страхѣ и смущеніи, говорили немногіе и маловажные свои грѣхи; эти получали соотвѣтствующее наставленіе и приводились къ возможно-полному сознанію своихъ грѣховъ. Приходили отроки и недавно вышедшія изъ младенческаго состоянія дѣти; имъ давались понятія объ отношеніи ихъ къ Богу, людямъ и самимъ себѣ, въ особенности внушались имъ добрыя правила поведенія въ семействѣ.

Послѣ исповѣди слѣдовало совершеніе таинствъ крещенія и брака. Предъ совершеніемъ таинства брака сказано было поученіе на якутскомъ языкѣ о важности и значеніи его и отвѣтственности лицъ, вступающихъ въ оный,—что выслушивалось внимательно всѣми не только брачущимися, но и посторонними присутствовавшими лицами. Во время всего чинопослѣдованія таинствъ народъ стоялъ чинно и благоговѣйно. Нѣкоторыя молитвы таинства крещенія, а также и брака, произносимыя и читаемыя по якутски, видимо производили на инородцевъ особенное умиляющее ихъ впечатлѣніе.

Послѣ таинствъ совершено было общее отпѣваніе умершихъ.

Отпѣваніе здѣсь большею частію совершаютъ заочно, въ отсутствіи тѣла умершаго и при томъ чрезъ довольно продолжительный промежутокъ времени послѣ смерти и погребенія. Въ большинствѣ якуты, по своей бѣдности, а главнымъ образомъ по отдаленности и крайнимъ неудобствамъ путей сообщенія, привозятъ священника къ себѣ только разъ, именно предъ смертію для напутствованія Св. Тайнами, а послѣ смерти для отпѣванія не приглашаютъ и даже своевременно не увѣдомляютъ священника, хотя приходскими священниками всегда дѣлаются частыя и настойчивыя напоминанія о необходимости христіанскаго погребенія тѣла умершаго человѣка по чиноположенію православной церкви.

Совершивши всѣ христіанскія требы, по благочестивой просьбѣ самого домохозяина, мы отслужили водосвятное мо-

лебствіе съ окропленіемъ св. водой всего его жилища. Народъ не расходился; всѣ приложились ко кресту и были окроплены св. водой.

Когда мы окончили здѣсь всѣ свои дѣла, было около 3-хъ час. по полудни. Мы наскоро пообѣдали и спѣшили ѣхать дальше. Народъ все еще не расходился; иные покупали свѣчи, ладонъ, иконы и кресты. Наконецъ мы уложили всѣ наши вещи и собрались въ путь. Но въ это время домохозяинъ, по принятому здѣсь обычаю, надѣлять гостей подарками, принесъ изъ своего амбара два большихъ глухаря и, положивъ ихъ на столъ, произнесъ:

— Вотъ, вамъ, бачки, за посѣщеніе. Мы рады имѣть въ своемъ убогомъ домѣ такихъ для насъ высокихъ гостей, какъ вы...

Мы признательно пожали руки гостепріимныхъ хозяевъ.

Уже стало темнѣть, когда мы выѣхали, напутствуемые благожеланіями домохозяевъ и многихъ другихъ провожавшихъ насъ людей.

24 ноября.

Мы стоимъ въ домѣ нѣкоего якута Семена „Бередчикъ“. Вчера вечеромъ, когда мы пріѣхали сюда, встрѣчавшихъ насъ было еще больше, чѣмъ въ предшествующей нашей ночевкѣ. Неуспѣлъ я въѣхать во дворъ, какъ подбѣжало нѣсколько якутовъ, которые, стряхнули съ меня снѣгъ и отворили дверь въ юрту. Я прошелъ сперва чрезъ скотское помѣщеніе, въ одномъ изъ угловъ котораго слѣпая старуха, медленно вертя жерновами, молола хлѣбъ; затѣмъ вошелъ въ переднее бревенчатое помѣщеніе, представлявшее изъ себя, какъ и у большинства здѣшнихъ инородцевъ, темную и низкую комнату, съ не высокой, досчатой перегородкой по срединѣ. У лѣвой и передней стѣны—нары, предъ которыми у передняго угла—столъ. На право за перегородкой—спальни домохозяевъ. Почти по срединѣ комнаты—каминъ съ горящими дровами. Надъ каминомъ, какъ и у всѣхъ якутовъ, висѣлъ желѣзный листъ для сушки хлѣба.

— „Кяпсе, бачка!“ (сказывай, батюшка),—обращаясь ко мнѣ, сдѣлалъ обычный приступъ хозяинъ дома, молодой и по

внѣшности довольно опрятный якутъ послѣ того, какъ я поздоровался съ нимъ и со всѣми присутствующими въ домѣ.

— „Сохъ, энь кяпсе“ (нѣчего, ты сказывай),—было моимъ отвѣтнымъ выраженіемъ.

— „Истибятимь“ (ничего не слышалъ),—сказалъ онъ и дальше, какъ при такихъ случаяхъ якутскаго разговора и полагалось, началъ съ погоды.

— Мы знаемъ, что на дворѣ страшный холодъ, что очень худо для нашего скота и для насъ самихъ.

Нѣкоторые, изъ сидѣвшихъ рядомъ съ хозяиномъ, подхватили его слова и начали дѣлать изъ нихъ разнообразные выводы. Перешли, затѣмъ, къ разговору о интересовавшихъ всѣхъ возчикахъ, которые уѣхали отсюда въ Олекминскъ, на Мачу, Мухтую и др. торговые пункты р. Лены до пріисковъ включительно и должны были въ скоромъ времени воротиться обратно. Далѣе рѣчь зашла о томъ, кто сколько и что отправилъ съ возчиками, когда и на сколькихъ лошадяхъ и т. д. Разговоры приняли случайный характеръ: каждый говорилъ о томъ, что его интересовало и что думалъ.

Большинство разговаривавшихъ прекрасно знали всѣ мѣстности и жителей по р. Ленѣ, что обнаруживало давнее ихъ знакомство съ тѣмъ краемъ. Даже молодые парни и мальчики и тѣ упоминаютъ объ Олекминскѣ, Мачѣ, Мухтуѣ и прочихъ пунктахъ р. Лены, какъ о давно имъ знакомыхъ и извѣстныхъ. Вообще жители здѣшняго края (верховья р. Вилюя) имѣютъ почти постоянныя сношенія съ вышеупомянутыми пунктами р. Лены, а въ особенности съ пріисками. Вслѣдствіе этого они не только знаютъ въ подробности мѣстности, и жителей тѣхъ краевъ, но и подражаютъ жизни и обстановкѣ русскихъ людей, проживающихъ въ вышеозначенныхъ пунктахъ р. Лены. Особенно это подражаніе замѣтно въ покроѣ костюмовъ, въ изготовленіи пищи и напитковъ, въ постройкѣ домовъ и т. п. Вмѣстѣ съ этимъ они не мало переняли изъ нравовъ и обычаевъ тѣхъ людей, въ особенности изъ жизни пріисковаго района, и хорошо и худо отзывающихся въ общемъ строѣ здѣшней жизни.

Сношенія-же здѣшніе инородцы съ пріисками и др. торгово-промышленными пунктами р. Лены ведутъ главнымъ образомъ чрезъ торговлю, чрезъ обмѣнъ здѣшняго сырья на русскій товаръ и деньги. Каждую осень послѣ рѣкостава по нѣсколько десятковъ лошадей отправляются отсюда на пріиски съ мясомъ, масломъ, молокомъ, рыбой, ягодами и пр. продуктами. Все это сдается якутами на пріискахъ въ обмѣнъ на главные предметы ихъ потребленія—чай, сахаръ, табакъ, ситецъ и пр., а также за деньги, необходимыя для уплаты податей. Далѣе,—общеніе здѣшнихъ якутовъ съ пріисками и другими пунктами р. Лены ведется чрезъ уходъ якутовъ на заработки въ эти пункты. Большими партіями бѣдные и неимущіе якуты, оставляя свои дома, женъ и дѣтей почти на произволъ судьбы, идутъ на пріиски или въ какой либо иной пунктъ р. Лены, чтобы найти тамъ для себя какой-нибудь заработокъ—кусокъ насущнаго хлѣба, или лишнюю денежку. И большинство изъ нихъ дѣйствительно находятъ тамъ заработки и выгоду, и такимъ образомъ матеріально обезпечиваетъ себя и семью на нѣкоторое время. Въ этомъ отношеніи пріиски и другіе торгово-промышленные пункты р. Лены безспорно оказываютъ благодѣтельное вліяніе на жизнь здѣшнихъ инородцевъ.

Вчера, до самаго сна, мы вели съ домохозяиномъ оживленныя бесѣды о пріисковой жизни. Какъ одинъ изъ постоянно бывающихъ на Ленѣ и пріискахъ, онъ разсказывалъ намъ о состояніи рабочихъ на пріискахъ, о торгово-промышленной дѣятельности тамъ здѣшнихъ якутовъ и т. д. Разсказывая о пріискахъ, онъ такъ заключилъ свою рѣчь:

— Трудно и жутко намъ якутамъ на пріискахъ, въ особенности являющимся тамъ впервые. Кругомъ грозитъ опасность или быть ограбленнымъ, или обманутымъ, или вообще кѣмъ либо обиженнымъ... Русскіе рабочіе, поселенцы тамъ страшные и отчаянные, не боятся при случаѣ кого и убить... Бога многіе изъ нихъ совершенно не знаютъ и не молятся Ему... Развратничаютъ до нельзя...

— Ну, а вы, какъ относитесь ко всему этому?—невольно спросилъ я.

— Конечно, и мы не безъ грѣха,—отвѣчалъ якутъ,—но только,—надо правду сказать,—особенно пріисковымъ русскимъ рабочимъ въ этомъ отношеніи мы не подражаемъ, потому что мы якуты отчасти вообще боязливы, а отчасти и расчетливы: не сунемъ носа туда, откуда онъ выйдетъ грязнымъ...

Слова якута были вполнѣ правдоподобны и заслуживали довѣрія.

Сегодня утромъ мы встали въ 7 часовъ. Насѣкомыя, бывшія въ этомъ домѣ въ изобильномъ количествѣ, не дали намъ спокойно спать. Мы съ псаломщикомъ бились на своихъ постеляхъ почти до самаго утра, хотя всѣ прочіе спали, повидимому, очень крѣпко. Обиліе этихъ насѣкомыхъ—„блохъ“ псаломщикъ объяснялъ постройкой дома на мшистомъ мѣстѣ, хозяинъ также утверждалъ, что онѣ зависятъ отъ качества земли и дерева, входящихъ въ составъ якутскаго дома.

Требоисправленій въ этомъ домѣ оказалось меньше, чѣмъ вчера. Исповѣдающихся было до 20 человѣкъ, крещеній два, браковъ два и отпѣваній три.

Вслѣдствіе того, что намъ сегодня по пути отсюда предстояло напутствованіе и соборованіе одной больной женщины, мы, по окончаніи всѣхъ нашихъ здѣсь требоисправленій, тотчасъ же поспѣшили въ дальнѣйшій путь. Нѣкоторая затяжка произошла отъ того, что къ запряжкѣ для насъ привели коней отчаянно дикихъ. Когда стали впрягать ихъ въ сани, одна лошадь, ставъ высоко, на дыбы, съ размаху повалилась на землю, изломала оглобли у саней и чуть не сшибла стоящаго около якута. Смирныхъ лошадей по близости не было, потому что всѣ онѣ отправлены были съ возчиками на Лену.

Къ санямъ были привязаны новыя оглобли, кони снова были запряжены въ сани, но на этотъ разъ съ большими предосторожностями и совокупными силами многихъ якутовъ.

Простившись съ домохозяевами и прочими людьми, мы не особенно охотно сѣли въ сани, предчувствуя отъ этой поѣздки большія непріятности. Къ моему коню подошли и схватили его подъ узцы двое якутовъ, а къ коню псаломщика—одинъ. Якутъ-же, предназначенный намъ въ проводники, сѣлъ на

своего коня верхомъ и взялся за веревку — отъ узды моего коня, чтобы вести его на поводу. Я съ проводникомъ долженъ былъ ѣхать впереди, а псаломщикъ позади насъ. Какъ думали, такъ и случилось. Только что отвязали отъ столба лошадей и заворотили ихъ въ сторону воротъ, какъ онѣ подхватили и помчали по лѣсной тропинкѣ во весь духъ. Я со своими санями летѣлъ вихремъ, ударяясь обо все, что встрѣчалось по пути. Жуткое это было путешествіе! Такъ и казалось, что вотъ, вотъ я сверну себѣ шею. Вскорости мы выѣхали на открытое мѣсто и только я вздохнулъ было радостно, какъ случилась еще большая бѣда: у хомута развязались гужи и дуга упала прямо на спину коня. Испуганный конь съ размаху кинулся въ сторону, вырвалъ веревку изъ рукъ моего проводника и помчался сломя голову куда глаза глядѣли. Я едва усидѣлъ въ саняхъ, но все-таки не выпустилъ изъ рукъ возжей. Снѣгъ въ огромномъ количествѣ летѣлъ мнѣ въ лицо. Какъ я ни старался удержать дикую лошадь, она все больше и больше свирѣпѣла и тащила меня впередъ. Уже близко былъ лѣсъ и дольше оставаться въ саняхъ было рисковано; я навалился всѣмъ своимъ тѣломъ на край саней и, когда они наклонились на бокъ, невредимо вывалился изъ нихъ на снѣгъ, бросилъ возжи. Конь мой послѣ этого еще съ большимъ остервѣненіемъ бросился впередъ и скоро скрылся въ лѣсу. Явившагося послѣ этого съ испуганнымъ видомъ своего проводника я немедленно отправилъ вслѣдъ за умчавшимся конемъ. Скоро подъѣхалъ и псаломщикъ. Конь его оказался сравнительно смирнѣе моего. Я пересѣлъ въ его сани и мы поѣхали къ недалеко виднѣвшейся якутской юртѣ.

Хозяинъ юрты, больной глазами якутъ, принялъ насъ, случайныхъ своихъ гостей, очень ласково и радушно. Сочувственно отнесшись къ нашему приключенію, онъ обѣщалъ дать намъ коня, но предупредилъ, что его конь тощій и безсильный.

Немного спустя явился и нашъ проводникъ, который притащилъ уже на себѣ мои сани. Послѣдніе нашлись въ лѣсу и оказались теперь со сломанными отводами и порядочно рас-

шатанными полозьями. Коня онъ такъ и не могъ поймать. Въ сани мои теперь впрягли новаго коня.

Здѣсь мы немного позамѣшкались вслѣдствіе приготовленія лекарства (которыя захвачены мною на всякій случай) для больного глазами домохозяина. Радости послѣдняго, послѣ того какъ онъ получилъ отъ насъ лекарство, не было конца.

Изъ послѣдней юрты мы по началу ѣхали довольно скоро, но потомъ конь нашъ началъ приставать и пошелъ тихо. Уже вечерѣло и становилось темно, а до больной женщины оставалось еще далеко—верстъ десять. Какъ я ни понукалъ возгласами свою лошадь, а проводникъ мой какъ усердно ни кричалъ на нее по якутски, ничто не помогало; лошадь продолжала очень тихо плестись, въ одномъ мѣстѣ даже и совсѣмъ стала. Я принужденъ былъ пересѣсть въ сани своего псаломщика и ѣхать съ нимъ вмѣстѣ. Но намъ обоимъ сидѣть было тѣсно и неудобно въ маленькихъ и узкихъ санкахъ, предназначенныхъ собственно только для одного человѣка при передвиженіи по здѣшнимъ узкимъ тропинкамъ.

Перетерпѣвъ всѣ препятствія и неудобства пути мы, наконецъ, подъѣхали къ стоящей одиноко среди пустынной мѣстности якутской юртѣ, едва теперь замѣтной въ темнотѣ. На первый взглядъ здѣсь трудно было различить признаки человѣческаго жилья. Когда отворили двери юрты, я вошелъ въ темное и низкое помѣщеніе скота. Меня сразу обдало непріятнымъ запахомъ свѣжаго скотскаго навоза. Темно и невидать ничего; я едва ощупью нашелъ слѣва у входа нары, куда и началъ раскладывать снимаемую съ себя верхнюю одежду. Оказалось, что здѣсь вмѣстѣ съ помѣщеніемъ скота было и жилое помѣщеніе хозяевъ. Когда по моему настоянію въ каминъ наложили новыхъ дровъ и разгорѣлся огонь, я увидѣлъ въ переднемъ углу юрты маленькую мѣдную икону, предъ которой теперь затеплена была черная и грязная восковая свѣча. Направо у стѣны, прямо подъ ледовымъ окномъ, пропускающимъ въ большомъ количествѣ наружный холодный воздухъ, лежала на нарахъ почти въ полуобнаженномъ видѣ, тяжело кашляя и дыша, больная и высохшая старуха.

Такъ какъ больная была въ очень тяжеломъ положеніи, то мы немедленно приступили къ напутствованію ея. Разложили на маленькій столикъ требу. Я приготовилъ Св. Дары. Начали чинопослѣдованіе таинства причащенія. Якуты, собравшіеся въ порядочномъ количествѣ, отодвинулись назадъ и начали истово молиться. Больная благополучно причащена Св. Дарами. Начали послѣ этого таинство елеосвященія. Присутствующимъ роздали восковыя свѣчи. Бѣдное и невзрачное помѣщеніе теперь приняло оживленный и радостный видъ. Значительное собраніе народа, присутствіе священнослужителей, совершеніе самого таинства и освѣщеніе отъ возженныхъ свѣчей,—все это придавало убогой хижинѣ особенное благолѣпіе и торжество, которое невольно чувствовалось и выражалось на лицахъ какъ домохозяевъ, такъ и всѣхъ здѣсь присутствующихъ якутовъ. Наконецъ было окончено и таинство елеосвященія.

По окончаніи требоисправленій намъ съ псаломщикомъ было предложено домохозяевами выпить по чашкѣ якутскаго пустого безъ прикуски чая.

Напившись чаю, благословивъ больную и простившись съ присутствующими, мы выѣхали отсюда къ слѣдующей ночевкѣ.

25 ноября.

Сегодня утромъ мы съ псаломщикомъ проснулись довольно поздно; изъ-за множества насѣкомыхъ, мы опять ночь плохо спали. Къ тому же одна старушка всю ночь бредила пѣніемъ и какими-то разговорами. Я нѣсколько разъ будилъ ее и просилъ оставить пѣніе и разговоры, но она каждый разъ сердито отворачивалась въ другую сторону и бормотала что-то непонятное для меня. Утромъ хозяева дома объяснили, что старуха больна, такъ называемымъ „менерикъ“ (состояніе нервнаго разстройства и полуумопомѣшательства) и что она всегда такъ проводитъ ночи съ пѣніемъ и разговорами—домашніе ея уже привыкли къ этому и не обращаютъ на нее вниманія.

Требоисправленій на сегодняшней остановкѣ не было за исключеніемъ исповѣди 13 человѣкъ и отпѣтія одной старухи, умершей года три тому назадъ.

Хотя я зналъ, отчасти, почему такъ поздно обращаются якуты за отпѣтіемъ своихъ умершихъ, но тѣмъ не менѣе сдѣлалъ имъ вопросъ, почему они такъ не радѣютъ о своихъ умершихъ родственникахъ, не грѣшно-ли такъ забывать ихъ,— на что всѣ, по обыкновенію, отвѣчали, что родственники умершей старухи люди совершенно бѣдные, что они не могли явиться къ священнику своевременно вслѣдствіе отсутствія у нихъ лошадей и т. д. При этомъ одинъ изъ присутствующихъ якутовъ дряхлый старичокъ замѣтилъ мнѣ еще слѣдующее:

— Эта старуха, бачка, соборовалась и была погребена съ вѣнцомъ и паспортомъ [1]), такъ что, намъ кажется, сдѣлано для нее все.

Когда я выразилъ на это свое недоумѣніе, старикъ, прокашлявшись, продолжалъ:

— Да, вѣдь, старый нашъ бачка, когда здѣсь былъ, соборовалъ ее и причастилъ, затѣмъ зная, что она бѣдная и что послѣ ея смерти за вѣнцомъ и паспортомъ все равно къ нему некому будетъ явиться, по нашей просьбѣ отдалъ намъ и вѣнецъ съ паспортомъ. Разъ старуха, такимъ образомъ, предъ смертію причастилась, а послѣ смерти взяла съ собой вѣнецъ и паспортъ, то мы и считаемъ, что сдѣлали для нея все положенное.

Пришлось долго разъяснять значеніе молитвъ и, въ частности, отпѣванія умершихъ.

— Ты, старикъ, напрасно такъ думаешь, что все главное и несбходимое сдѣлалъ для умершей старухи,—говорилъ я, воодушевляемый вниманіемъ къ моему простому слову на якутскомъ языкѣ всѣхъ присутствовавшихъ тутъ людей и ихъ искреннимъ желаніемъ научиться истинамъ христіанской вѣры, самое главное теперь для этой умершей, какъ и для всякаго

[1]) Онъ разумѣлъ здѣсь вѣнчикъ и разрѣшительную молитву, которые обычно кладутся съ умершимъ.

другого человѣка—есть именно отпѣтіе ея и церковная молитва за нея. Вѣнецъ и разрѣшительная молитва есть лишь внѣшнее выраженіе того, что умершій разрѣшается отъ земныхъ своихъ грѣховъ. Но разрѣшительная молитва сама по себѣ не можетъ открыть усопшему входъ въ Царствіе Небесное; онъ можетъ наслѣдовать его только чрезъ внутреннее свое раскаяніе во грѣхахъ и чрезъ молитвы св. Церкви и близкихъ его. Вѣдь это только здѣсь на землѣ, если мы имѣемъ какой-либо паспортъ или билетъ, могутъ насъ принимать вездѣ, куда мы придемъ, не зная, даже не разбирая нашихъ внутреннихъ достоинствъ. Богъ-же, всевѣдущій Владыка всего міра, принимаетъ въ свой чертогъ лишь того, кто по дѣйствительнымъ своимъ внутреннимъ качествамъ и по молитвѣ св. Церкви оказывается достойнымъ внити въ Его Царствіе. А такъ какъ каждый человѣкъ всегда грѣшенъ, то поэтому онъ всегда и нуждается въ молитвенной помощи. Вотъ почему и необходима молитва за умершаго, въ частности отпѣваніе его.

— Вѣрно, бачка, вѣрно говоришь,—согласился со мной старикъ,—мы темный народъ, ничего не знаемъ, а такъ сдуру болтаемъ, что вздумается, мѣшая христіанскую вѣру со старыми своими повѣріями.

— Старикъ про старое говоритъ,—подтвердилъ кто-то изъ присутствующихъ.

— Это прежде отцы и дѣды наши такъ думали, какъ разсказывалъ старикъ,—произнесъ другой якутъ,—нынѣ насъ бачки учатъ совсѣмъ иному, вотъ какъ ты говоришь,—обращаясь ко мнѣ, заключилъ онъ.

Большинство инородцевъ-якутовъ еще и по настоящее время держится своихъ старыхъ воззрѣній на судьбу человѣка послѣ смерти и какъ вообще на всѣ обряды Православной Церкви, такъ, въ частности, и на отпѣваніе умершихъ смотрятъ больше съ внѣшней стороны, т. е. все спасеніе человѣка полагаютъ именно во внѣшнемъ дѣйствіи, въ совершеніи надъ нимъ соборованія и въ возложеніи по смерти вѣнца и разрѣшительной молитвы и т. д. Касательно же воззрѣній и вѣрованій якутовъ о загробной жизни мнѣ извѣстно слѣдующее:

загробная жизнь есть продолженіе земной жизни, и тамъ за гробомъ, въ жилищѣ „Аисыта“ (Бога) есть богатые и бѣдные люди, и тамъ послѣдніе питаются обыкновенной пищей и одѣваются въ обыкновенныя одежды, ведутъ между собой обыкновенные разговоры и т. д. Каждый умирающій, прежде чѣмъ достичь жилища Бога, странствуетъ по разнымъ трудно проходимымъ мѣстамъ. Если умираетъ бѣдный, онъ испытываетъ трудности пѣшеходнаго странствованія, потому что для бѣднаго человѣка домашніе его коня не убиваютъ и потому загробное странствованіе онъ долженъ совершать пѣшимъ. Богатый же этихъ мукъ не испытываетъ, потому что при погребеніи его обыкновенно убивается любимый конь покойнаго (мясо котораго съѣдается собравшимися на похороны гостями, а голова и кости его развѣшиваются или укладываются надъ могилой покойнаго), и свое странствованіе покойный совершаетъ безъ всякихъ трудностей—верхомъ на своей лошади. Каждый изъ умершихъ долженъ имѣть отъ сей жизни билетъ или паспортъ, называемый по якутски „босборъ“, т. е. свидѣтельство о его земномъ поведеніи и дѣлахъ, по которому Богъ и принимаетъ каждаго въ свое жилище; безъ билета же умершій долженъ просто скитаться по безпредѣльному пространству, не находя себѣ мѣста—жилища. Затѣмъ, умершій богатый человѣкъ, доѣхавшій до жилища Бога на конѣ и имѣющій хорошее одѣяніе принимается Богомъ въ почетное, переднее мѣсто, ему приносятся богатыя и роскошныя одѣянія, богатыя и роскошныя кушанія и т. д. Умершій же бѣдный человѣкъ, дошедшій до жилища Бога пѣшкомъ, принимается въ заднее отдѣленіе жилища; ему дается плохая одежда и плохая пища... Какъ богатые, такъ и бѣдные здѣсь видятся со своими предками и другими умершими людьми. Какъ богатые такъ и бѣдные умершіе живутъ здѣсь, въ жилищѣ Бога, до скончанія вѣка и страшнаго суда.

Само собою понятно, насколько такія вѣрованія ослабляютъ религіозное настроеніе якутовъ и дѣлаютъ ихъ небрежными къ главному обряду Православной Церкви въ отношеніи умершихъ—отпѣванію умершихъ и порождаютъ разные суе-

вѣрные обычаи. Мнѣ кажется, что подобныя воззрѣнія якутовъ въ значительной степени поддерживаются существующимъ здѣсь почти повсемѣстно обычаемъ заочнаго отпѣванія умершихъ. Правда, обычай этотъ вызывается и оправдывается мѣстными, трудно устранимыми, условіями: громадными пространствами приходовъ, отсутствіемъ сколько-нибудь удобныхъ путей сообщенія, бѣдностью самихъ прихожанъ, такъ что своевременно пригласить священника часто не представляется возможнымъ. Поэтому отпѣваніе часто совершается уже много спустя послѣ погребенія, когда пріѣдетъ священникъ. Точно также вѣнчикъ и разрѣшительная молитва даются заранѣе на случай надобности въ нихъ. Поэтому обрядъ христіанскаго погребенія и не производитъ того живого и сильнаго впечатлѣнія, которое онъ производилъ бы, если бы совершался своевременно... Данный случай представляетъ для пастыря здѣшняго края въ числѣ другихъ одно изъ великихъ затрудненій въ его служеніи, съ которыми трудно бороться по мѣстнымъ условіямъ.

133.
Якутская Национальная Библиотека
Отд.
№
Шкаф.
Полка
Инв.

Вечеромъ сегодняшняго дня мы, послѣ довольно продолжительной ѣзды, прибыли въ домъ старосты Кюкяйскаго наслега нѣкоего К—скаго, находящійся недалеко отъ большой здѣшней почтовой и трактовой дороги. Въ домѣ его мы замѣтили скопленіе многочисленнаго народа. Самъ староста, или, по якутски такъ называемый „князь", старикъ съ хитрымъ и морщинистымъ лицомъ, въ полушубкѣ на бѣличьемъ мѣху съ горностаевымъ воротникомъ, встрѣтилъ насъ весьма ласково у самаго порога своего дома; онъ помогалъ намъ, между прочимъ, и снимать верхнія одежды и развѣшивать ихъ.

— Здравствуй, бачка, давно тебя здѣсь ждемъ,—обратился онъ ко мнѣ ласково, послѣ того, какъ я положилъ свою Дароносицу на божницу.

— Здравствуй, старикъ,- привѣтствовалъ и я его, здороваясь и подавая благословеніе ему и прочимъ собравшимся здѣсь якутамъ.

Государственная Краевед. фонд Якутская

— Ну, какъ ѣздишь?—продолжалъ онъ, по якутски обращаясь ко мнѣ, послѣ того, какъ всѣ получили отъ меня благословеніе.

— Ѣзжу хорошо, но требоисправленій пока что-то мало...

— А, вотъ, мы здѣсь тебя ожидаемъ, видишь, въ какомъ большомъ количествѣ. Здѣсь найдется достаточно требъ,— говорилъ старикъ заискивающимъ тономъ, улыбаясь и указывая пальцемъ на народъ.

— Радъ, очень радъ вашему усердію и религіозной исполнительности,—отвѣчалъ я ему.

— И мы то же очень рады тебѣ, бачка, для насъ счастіе, если мы оказываемся предъ Божьимъ человѣкомъ исправными,—льстиво говорилъ старикъ и дальше, улыбаясь же, продолжалъ,—и прежде мы всегда, въ особенности я, старались быть предъ бачками исправными, не щадили нашего усердія на оповѣщеніе и собраніе на твоихъ пристанищахъ.

Смотря на этого старика, своеобразнаго и хитраго якутскаго „тайона“ (господина), я не могу не вспомнить вообще о якутскихъ кулакахъ и заправилахъ общества и по настоящее время существующихъ почти во всѣхъ приходахъ нашей обширной и глухой епархіи, играющихъ не маловажную роль въ жизни церковно-служителей и требующихъ отъ послѣднихъ въ своихъ отношеніяхъ къ нимъ большой осмотрительности и осторожности.

Въ своей личной пастырской жизни, не такъ давно начавшейся, въ настоящемъ своемъ приходѣ я не мало уже встрѣтилъ препятствій и затрудненій отъ этихъ „тайоновъ“, въ подчиненіи у которыхъ, въ силу матеріальной зависимости, находятся почти всѣ инородцы наслеговъ. Для наглядности я позволю себѣ привести здѣсь хотя одинъ примѣръ подобнаго затрудненія, встрѣченный мною по первоначальномъ моемъ пріѣздѣ въ настоящій приходъ.

„Тайонъ“ одного изъ наслеговъ моего прихода, нѣкто И. Т., старикъ, очень тучный и вліятельный не только въ своемъ наслегѣ, но и въ цѣломъ улусѣ (въ настоящее время уже умершій), въ одно изъ своихъ посѣщеній моего дома,

совершенно по независящимъ отъ меня обстоятельствамъ, семействомъ моимъ былъ принятъ, какъ ему показалось, недостаточно почтительно и угощеніе предложено скудное. Сами мы этого не замѣтили, но „тайонъ“ обидѣлся и рѣшилъ отомстить.

Мѣсяца три спустя послѣ того, назначенъ былъ причтомъ въ домѣ моемъ обычный церковный сходъ для разсужденія и раскладки денегъ на мѣстныя церковныя нужды. Въ означенный сходъ прибыли всѣ родоначальники наслеговъ моего прихода, не исключая и старика И. Т. (который прежде, нужно замѣтить, почти никогда не посѣщалъ эти наши сходы). По обыкновенію, на сходѣ стали обсуждать церковныя нужды и церковный ремонтъ, жалованье трапезнику, караульному, просфорнѣ и т. п. Когда зашла рѣчь о назначеніи добавочнаго жалованья отъ прихожанъ просфорнѣ, (которой, за отсутствіемъ штатной просфорни и болѣзни супруги мѣстнаго псаломщика, временно состояла, надо замѣтить, моя супруга), къ общему нашему удивленію, старикъ И. Т. всталъ со своего мѣста и, сдѣлавъ знакъ одному, то-же изъ вліятельныхъ „тайоновъ“, родоначальнику Кюкяйскаго наслега, старику К—скому (тому самому, въ домѣ котораго въ настоящее время находимся мы съ псаломщикомъ), вышелъ на дворъ. За нимъ, разумѣется, тутъ-же вышелъ и вызываемый старикъ. Минутъ черезъ пять они возвратились. Первый изъ нихъ, т. е. старикъ И. Т., при общемъ нашемъ молчаніи, важно объявилъ свое совершенное нежеланіе выдавать по старому жалованье просфорнѣ, мотивируя тѣмъ, что послѣдняя получаетъ изъ казны въ годъ 40 руб. За нимъ то-же самое, но только въ болѣе хитрой и ласковой формѣ, сталъ говорить и старикъ К—скій. Протестъ причта, церковнаго старосты и присутствовавшихъ здѣсь прочихъ менѣе значительныхъ родоначальниковъ не имѣлъ никакого вліянія на обоихъ упорныхъ стариковъ—„тайоновъ“. Такимъ образомъ добавочное жалованье просфорнѣ отъ прихожанъ (которое издавна здѣсь велось, какъ и въ другихъ здѣшнихъ приходахъ) на настоящемъ нашемъ сходѣ было совершенно прекращено. Но въ моемъ приходѣ есть и было много людей доброжелательныхъ и сочувствую-

щихъ дѣламъ службы причта. Такими людьми были (то-же вліятельные среди якутовъ)—церковный староста мѣстной церкви Е. Т., инородецъ Н. Т. (сынъ старика И. Т.) и др. Они, въ согласіи съ прочими прихожанами моего прихода, рѣшили дѣло это поправить вторичнымъ собраніемъ прихожанъ. Былъ для собранія назначенъ другой день. На этотъ разъ старикъ И. Т. не пришелъ на собраніе, а явился отъ его наслега довѣреннымъ сынъ его, доброжелательный къ намъ Н. Т. Дѣло это уладилось, наконецъ тѣмъ, что былъ составленъ новый приговоръ за подписью всѣхъ родоначальниковъ и довѣренныхъ отъ наслеговъ въ томъ, что прихожане согласны давать добавочное жалованье мѣстной просфорнѣ, но съ ограниченіемъ противъ стараго на 20 р. (т. е. вмѣсто 80 р. въ годъ—60 р.). При чемъ для вящей важности и полноты всего ихъ обсужденія, однимъ изъ присутствующихъ родоначальниковъ было во всеуслышаніе сказано: „20 р. ограничиваемъ изъ жалованья просфорни въ виду того, чтобы не оставались праздными слова „тайона“ нашего И. Т.“.

Такова сила вліянія якутскаго „тайона“ даже на цѣлый приходъ.

Подобные „тайоны“ или заправилы общества, какъ я потомъ узналъ, въ случаѣ какого либо неугожденія имъ со стороны церковно-служителей, вредятъ послѣднимъ во многихъ и другихъ отношеніяхъ. Такъ, напримѣръ, они дѣлаютъ ложные доносы на церковно-служителей сами, или подстрекаютъ къ этому своихъ сородичей, и безъ того очень расположенныхъ къ сутяжничеству вообще, разстраиваютъ добрыя отношенія пастыря съ пасомыми, отдаляютъ послѣднихъ отъ прямыхъ ихъ религіозныхъ обязанностей и проч. Словомъ нерѣдко они нарушаютъ миръ и добрыя отношенія въ приходѣ и ставятъ всяческія препятствія священнику въ исполненіи имъ своихъ обязанностей.

Пристрастіе якутовъ вообще къ разнаго рода доносамъ и жалобамъ замѣчено уже давно, и не только на свое духовенство, но даже между собою и на своихъ собратьевъ,—отчего сутяжничество у нихъ составляетъ постоянное и обычное явленіе.

26 ноября.

Послѣ утренней молитвы и чая, мы, по обыкновенію, приступили къ записи требоисправленій. Всѣ разомъ опять хлынули къ нашему столу. Опять начались вопросы съ нашей стороны и отвѣты со стороны якутовъ. Тутъ я наткнулся на одно весьма распространенное среди здѣшнихъ инородцевъ явленіе,—именно на добрачное сожительство якутовъ.

И по настоящее время существуетъ у нихъ продажа невѣстъ за, такъ называемый, „калымъ“, состоящій изъ извѣстнаго количества скота и денегъ, съ тою лишь разницею, что прежде въ старину сдѣлку заключали съ самаго младенческаго возраста жениха и невѣсты и съ большею торжественностью, а теперь по достиженіи ими извѣстнаго возраста,—обыкновенно отъ 10 до 15 лѣтъ—и просто и незатѣйливо. Обыкновенно, по высватаніи невѣсты и уплаты за нее части, а иногда и полнаго „калыма“, женихъ имѣетъ полное право свободно сожительствовать съ ней впредь до самаго вѣнчанія.

Нельзя представить себѣ всѣхъ недоразумѣній и печальныхъ послѣдствій, происходящихъ отъ этого обычая для самихъ инородцевъ и для пастыря здѣшняго края. Напр., одинъ родитель жалуется, что зять его, поживъ съ его дочерью, бросилъ ее... А бросившій тоже жалуется, что по обычаю якутовъ тесть его, отдавая за него свою дочь, обѣщалъ вмѣстѣ съ нею дать приданое, но не далъ его, или далъ лишь часть обѣщаннаго. А бываетъ и такъ, что невѣста, поживъ со своимъ женихомъ, разочаруется въ немъ и не желаетъ съ нимъ вѣнчаться... Или отецъ самъ отбираетъ свою дочь отъ зятя, будучи недоволенъ неаккуратною платою „калыма“ и т. д.

Сегодня же по поводу добрачнаго сожительства якутовъ произошло у меня слѣдующее объясненіе съ однимъ якутомъ.

Старикъ якутъ Испирень (Спиридонъ) просилъ меня незаконнорожденнаго младенца его дочери отъ жениха ея вписать въ книгу законнорожденнымъ въ виду того, что зять его, пріѣхавъ съ пріисковъ, все равно въ скоромъ времени обвѣнчается съ его дочерью.

— Вѣдь, это беззаконіе!—воскликнулъ я съ изумленіемъ.

— Да, вѣдь, бачка, дочь-то моя уже согласилась выйти за того человѣка и за другого теперь не выйдетъ,—говорилъ старикъ.

— Какъ же ты до вѣнца-то отдѣляешь свою дочь, развѣ это возможно?—въ недоумѣніи спрашиваю я.

— Вѣдь, онъ высваталъ мою дочь, отдалъ мнѣ за нее слѣдуемый „калымъ“ и чего же еще больше? Я и отдѣлилъ ее отъ себя, а бракъ пока отложили до удобнаго случая...

Старикъ говорилъ о добрачномъ сожительствѣ своей дочери, какъ о дѣлѣ вполнѣ естественномъ и обычномъ.

— Какой странный обычай!—промолвилъ я, размышляя о сказанномъ.

Тогда старикъ, постоявъ нѣсколько времени, началъ:

— Тебѣ, бачка, страннымъ кажется этотъ обычай. Но, вѣдь, это дѣлается можетъ быть отчасти и по нашему невѣжеству, но главнымъ образомъ по нашей бѣдности и потребности имѣть скорѣе лишнюю работницу въ своемъ домѣ. Ты самъ знаешь, бачка, какъ мы нуждаемся и дорожимъ этимъ, живя своими трудами и въ потѣ лица добывая кусокъ насущнаго хлѣба. Кто силенъ и имѣетъ много рукъ, тотъ и живетъ хорошо, а кто малосиленъ и одинокъ, тотъ въ жизни своей всегда еле бьется, и терпитъ голодъ и холодъ. Приключается съ нимъ болѣзнь и всякая немощь, тогда его никто не поддерживаетъ и когда онъ помираетъ, отъ жизни его не остается никакого слѣда потомства. Поэтому кто имѣетъ сына, хотя бы несовершеннолѣтняго, скорѣй старается найти ему невѣсту, а также и имѣющій дочь, хотя бы тоже несовершеннолѣтнюю, тоже старается найти ей подходящаго жениха. У такихъ людей есть кому лѣтомъ сѣно скосить, сгрести или сметать его, также и зимой есть кому подоить, накормить скотъ и подчистить навозъ въ хлѣву. Чѣмъ раньше такіе люди обезпечиваются помощниками, тѣмъ раньше и больше они улучшаютъ свою жизнь.

Я счелъ своимъ долгомъ напомнить здѣсь, какъ разговаривавшему со мной старому, такъ и прочимъ слушателямъ—

якутамъ, о грѣховности и вредѣ ихъ обычая добрачнаго сожительства жениха и невѣсты, въ особенности же несовершеннолѣтнихъ. Я сказалъ, что это великій грѣхъ, который наказывается Богомъ и указалъ на седьмую заповѣдь десятословія съ полнымъ ея разъясненіемъ, привелъ нѣсколько библейскихъ, а также и изъ ихъ жизни примѣровъ гибельности нарушенія означенной заповѣди. Наконецъ, помянулъ слова Спасителя о томъ, что преступникъ даже и тотъ человѣкъ, который съ нечистою мыслію смотритъ на женщину и т. д. Мои слова, повидимому, были выслушаны всѣми внимательно. Многіе изъ слушающихъ говорили:

— „Чахчы кирдикъ, себтюкъ бачка этярь“ (истинно и хорошо говоритъ батюшка).

Но сколь скоро якуты соглашаются и склонны бываютъ къ воспріятію христіанскаго ученія и къ исполненію его столь же скоро, по своей неразвитости и подъ давленіемъ суровой для нихъ дѣйствительности, они отступаютъ отъ воспринятыхъ ими правилъ и убѣжденій. Въ данномъ случаѣ мѣстныя условія—бѣдность якутовъ, отдаленность ихъ отъ своихъ храмовъ и священниковъ, совершающихъ браки ихъ и многія другія причины дѣйствительно не мало располагаютъ ихъ къ печальному обычаю добрачнаго сожительства.

Сколько нужно для здѣшняго пастыря труда и энергіи, чтобы вести борьбу противъ столь гибельныхъ пороковъ своихъ прихожанъ! Сколько нужно опыта, такта и знанія жизни якутовъ! Сколько нужно тѣснаго и близкаго общенія съ ними, чтобы настойчиво и терпѣливо преслѣдовать эти отрицательныя стороны жизни пасомыхъ!..

Послѣ окончанія записей послѣдовательно были совершены и церковныя требы—крещеніе, бракъ, отпѣваніе и т. д.

Въ веденіи записей помогалъ намъ здѣсь одинъ якутскій мальчикъ изъ недавно окончившихъ курсъ въ мѣстной церковно-приходской школѣ.

Этотъ якутскій мальчикъ своей опрятной внѣшностью и почтительно вѣжливымъ обращеніемъ сразу обращалъ на себя вниманіе и производилъ впечатлѣніе нѣкоторой культур-

ности. При чемъ оказываемое имъ содѣйствіе въ письмоводствѣ было вполнѣ осмысленное. Кромѣ того онъ участвовалъ и при требоисправленіяхъ чтеніемъ и пѣніемъ.

Надо сказать, что такія личности, по окончаніи курса въ здѣшнихъ школахъ, при добромъ ихъ направленіи, приносятъ краю не мало ощутительной пользы. Такъ, они показываютъ добрый примѣръ благоповеденія гражданина и человѣка христіанина, открываютъ и разъясняютъ многія недоумѣнія и затрудненія своимъ собратамъ темнымъ якутамъ въ нравственно-религіозной жизни, помогаютъ и въ домашне-практической жизни ихъ, напр., въ веденіи нужнаго письмоводства, счетоводства и т. д.

Но, къ сожалѣнію, надо признаться, что подобныя личности—курсовики единичныя, несмотря на повсемѣстное распространеніе вышеупомянутыхъ школъ. Это происходитъ отъ многихъ причинъ. Одна изъ причинъ—это нежеланіе самихъ якутовъ разставаться съ своими дѣтьми; оторванныя изъ подъ опеки своихъ родителей дѣти, по убѣжденію якутовъ, теряютъ связь съ роднымъ семействомъ и дѣлаются индифферентными къ ихъ интересамъ и образу жизни. Многіе же не обучаютъ въ школахъ своихъ дѣтей, руководясь матеріальными разсчетами: дѣти, живущія при родителяхъ, приносятъ матеріальной прибыли больше, помогая имъ въ хозяйствѣ. Но главная причина, это матеріальная скудость и необезпеченность какъ самихъ якутовъ, такъ и здѣшнихъ церковно-приходскихъ школъ. Многіе якуты и желаютъ обучать своихъ дѣтей въ этихъ школахъ, но не имѣютъ никакихъ средствъ къ содержанію ихъ при школѣ, а школа въ свою очередь также не можетъ давать содержаніе ученикамъ. Обыкновенно, на каждую церковно-приходскую школу отпускаютъ изъ казны денегъ всего лишь на 2—3 учениковъ и то по 40 руб., но эта сумма, при здѣшней дороговизнѣ съѣстныхъ припасовъ, прямо ничтожна [1]). Въ этомъ отношеніи сравнительно хорошо обез-

[1]) Напр. 1 п. мяса здѣсь стоитъ 2 р. 80 к. и 3 р., 1 п. ржаной муки 3 р. и 3 р. 50 к., ячменной—2 р. 80 к. и 3 р., масло 14—15 руб. пудъ и т. д.

печены здѣшнія министерскія школы: въ то время когда въ церковно-приходскихъ школахъ отпускается изъ казны средствъ на 2—3 ученика по 40 руб., въ министерскихъ даютъ на 20—30 учениковъ по 80—90 руб. въ годъ на каждаго, когда въ первыхъ отпускаютъ на содержаніе всего школьнаго помѣщенія въ годъ 70—80 руб., въ послѣднихъ даютъ на сторожа отдѣльно въ годъ 120 р., на повара 120 р., кромѣ того особо ассигнуютъ извѣстную сумму и на освѣщеніе и отопленіе школы. Благодаря этимъ преимуществамъ, министерскія школы всегда имѣютъ большее число учащихся, чѣмъ наши церковно-приходскія.

Во время чаепитія мнѣ пришлось выслушать довольно любопытное заявленіе домохозяина по поводу названія своего рода — „Оюнъ уса“ (шаманскій родъ [1]).

— Не нравится намъ такое названіе нашего рода— „Оюнъ уса“,—говорилъ старикъ,—какъ будто въ насъ только однихъ сосредоточено все шаманство. Нельзя ли будетъ перемѣнить его на другое названіе? – спрашивалъ онъ.

— Конечно можно,—только съ этой просьбой вамъ нужно обращаться не ко мнѣ, а къ вашему обществу и непосредственному вашему гражданскому начальнику.

— Отъ шаманства, дай Богъ, быть дальше и не слышать помину объ немъ,—говорилъ старикъ, видимо стараясь выразить мнѣ свое отвращеніе къ шаманству.

Большинство якутовъ, проживающихъ въ центральныхъ и населенныхъ мѣстностяхъ, такъ называемыхъ по якутски,— „дойду сирь“, дѣйствительно въ настоящее время значительно отстали отъ шаманства, но въ отдаленныхъ мѣстностяхъ прихода и среди болѣе бѣдныхъ и невѣжественныхъ жителей, шаманизмъ все еще имѣетъ приверженцевъ и сказанія о чудесныхъ дѣйствіяхъ старинныхъ шамановъ сохранились въ памяти всѣхъ.

---

[1]) Въ общественномъ отношеніи якуты раздѣляются на улусы, наслеги и роды, которые имѣютъ свои особыя назначенія.

— Нынѣшній шаманъ вовсе не шаманъ, а обманщикъ,— говорилъ мнѣ тотъ же старикъ,—прежде дѣйствительно были шаманы...

И онъ разсказывалъ мнѣ, какъ старинные шаманы во время своихъ дѣйствій и заклинаній пороли себѣ животъ, отрѣзали голову, ѣли горячіе угли и что они дѣйствительно сносились съ духами, исцѣляли больныхъ и т. д.

Сегодняшнимъ днемъ мы, закончивъ свой объѣздъ южныхъ ближайшихъ наслеговъ прихода (Кангаласскихъ и Кюкяйскихъ [1]), воротились домой.

29 ноября.

Сегодня намъ предстоитъ путешествіе по направленію къ сѣверо-западу прихода, на рѣчку Мялякя и верховья рѣчки Ыгатта (Тюбяйскій наслегъ), а оттуда обратно чрезъ рѣчку Долгусай (Нерюктяйскій наслегъ). Проводникъ и лошади уже готовы. Приготовившись и взявъ все нужное, мы въ 11 часовъ дня двинулись въ новый дальній путь.

30 ноября.

Согласно нашей повѣсткѣ, первая остановка должна быть у якута Аѳанасія Михалева. Когда мы вчера вечеромъ пріѣхали къ нему, народу, встрѣтившаго насъ, было очень много: всѣ, взявъ отъ меня, по обыкновенію, благословеніе, на ночь разошлись по сосѣднимъ юртамъ. Сегодня утромъ снова всѣ собрались. Кромѣ того многіе пришли съ новорожденными младенцами, завернутыми въ заячьи шкурки и уложенными за спинами и пазухой. Нѣкоторые пріѣхали на дровняхъ, въ которыя впряжены были быки и кони. Было болѣе 20 человѣкъ исповѣдниковъ и болѣе 10 человѣкъ причастниковъ [2]).

---

[1]) Описываемый приходъ Шеинской Георгіевской церкви состоитъ изъ трехъ полныхъ и четырехъ неполныхъ наслеговъ Сунтарскаго улуса, изъ которыхъ съ южной стороны церкви расположены—Кангаласскій и Кюкяйскій, съ западной стороны—Тюбяйскій и Нерюктяйскій, съ сѣверной—Тюбяйско-Шарханскій и съ восточной—Бутукайскій и Бордонскій. Всего пространства въ окружности около 1000 верстъ.

[2]) Причастники въ это время года случаются вообще какъ исключеніе; обыкновенно якуты причащаются здѣсь въ теплое время года и когда устанавливается удобство саннаго передвиженія,—весной.

Въ числѣ послѣднихъ, между прочимъ, оказался якутскій шаманъ, по якутскому прозвищу—„Чонгохъ“.

Скажу объ этомъ шаманѣ нѣсколько словъ.

Шаманъ „Чонгохъ“, по христіанскому имени и отчеству,—Гавріилъ Павловъ, Тюбяйскаго наслега, есть типъ современнаго якутскаго шамана—колдуна. Ему 50 лѣтъ; не смотря на это онъ еще бодръ и силенъ. Свое шаманское служеніе, какъ онъ самъ признается, началъ еще въ молодости своей.

— Духи,—говорилъ онъ,—еще въ молодости вселились во мнѣ и не давали покоя, въ началѣ во снѣ, а затѣмъ и на яву; они мучили меня, возбуждали мой умъ и доводили его по помраченія. Я становился тогда дикимъ, члены мои получали невольныя движенія и, словомъ, начиналъ я тогда бѣсноваться. Но въ то же время я становился прозорливымъ и бывалъ въ состояніи сноситься съ міромъ таинственнымъ. Я понялъ тогда, что призываюсь самими духами къ служенію имъ, съ тѣхъ поръ я и началъ шаманствовать...

Съ тѣхъ поръ якутъ „Чонгохъ“ сдѣлался шаманомъ и его стали приглашать къ себѣ для совершенія различныхъ заклинаній. Заболитъ кто, по убѣжденію якутовъ, это бѣсъ мучитъ, надо устранить бѣса, а его устранить можетъ только посвященный для этого человѣкъ, т. е. шаманъ. И вотъ „Чонгохъ“ приглашается сперва однимъ, затѣмъ другимъ, третьимъ и т. д. Болѣзнь разъ или два случайно проходитъ и „Чонгохъ“ становится общеизвѣстнымъ: къ нему начинаютъ обращаться всѣ и во всѣхъ своихъ нуждахъ и ближайшіе и отдаленные, и богатые, и бѣдные.

Понятно, поэтому, какое большое затрудненіе эти шаманы причиняютъ здѣшнимъ пастырямъ въ ихъ просвѣтительной дѣятельности!

Собственно, по взглядамъ самихъ якутовъ, какъ потомъ я узналъ, шаманъ вовсе не противенъ Богу, потому что онъ, когда, напр., старается посредствомъ своихъ заклинаній излечить человѣка отъ болѣзни, то онъ устраняетъ этимъ силу демоновъ, а сила демонская, или что тоже по взгляду якутовъ,—зло, которое противно и нежелательно не только чело-

вѣку, но и Богу. Такимъ образомъ человѣкъ, призывающій шамана и прибѣгающій къ дѣйствіямъ послѣдняго для устраненія отъ себя болѣзни или иного зла, по взгляду якутовъ, поступаетъ согласно съ благостію Бога и Его добрымъ хотѣніемъ—здоровья и благополучія вообще всѣмъ Его тварямъ. Нужно лишь при этомъ помнить Бога и угождать Ему. Иными словами – можно угождать демону и въ то же время Богу. Здѣсь, такимъ образомъ, усматривается нѣкоторый дуализмъ во взглядахъ якутовъ, вѣрованіе въ два начала— доброе и злое.

Вслѣдствіе такого взгляда якутовъ въ шаманизмъ, послѣдній кажется для нихъ вполнѣ совмѣстимымъ съ христіанскимъ вѣрованіемъ. Поэтому, угождая шаману и нечистымъ духамъ, якуты въ то же время являются людьми вполнѣ набожными, съ радостію и охотой исполняютъ всѣ обряды и постановленія православной Церкви. Сами шаманы также набожны. Шаманъ „Чонгохъ“ почти каждый годъ говѣетъ и причащается, хотя иногда для этого и требуетъ нѣкотораго напоминанія. „Чонгохъ“, какъ самъ выражается, истинный христіанинъ, только подверженный силѣ демоновъ.

— Я бы радъ быть вообще такимъ, какимъ вы, бачка, меня учите быть, но я не могу; какъ приблизятся ко мнѣ демоны, такъ я невольно начинаю бѣсноваться и вообще шаманствовать,—такъ говоритъ онъ мнѣ каждый разъ, когда я начну разоблачать его дѣйствія и дѣлать ему пастырскія наставленія. Помимо распространенія въ населеніи невѣжественныхъ предразсудковъ и суевѣрій, шаманы приносятъ населенію и чисто физическій вредъ. Такъ, они служатъ часто проводниками заразныхъ болѣзней, производя свои заклинанія въ одномъ и томъ же костюмѣ и въ домѣ заразнобольного, и въ домѣ здоровыхъ жителей или такихъ больныхъ, какъ напр. родами. Часто во время большихъ эпидемій они, шаманя въ заразно-больномъ домѣ, привлекаютъ въ послѣдній много любопытныхъ и тѣмъ самымъ нарушаютъ изоляцію больныхъ отъ здоровыхъ. Не мало вреда они приносятъ населенію и въ санитарно-гигіеническомъ отношеніи. Такъ, напр., извѣстно, что многіе шаманы жертвуемые духу

отбросы убитой имъ скотины выбрасываютъ въ водопойныя мѣста. Такъ поступилъ недавно одинъ шаманъ сосѣдняго прихода, нѣкто „Манхасій“, въ 1-мъ Богдонскомъ наслегѣ. Шаманамъ не чужды и изувѣрскія дѣйствія. Недавно здѣсь неподалеку былъ изувѣченъ по настоянію шамана одинъ мальчикъ. Разсказываютъ, что въ лѣсу у дровосѣковъ исчезла пила, а вблизи никого не было, чтобы заподозрить кого либо въ утайкѣ этой пилы. Тогда владѣльцы пилы созвали шамана и попросили его попрорицать. Шаманъ послѣ извѣстныхъ заклинаній указалъ, какъ на утаителя пилы, на одного 10-ти лѣтняго мальчика. Послѣдняго нашли и начали допрашивать, а такъ какъ мальчикъ не сознавался, то поэтому, уведя въ лѣсъ и связавъ веревкой, начали пытать его: они били по лицу, по спинѣ, драли розгами, волочили по землѣ и т. д., изрыкая проклятія. Мальчикъ все не признавался. Тогда къ истязателямъ присовокупился и самъ шаманъ. Остервенѣвшіе палачи чуть было не убили мальчика. Лишь случайно появившіеся здѣсь другіе люди едва спасли жизнь этой несчастной жертвы человѣческихъ предразсудковъ... Конечно, подобныхъ примѣровъ проявленій изувѣрства и невѣжественныхъ предразсудковъ въ здѣшней глуши сколько угодно.

Приходскіе священники ведутъ съ шаманами и ихъ вредными дѣйствіями настойчивую и упорную борьбу, почти ежегодно призывая ихъ въ церковь, налагая на нихъ постъ и эпитеміи, стараясь дѣйствовать словомъ убѣжденія и на пасомыхъ, занимающихся шаманизмомъ, призывая родоначальниковъ принимать участіе въ искорененіи этихъ дѣйствій шамановъ въ приходѣ и проч.

Нерѣдко, вслѣдствіе всего вышесказаннаго, сами шаманы принимаютъ различныя ухищренія для того, чтобы отстранить отъ себя вниманіе приходскихъ священниковъ и ихъ сотрудниковъ. Въ этомъ отношеніи не безинтересенъ одинъ случай, не такъ давно происшедшій съ тѣмъ же шаманомъ „Чонгохъ“ въ моей квартирѣ, когда онъ вмѣстѣ съ шаманами былъ впервые приглашенъ мною въ церковь для пастырскаго на-

ставленія. Въ то время, когда остальные шаманы по первому моему вызову явились ко мнѣ аккуратно, принеся орудія своихъ шаманскихъ дѣйствій—бубны и спокойно выслушали пастырское мое наставленіе, шаманъ „Чонгохъ“ долго не являлся ко мнѣ, отзываясь, что духи не пускаютъ его. Только уже на третій мой вызовъ онъ явился. Но въ то время, когда онъ прибылъ въ мою квартиру, меня случайно въ домѣ не было. По разсказамъ очевидцевъ, „Чонгохъ“, подходя къ дверямъ моего дома, неистово вскрикнулъ и, когда раскрылись двери, присутствующимъ въ домѣ представилась поразительная картина: весь трясущійся, въ лохмотьяхъ, съ безсмысленнымъ взглядомъ, съ разинутымъ и слюнявымъ ртомъ, съ черными растрепанными волосами и съ бубномъ въ одной рукѣ, произнося непонятныя слова, вошелъ человѣкъ дикаго и безумнаго вида... Всѣ растерялись и не знали что дѣлать. Шаманъ сдѣлалъ движеніе впередъ и затѣмъ разомъ рухнулъ всѣмъ своимъ грузнымъ тѣломъ на близко стоящую скамью. Съ нимъ, повидимому, начался не то припадокъ, не то бѣснованіе. Бывшая въ домѣ якутская прислуга въ суевѣрномъ страхѣ выбѣжала на дворъ, школьные мальчики попрятались по угламъ, а дѣвочки, не зная куда дѣться, рыдали. Семейство мое, впервые видѣвшее такую сцену и думая, что съ шаманомъ начинается дѣйствительное бѣснованіе, было сильно перепугано и забилось въ самую отдаленную комнату дома, готовое при случаѣ также выбѣжать на дворъ. Скоро я явился въ домъ, и шаманъ „Чонгохъ“ нѣсколько поуспокоился, хотя на всѣ мои вопросы отвѣчалъ безсмысленно. Такъ, напр., на вопросъ почему заставилъ ждать себя долго, онъ отвѣчалъ, что по приказанію царя Соломона бѣсы не пускали его сюда. Спустя нѣкоторое время, когда онъ окончательно пришелъ въ сознаніе, я, увелъ его въ церковь и далъ ему наставленіе о грѣховности занятія шаманствомъ и отвѣтственности за него предъ Богомъ и убѣждалъ прекратить таковое на будущее время. Со всѣмъ сказаннымъ мною „Чонгохъ“ соглашался и, въ концѣ концовъ, отдалъ мнѣ свой бубенъ и торжественно обѣщался больше не шаманить.

Каково же было мое огорченіе, когда впослѣдствіи я узналъ, что „Чонгохъ“ вышеописанную сцену въ моей квартирѣ продѣлалъ намѣренно, съ цѣлію лишь напугать мое семейство и меня самого, чтобы такимъ образомъ разъ навсегда избавиться отъ меня и дать полный просторъ своему шаманскому служенію!..

Согласно просьбѣ домохозяевъ, мы отслужили молебенъ съ водосвятіемъ, затѣмъ приступили къ совершенію и другихъ требъ.

Крещеній здѣсь было больше всѣхъ другихъ требъ.

Изъ воспріемниковъ и воспріемницъ получился длинный рядъ, едва умѣстившійся въ тѣсномъ помѣщеніи домохозяевъ. Спокойные до того младенцы, обвернутые въ заячьи шкурки, при снятіи послѣднихъ для крещенія, подняли такой неистовый плачъ, что и привыкшая къ подобному шуму моя голова пошла кругомъ. Слова молитвъ и пѣснопѣній никакъ нельзя было слышать.

Погруженіе младенцевъ совершалось, какъ и всегда, въ одной водѣ, помѣщавшейся по обыкновенію въ берестяной якутской посудѣ, называемой — „чабычахъ“. Сосудъ этотъ очень неудобенъ для совершенія крещенія. Онъ малъ и тѣсенъ, всего младенца въ немъ нельзя погрузить. На немъ не стоятъ свѣчи, падая или въ воду, или на грязный полъ, къ тому же посуда эта всегда нечиста, хотя и принимаются всѣ мѣры къ ея очищенію. Возить же съ собой церковную купель, вслѣдствіе здѣшнихъ неудобныхъ путей сообщенія, не представляется возможнымъ.

1 декабря.

Сегодня мы у зажиточнаго якута Тюбяйскаго наслега Николая Анисимова „Нюкка“. Обстановка дома его сравнительно культурная: русскій бревенчатый домъ, съ крышей, съ большими стеклянными окнами и пестро изукрашенными масляной краской ставнями. Внутри дома первое отдѣленіе его имѣетъ три комнаты—зало, спальню и переднюю. Зало изукрашено ситцевыми, хотя довольно и загрязненными, обоями, а окна и двери—бѣлой и желтой красками. Есть мебель:

два своеобразныхъ съ большими спинками дивана, круглый столъ, который стоитъ въ переднемъ углу зала и нѣсколько крашеныхъ желтой и черной краской стульевъ. Второе отдѣленіе дома составляетъ, отдѣленная отъ перваго капитальной перегородкой, кухня. Въ послѣдней обстановка чисто якутская—нары, посреди глиняный каминъ и одинъ столъ. Здѣсь собирается простой народъ. Къ кухнѣ съ боку пристроенъ, такъ называемый „хатонъ", т. е. отдѣленіе для скота. Скотское помѣщеніе, такимъ образомъ, и здѣсь смежно съ человѣческимъ жильемъ, но сравнительно далеко и поэтому навознаго запаха отъ него не слышно.

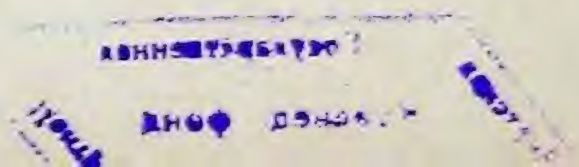
Вчера вечеромъ, когда мы пріѣхали сюда, въ домѣ почти никого не было, кромѣ хозяйки и маленькихъ ребятъ. Хозяинъ дома уѣхалъ на наслежный сходъ, а отсутствіе ~~въ~~ домѣ прочихъ людей—прислуги хозяйка откровенно объяснила тѣмъ, что они ушли къ сосѣдямъ играть въ карты. Надо замѣтить, что игра эта здѣсь очень распространена. По разсказамъ домохозяйки играютъ въ карты всѣ, не исключая и дѣтей. Играютъ на все, что имѣетъ какую нибудь цѣнность,—на деньги, продукты, вещи, одежду и т. п.

— Нашъ рабочій парень,—разсказывала мнѣ домохозяйка,—работу совершенно забросилъ; прилѣпился къ картамъ; проигралъ свой поясъ, ножъ и платокъ, теперь играетъ на свою порцію мяса,—вотъ, до чего дошли они.

Поздно, уже ночью, собралась домашняя прислуга, и пріѣхалъ со схода и самъ хозяинъ.

Между прочимъ, по поводу распространенности здѣсь картежной игры домохозяинъ нашъ говорилъ мнѣ слѣдующее:

— Якуты вообще трудоспособны, но тяжкія условія жизни и малоразвитость самихъ насъ не очень благопріятствуютъ распространенію здѣсь какихъ бы то ни было ремеслъ и занятій. Мы подавлены бѣдностію, слабы, вѣчно голодны, потому вѣчно безсильны и апатичны къ серьезной и усидчивой работѣ... Въ нашихъ рѣкахъ и озерахъ масса рыбы, въ нашихъ лѣсахъ масса пушнины, но мы сами не добываемъ ихъ въ избыткѣ и все это не по лѣности нашей, а потому,



что не имѣемъ силъ и энергіи. Дайте намъ возможность быть матеріально обезпеченными, поставьте насъ въ лучшія условія жизни, мы будемъ тогда трудиться... Жизнь якутовъ вообще очень бѣдна, однообразна и скучна, въ особенности въ зимнее время,—и невольно заставляетъ насъ искать какого либо легкаго развлеченія. Такимъ развлеченіемъ и является для нашего брата картежная игра... Другихъ развлеченій мы не знаемъ.

Якутская Национальная библиотека Отдел Инв.

Здѣсь, кстати, не могу не замѣтить объ отзывѣ многихъ пріѣзжающихъ сюда русскихъ людей, преимущественно изъ чиновнаго міра, о якутскомъ трудолюбіи. Этимъ пріѣзжимъ якуты кажутся страшно лѣнивыми существами, вслѣдствіе чего даже подверженными вымиранію... Но опытъ свидѣтельствуетъ намъ, гдѣ жизнь инородцевъ поставлена въ сравнительно лучшія условія, они трудолюбивы не менѣе русскихъ. Взять, для примѣра, жизнь инородцевъ, хотя ближайшаго пункта—Олекминскаго округа. Тамъ якуты, точно такъ же, какъ и русскіе, усердно и съ большимъ успѣхомъ занимаются сельскохозяйственными работами, такъ что избыткомъ своихъ трудовъ они снабжаютъ не только свой округъ. А чѣмъ объяснить такую трудоспособность этихъ инородцевъ? Разумѣется, удобствами ихъ экономической жизни, знаніемъ сравнительно лучшихъ способовъ обработки земли и т. д. Мимолетные и поверхностные наблюдатели кажущуюся бездѣятельность здѣшнихъ якутовъ сразу приписываютъ лѣности якутовъ, не зная въ сущности образа жизни ихъ. Жизнь же здѣшнихъ якутовъ крайне безотрадна и стѣснена почти во всѣхъ отношеніяхъ. Отдаленность здѣшняго края отъ центровъ культурной жизни, заброшенность его, отсутствіе сколько нибудь удобныхъ путей сообщенія, отсутствіе всякаго разумнаго руководства и средствъ просвѣщенія и т. д.,—все это создаетъ рядъ условій, неблагопріятствующихъ процвѣтанію здѣшняго края. Духовная и физическая бѣднота якутовъ вызываетъ ослабленіе ихъ силъ и оскуденіе всякой жизнедѣятельности... При лучшихъ условіяхъ экономическая и культурная жизнь якутовъ, несомнѣнно была бы иная... Но къ

Государственная Краевед. фонд

сожалѣнію и по сіе время нѣтъ никакихъ внѣшнихъ признаковъ улучшенія образа жизни якутовъ...

Изъ требоисправленій было здѣсь—4 крещенія, 1 бракъ, 1 отпѣтіе умершаго и 22 исповѣдавшихся.

Въ 11 часовъ дня мы выѣхали отсюда. Днемъ по дорогѣ заѣзжали въ одну юрту и напутствовали больного мальчика.

Вечеромъ этого дня прибыли въ мѣстность—„Кердюгянь“ и остановились для ночевки въ бѣдной юртѣ одного старика. Здѣсь оказались изъ требоисправленій—2 крещенія и 1 отпѣтіе, которыя мы, въ виду завтрашней далекой поѣздки, совершили сегодня вечеромъ.

2 декабря.

Проводникъ нашъ сегодня рано разбудилъ насъ; усердно дергая за руки и ноги говорилъ:

— Вставайте, бачки, далеко сегодня ѣхать намъ!

Мы проворно встали, умылись и наскоро напились приготовленнаго чаю. На дворѣ только что начало свѣтать, какъ мы выѣхали. Была страшная пурга. Сильный вѣтеръ со свистомъ проносился мимо насъ, подымая тучи снѣга. Деревья гнулись и съ шумомъ и трескомъ качались изъ стороны въ сторону. Лошади наши едва находили дорогу и съ трудомъ двигались впередъ. Дорога больше шла по открытому мѣсту, по руслу рѣчекъ, но иногда лѣсомъ и тальниковымъ кустарникомъ. Въ лѣсу было тише и тогда я дѣлалъ отверстія у своего шарфа противъ глазъ и такимъ образомъ имѣлъ возможность хоть немного видѣть свѣтъ Божій... Проѣхавъ верстъ около 40, мы, наконецъ, около полудня, усталые и продрогшіе, нашли въ мѣстности „Олёнь-кёль“ убогую якутскую юрту, куда съ удовольствіемъ и заѣхали для отдыха. Здѣсь все свидѣтельствовало о совершенной бѣдности и дикости края; убогая хижина стояла среди совершенно пустынной мѣстности, безъ всякаго огражденія снаружи, вблизи юрты не было ни амбара, ни другихъ какихъ либо построекъ. Всѣ вещи, посуда, постель и даже съѣстные припасы просто лежали на дворѣ около юрты подъ открытымъ небомъ.

Обстановка внутри юрты то же была совершенно убогая; вся рухлядь и домашнія принадлежности были на виду въ разбросанномъ и вообще хаотическомъ видѣ. По срединѣ юрты стоялъ глиняный каминъ, распространяющій по всей юртѣ страшный дымъ и смрадъ, отъ чего вся внутренность юрты была закопчена сажей. Около камина висѣлъ большой комъ снѣга, таявшая съ него вода капала въ особенную посуду и собиралась для чаепитія. Сами домохозяева, при нашемъ входѣ, были полунаги, въ короткихъ лишь кожаныхъ штанахъ, а дѣти и совершенно голыя. Взрослые поспѣшили одѣться и подошли подъ благословеніе, а дѣти отъ испуга попрятались за каминъ.

Послѣ обычнаго „кяпсе“ (сказывай), мы сѣли за столъ пить приготовленный чай. И мутный изъ снѣжной воды якутскій чай намъ продрогшимъ на морозѣ показался очень вкуснымъ и мы пили его съ удовольствіемъ.

Послѣ чая домохозяева просили меня исповѣдать и причастить ихъ и окрестить еще младенца. При чемъ предупреждали меня, что они, за совершеннымъ отсутствіемъ хлѣбной и вообще растительной пищи, питаются молочнымъ. Такое заявленіе меня нисколько не удивило, какъ дѣло совершенно обычное въ здѣшнихъ мѣстахъ.

Якуты здѣшнихъ отдаленныхъ мѣстъ, во 1-хъ, живутъ очень изолировано, доставать имъ хлѣбъ изъ мѣстъ склада его очень далеко, да часто и не начто, во 2-хъ, сами они хлѣба не сѣютъ, не зная способовъ обработки земли и не имѣя для этого никакихъ орудій. Поэтому, обыкновенно, единственную пищу у здѣшнихъ якутовъ составляетъ лишь молоко и выдѣлываемые изъ него, такъ называемые, „соратъ“ и „таръ“ (кислое молоко), смѣшанные съ дресвесной корой, а также мясо лѣсныхъ дикихъ животныхъ и птицъ и наконецъ—чай пустой безъ всякой прикуски. Вотъ все, чѣмъ якуты здѣшнихъ мѣстъ питаются и живутъ. Вслѣдствіе всего этого, разумѣется, они не имѣютъ никакой возможности соблюдать положенные Православной церковію посты. Во время говѣнія они, обыкновенно, оставляютъ лишь мясную пищу

и то только на нѣкоторое время, когда до исповѣди и Св. причастія остается всего дня два или три.

Мы выѣхали отсюда въ 3 часа дня. Далѣе по дорогѣ заѣзжали въ мѣстности „Ымыяхтыръ“ въ одну юрту, гдѣ причастили и соборовали больную старуху.

3-го декабря.

Мы стоимъ на урочищѣ—„Бысыттахъ“, въ домѣ якута Андрея Данилова, въ 80 верстахъ отъ церкви. Народу, готовившагося къ таинствамъ исповѣди и Св. причастія, здѣсь было много, также много было здѣсь и другихъ церковныхъ требъ. Еще вчера вечеромъ было сдѣлана запись исповѣдниковъ. Моему псаломщику досталось опять много труда по отыскиванію въ исповѣдныхъ росписяхъ именъ разныхъ лицъ. Во время записи горячій потъ такъ и катился градомъ съ его старческой и лысой головы. Многіе прямо сбивали его съ толку, причисляя себя, напр., не къ тому роду [1]), къ которому дѣйствительно принадлежали. Такъ, одинъ велитъ искать себя въ „Оюнскомъ“ роду, а самъ принадлежитъ „Мялякинскому“. Другой велитъ искать себя въ книгѣ бывшаго рода его жены, или рода его родственниковъ и т. д. За каждымъ подобнымъ случаемъ псаломщику приходится перелистывать всю книгу исповѣдной росписи и напрягать все свое вниманіе на каждую страницу ея. Нѣкоторые якуты не знаютъ христіанскихъ именъ своихъ родителей, именъ своихъ женъ и т. д

Сегодня, послѣ обычной обѣдницы, было пріобщено болѣе 30 человѣкъ обоего пола. Въ числѣ причастниковъ было трое больныхъ. Одинъ страдалъ цингой и имѣлъ раны на ногѣ, которыя испускали гнилостный и тяжелый запахъ; другой страдалъ лишаями по всему тѣлу; третій былъ чахоточный. Не смотря на просьбы больныхъ, я не могъ дать имъ ничего, за исключеніемъ лишь нѣкоторыхъ гигіеническихъ совѣтовъ и указаній.

---

[1]) Якуты раздѣляются на округа, улусы, наслеги и роды.

Относительно врачебной помощи въ здѣшнемъ краѣ надо сказать, что она очень скудна, или даже вовсѣ не существуетъ. Въ округѣ всего 2 врача и 1—въ колоніи прокаженныхъ; такъ что для большинства населенія врачебная помощь прямо недоступна. Разъѣздовъ по округу (по наслегамъ) врачи не дѣлаютъ, за исключеніемъ въ году двухъ или трехъ поѣздокъ по улуснымъ инороднымъ управамъ. Но и послѣднія совершаются безъ всякаго предварительнаго оповѣщенія, такъ что даже ближайшіе къ управамъ жители и тѣ не имѣютъ никакой возможности видѣться со своимъ врачемъ въ нужное время. Населеніе Вилюйскаго округа, въ особенности дальнихъ улусовъ (Сунтарскаго и Хачинскаго), такимъ образомъ, мало имѣютъ понятія о врачахъ и о ихъ пользѣ для края. Немудрено, поэтому, что многими якутами недавно, когда въ г. Якутскѣ представителями инородцевъ обсуждался вопросъ о введеніи земства, былъ заявленъ оригинальный планъ замѣнить участковыхъ врачей якутскими шаманами,—послѣдніе-де лечатъ лучше русскихъ „лохтуровъ“...

Среди самихъ якутовъ также нѣтъ никакихъ медицинскихъ средствъ. Понятіе якутовъ вообще о болѣзни таково, что она есть дѣйствіе злыхъ духовъ, называемыхъ “ерь“, т. е. безпокойныхъ и блуждающихъ душъ ихъ предковъ и отцовъ. Исходя изъ этой точки зрѣнія, якуты при болѣзняхъ употребляютъ заклинательныя и умилостивительныя суевѣрныя дѣйствія надъ больными чрезъ приближенныхъ къ духамъ лицъ—шамановъ.

Въ здѣшней окраинѣ ощущается особенно сильный недостатокъ въ спеціалисткахъ акушеркахъ и фельдшерицахъ. Ихъ въ округѣ нѣтъ ни одной, и потому женское населеніе лишено всякой медицинской помощи. Обыкновенно, роды совершаются при вмѣшательствѣ невѣжественныхъ якутскихъ бабокъ-знахарокъ, которыя своими варварскими пріемами только вредятъ и родильницѣ и новорожденному.

Среди здѣшняго духовенства не разъ возбуждался вопросъ о заведеніи домашнихъ аптечекъ, но, по отсутствію средствъ, подобная мысль оставалась безъ осуществленія.

Въ послѣднее время епархіальное начальство разрѣшило нѣкоторымъ священникамъ заводить аптечки на церковныя деньги не свыше суммы 25 руб. Но тутъ необходимо возникаетъ вопросъ о пріобрѣтеніи священниками хотя нѣкоторыхъ элементарныхъ теоретическихъ и практическихъ медицинскихъ познаній. А между тѣмъ здѣшнее духовенство почти не имѣетъ возможности ихъ пріобрѣтать. Нужныя свѣдѣнія по этой части духовенство могло бы получать чрезъ то или иное взаимообщеніе съ мѣстными участковыми врачами (послѣдніе въ лицѣ духовенства могли бы имѣть полезныхъ себѣ помощниковъ), но къ сожалѣнію, этого взаимообщенія почему-то здѣсь не замѣчается. Нельзя также не пожалѣть о скудости медицинскаго образованія, даваемаго и въ нашей мѣстной семинаріи. Въ послѣдней преподаваніе медицины поручено такому лицу (медицинскому инспектору), которое большую часть своего времени употребляетъ на исполненіе прямыхъ своихъ обязанностей, именно на разъѣзды по области, ревизію больницъ и т. д., а временно занимающія его лица очень легко относятся къ дѣлу. Кромѣ того въ семинаріи мало времени удѣляютъ на ознакомленіе учащихся съ практической стороной медицинскаго дѣла, не показываютъ на опытѣ напр., начало и теченіе болѣзней, не знакомятъ съ лекарствами и ихъ приготовленіемъ и т. д. Всѣ подобныя причины семинарскія познанія по медицинѣ дѣлаютъ ничтожными и скоропреходящими...

Крещеній сегодня было—3, браковъ 2, отпѣваній—4.

Въ 2 часа дня мы выѣхали изъ нашего сегодняшняго пристанища къ рѣчкѣ—„Мялякя“. Дорога здѣсь и всегда плохая и неустроенная, а вчерашняя мятель и совсѣмъ ее уничтожила. Лошадямъ нашимъ приходилось очень трудно, тѣмъ болѣе, что онѣ были безсмѣнныя. Бѣдныя онѣ! Не находя дороги, большею частію двигались прямо по глубокому снѣгу. Отъ задышки ихъ въ воздухѣ такъ и стояло цѣлое облако пара. Послѣ мучительной 3-хъ часовой ѣзды, мы, наконецъ, достигли опять одной якутской юрты. Жители ея, по обыкновенію, вышли встрѣчать насъ. Мы вошли въ юрту

якута, нѣкоего по прозвищу „Бекчегеръ“. Въ переднемъ углу дома у иконъ были затеплены свѣчи. Присутствовавшіе встрѣтили насъ стоя и подошли ко мнѣ подъ благословеніе. Самъ хозяинъ оказался больнымъ и лежалъ на кровати у лѣвой перегородки, издали наблюдая за всѣми нашими дѣйствіями. Послѣ того, какъ всѣ получили отъ меня благословеніе, и онъ громко ударилъ своими ладонями, давая этимъ знать и о своемъ желаніи принять пастырское благословеніе. Поздоровавшись со всѣми, мы разсѣлись по мѣстамъ и начали съ домохозяевами и другими присутствующими обычное—„кяпсе“. Вскорости поданъ былъ горячій чай. Во время чаепитія больной хозяинъ, пожилой якутъ съ открытымъ и симпатичнымъ лицомъ, заявилъ, что онъ сильно боленъ и желаетъ, поэтому, напутствоваться. На послѣдовавшую нашу готовность немедленно исполнить его желаніе, онъ искренно радовался и говорилъ слѣдующее:

— Бачка, ты не повѣришь, какъ намъ худо здѣсь жить вдали отъ храма Божія и священниковъ. Мы не видимъ и не знаемъ свѣта Божьяго и несемъ тягостную жизнь, не имѣя по отдаленности никакой возможности при нашихъ болѣзняхъ исповѣдаться и причаститься Св. Таинъ... Какъ я счастливъ, имѣя теперь возможность напутствоваться! Вѣрно на спасеніе моей души Богъ послалъ мнѣ васъ!..

Приготовивъ все нужное мы тотчасъ же приступили къ совершенію таинствъ. Всѣ благоговѣйно молились. Нѣкоторыя молитвы и эктеніи, произносимыя по якутски, производили особенное впечатлѣніе на больного и присутствующихъ, особенно слова разрѣшительной молитвы таинства елеосвященія: „Царю Святый“... читаемой іереемъ надъ больнымъ съ возложеніемъ на главу его Евангелія. Стоявшіе вблизи нѣкоторыя женщины, вѣроятно родственницы больного, къ удивленію моему [1]), отирали слезы со своихъ глазъ, а всѣ прочіе въ это время истово крестились и дѣлали поклоны...

[1]) Поэтому я такъ выражаюсь, что якуты вообще чувствительность свою во внѣ почти никогда не проявляютъ.

Послѣ совершенія таинствъ, радости больного и его признательности къ намъ не было конца...

4—5 декабря.

Мѣстность „Миляка“, гдѣ живетъ старикъ якутъ нѣкто „Секъ“ и гдѣ мы теперь стоимъ, составляетъ послѣдній и самый отдаленный пунктъ сѣверо-западной части нашего прихода. Отсюда до приходскаго храма по прямому пути ровно 100 верстъ. Неподалеку здѣсь расположены жители и другихъ приходовъ: къ сѣверу живутъ якуты Мегежекскаго прихода, къ западу — Билючанскаго и къ востоку — Ботомайскаго. Сношеніе всѣхъ здѣшнихъ жителей съ ихъ приходскими храмами, вслѣдствіе дальности разстоянія, неудобства путей сообщенія, бѣдности жителей и пр. крайне затруднительно. Въ большинствѣ здѣсь якуты не имѣютъ еще понятія о церковномъ богослуженіи, младенцы всегда остаются без. Св. Причастія, и умираютъ иногда даже безъ крещенія. больные умираютъ безъ св. напутствія и хоронятся безъ отпѣванія; многіе супружествуютъ безъ церковнаго вѣнчанія и т. д. Все это заставляетъ думать объ открытіи здѣсь, если не самостоятельнаго храма и причта, то по крайней мѣрѣ объ устройствѣ особенной часовни, могущей удовлетворить хотя нѣкоторыя религіозныя потребности здѣшнихъ жителей. Но препятствіе въ томъ, что они крайне бѣдны и потому не въ состояніи нести расходы по постройкѣ хотя-бы даже и часовни. Дѣло въ томъ, что зданіе часовни, какъ предназначаемое для сравнительно и возможно большаго количества народа, должно быть довольно просторно, а потому и матеріалу для его постройки понадобится много. Затѣмъ это зданіе необходимо должно, хотя по временамъ, отопляться, а для этого потребуется прислуга; наконецъ, оно должно охраняться. Все это вмѣстѣ взятое потребуетъ отъ прихожанъ значительныхъ расходовъ. Поэтому, мнѣ кажется, лучше выбрать здѣсь, гдѣ окажется удобнѣе, одинъ болѣе обширный, чистый и удобный домъ или юрту и сдѣлать къ этому дому или юртѣ съ передней (восточной) его стороны

предназначенную для часовни маленькую лишь пристройку. Такая пристройка должна занимать пространство не болѣе 2-хъ квадратныхъ саженей и имѣть по срединѣ престолъ. Она должна предназначаться лишь для священнослужителей. Народъ же во время священнодѣйствія долженъ находиться въ помѣщеніи дома или юрты. Снаружи эта пристройка должна быть отмѣчена однимъ крестомъ и обнесена маленькой оградой или изгородью. Во все время, когда не совершается служба въ этой пристройкѣ, послѣдняя должна быть постоянно запертою и ключи должны находиться въ рукахъ или самого причта, или домохозяевъ. Постройка подобной часовни обойдется очень не дорого и не обременитъ прихожанъ, а значеніе ея будетъ тоже, что и особой самостоятельной часовни.

На другой день нашего сюда пріѣзда вечеромъ, послѣ окончанія записей исповѣдающихся, я, псаломщикъ мой и прочіе присутствовавшіе расположились по нарамъ и стали по обыкновенію, бесѣдовать между собой.

Кто-то поправилъ огонь въ каминѣ, дрова затрещали и въ помѣщеніи стало весело и свѣтло.

Разговоры имѣли случайный характеръ. Между прочимъ здѣсь якуты коснулись вопроса о земствѣ, введеніе котораго ожидалось въ недалекомъ будущемъ.

— Вотъ, говорятъ, будетъ у насъ земство, самоуправленіе... Справимся ли мы съ этимъ дѣломъ, вѣдь, мы еще такъ темны и мало знаемъ? — спросилъ меня одинъ изъ якутовъ.

— Мнѣ кажется, въ земствѣ ничего нѣтъ мудренаго и непосильнаго для васъ,— отвѣчалъ ему я,—потому что, вѣдь, не всѣ же вы такъ темны и неразвиты и во главѣ вашего самоуправленія будутъ стоять люди умные и образованные... Даже и теперь вы справляетесь со многими вашими общественными дѣлами, напр., съ земельнымъ пользованіемъ, продовольственными дѣлами, сборами податей и т. д. и имѣете свои родовыя Управленія и Управы, члены которыхъ состоятъ изъ вашихъ же братьевъ. При земствѣ же съ подобными

дѣлами будете чувствовать себя тогда болѣе самостоятельными и свободными...

Далѣе якуты стали разспрашивать меня о томъ, для чего вводится у нихъ земство, почему мѣняютъ старый общественный строй жизни на новый, какіе отъ этого будутъ результаты и т. д. Я постарался, какъ могъ, разъяснить всѣ эти вопросы и недоумѣнія своихъ собесѣдниковъ.

— А что говорятъ, будто при земствѣ русскіе совсѣмъ будутъ устранены отъ якутовъ, что у насъ будетъ собственное свое, независимо отъ русскихъ, самоуправленіе?—спросилъ другой якутъ.

— Нѣтъ, это едва-ли должно быть,—отвѣчалъ я,—потому что какъ русскіе, такъ и якуты живутъ здѣсь при однихъ и тѣхъ же условіяхъ, за малыми, быть можетъ, лишь исключеніями.

— А на служебныя должности при земствѣ намъ придется избирать русскихъ?—продолжалъ спрашивать якутъ.

— Разумѣется, будете избирать кого захотите и изъ русскихъ, и изъ якутовъ, словомъ тѣхъ, коихъ сочтете тогда для себя болѣе полезными и нужными.

— Если такъ, то хорошо, — говорилъ якутъ, — а то намъ нѣкоторые внушаютъ, что будто русскихъ мы совсѣмъ не должны будемъ избирать на должности.

— Намъ не нравятся назначенія на служебныя должности такихъ лицъ,—продолжалъ дальше якутъ,—которыхъ мы совсѣмъ не знаемъ и они насъ не знаютъ, т. е. разныхъ пріѣзжихъ людей, которые одинъ день покажутся, а на другой исчезаютъ. Такіе люди и нашихъ нуждъ не знаютъ, и мы ихъ желаній и стремленій не знаемъ. Мы рады избирать и изъ русскихъ, но только обязательно изъ мѣстныхъ, потому что такіе болѣе знаютъ наши нужды...

— Такъ и будетъ,—отвѣчалъ я имъ,—вѣдь среди васъ есть много такихъ русскихъ, которые извѣстны вамъ и доброжелательны.

— Это вѣрно,—даже такихъ доброжелательныхъ къ намъ среди русскихъ больше, чѣмъ среди нашихъ богатыхъ и вліятельныхъ якутовъ—„тайоновъ“ (господъ), сказалъ кто-то.

Рѣчь зашла о якутскихъ „тайонахъ“, о томъ какъ, они кулачествуютъ среди инородцевъ, какъ легко и скоро захватываютъ въ свои руки власть и силу, какъ потомъ загребаютъ народное достояніе и т. д.

— Вѣдь у нашихъ „тайоновъ“ мы, мелкій классъ населенія, являемся постоянными и даровыми работниками,—говорилъ кто-то, -вотъ, напр., лѣтомъ приходится всю ихъ работу намъ исполнять... Принуждаютъ, что подѣлаешь?! Если не пойдешь на ихъ зовъ хоть разъ, тебя задавятъ, ходу не дадутъ, въ долгъ ничего не станутъ отпускать, мало того, къ чему-нибудь придерутся и житья совсѣмъ на мѣстѣ не дадутъ...

Далѣе стали жаловаться на то, какъ эти „тайоны“ обижаютъ бѣдныхъ въ землепользованіи, отбирая себѣ лучшія мѣста, а худшія отводя бѣднымъ, какъ они дорого продаютъ свой товаръ народу и дешево скупаютъ его продукты, какъ мало участвуютъ въ натуральныхъ общественныхъ повинностяхъ, напр., въ исправленіи дорогъ, въ гоньбѣ лошадей и проч., и даже какъ многіе изъ нихъ собранныя съ народа подати растрачиваютъ на свои нужды и потомъ показываютъ недоимки народа и т. д. Мнѣ передавали, что многіе изъ этихъ личностей, считаются образованными и даже въ настоящее время борцами за нужды народа...

Слушая ихъ, становилось жаль этихъ несчастныхъ бѣдныхъ якутовъ и досадно за ихъ доброжелателей—„тайоновъ“...

За разговорами время шло незамѣтно. Уже было поздно, когда домохозяева захлопотали объ ужинѣ.

На третій день нашего пріѣзда сюда утромъ были причащены 30 человѣкъ обоего пола, въ числѣ которыхъ была одна больная женщина. Совершили 4 крещенія, 2 брака и 2 отпѣтія умершихъ.

По окончаніи требоисправленій я роздалъ нѣсколькимъ якутамъ лекарства. Одному якуту, болѣвшему глазами, я далъ

примочку: другому, страдавшему этой же болѣзнію въ легкой формѣ, далъ въ видѣ дезинфекціонирующаго средства борную кислоту, и т. д. Многіе не получили отъ меня никакихъ лекарствъ отчасти за отсутствіемъ ихъ, а отчасти вслѣдствіе моего непониманія ихъ болѣзней.

Часовъ около 2-хъ, мы, окончивъ здѣсь всѣ наши дѣла, напутствуемые благожеланіями народа, двинулись отсюда обратно, но по совершенно новому пути, чрезъ мѣстность, называемую „Долгусай".

Долго ѣхали мы по совершенно пустыннымъ и никѣмъ необитаемымъ мѣстомъ. Глазамъ нашимъ представлялись однообразныя долины, поросшія тальникомъ и можжевельникомъ... Ничего живого мы не видали по дорогѣ, лишь кое-гдѣ встрѣчали по снѣгу слѣды дикихъ оленей и сохатыхъ, да изрѣдка пролетали мимо насъ стаи рябчиковъ, глухарей или другихъ горныхъ и лѣсныхъ птицъ. Было страшно холодно. Наши усталыя лошади едва двигались по узкой и плохо утоптанной дорогѣ, понуривъ головы; густое дыханіе ихъ такъ и стояло въ воздухѣ облакомъ...

Послѣ долгихъ, скучныхъ и томительныхъ переѣздовъ, послѣ мучительныхъ молчаній и однообразныхъ визговъ саней и топота копытъ, мы наконецъ поздно вечеромъ достигли мѣстности „Долгусай". Съ радостью вошли мы въ одну якутскую юрту, хотя очень невзрачную по внѣшности, но за то достаточно теплую, и увидѣли живыхъ людей...

6 декабря.

Сегодня мы причастили 7 человѣкъ; совершили 1 крещеніе, 1 отпѣваніе умершаго человѣка, какъ потомъ я узналъ, якутскаго шамана.

По совершеніи требъ, въ завязавшемся между мной и якутами религіозномъ собесѣдованіи, я здѣсь опять наткнулся на воззрѣніе и вѣрованіе якутовъ въ шамановъ. Одинъ изъ якутовъ между прочимъ обратился ко мнѣ съ слѣдующимъ вопросомъ:

— Бачка, вотъ у насъ якутовъ есть вѣрованіе, что шамана Богъ создалъ и существованію его на землѣ не препятствовалъ... Какъ это на самомъ дѣлѣ по твоему?

На выраженное мной изумленіе по поводу этого вопроса, якутъ продолжалъ слѣдующее:

— По сказанію нашихъ предковъ, въ раю съ незапамятныхъ временъ жили Аисытъ (Богъ) и Антынъ (Сатана). Аисытъ съ помощниками былъ нрава кроткаго и добраго, Антынъ-же—нрава буйнаго и строптиваго. Они оба другъ съ другомъ не сходились. Послѣдній изъ нихъ, т. е. Антынъ проявлялъ въ раю много нехорошаго, что не нравилось Аисыту и нарушало общій порядокъ и строй жизни въ раю. Наконецъ, когда Антынъ ввелъ въ грѣхъ Адама и Еву, Аисытъ вышелъ изъ терпѣнія и, посовѣтовавшись со своими помощниками, нашелъ нужнымъ низвергнуть Антына изъ рая въ адъ. Для этого онъ послалъ архангела Гавріила, но такъ какъ послѣдній не могъ одолѣть Антына, который въ моментъ прихода къ нему архангела, превращался въ бодливаго быка, то Аисытъ силу архангела Гавріила удвоилъ, давъ ему второе имя—Михаилъ. Только тогда архангелъ смогъ Антыта низринуть въ адъ. Но въ тотъ самый моментъ, когда Антыну нужно было спускаться изъ рая въ адъ, онъ по волѣ Аисыта испустилъ нечистый духъ, который и обратился въ шамана. Этотъ шаманъ и былъ первымъ на свѣтѣ шаманомъ и самъ Аисытъ не трогалъ его, потому что шаманъ былъ собственно не противенъ Аисыту, а напротивъ даже былъ помощникомъ Ему. И служеніе шамана состояло, какъ и теперь, въ изгнаніи изъ людей и предметовъ таинственныхъ вредящихъ имъ силъ... Отъ этого перваго шамана, по сказаніямъ нашихъ предковъ и произошли и всѣ другіе шаманы въ мірѣ,—заключилъ якутъ.

Очевидно, сущность заблужденія якутовъ въ настоящемъ случаѣ заключалась главнымъ образомъ въ неправильномъ ихъ пониманіи христіанской идеи Единаго Начала вселенной и Властителя всего міра Бога и идеи о Промыслѣ Божіемъ.

Вслѣдствіе всего этого я здѣсь съ своей стороны въ отвѣтъ на слова, разговаривавшаго со мной якута, счелъ нужнымъ первоначально дать якутамъ понятіе о Богѣ, какъ о Единомъ и Личномъ Духѣ, затѣмъ о происхожденіи невидимаго міра—ангеловъ и въ частности сатаны и нечистыхъ духовъ, далѣе о происхожденіи видимаго міра, въ особенности человѣка и предназначеніи послѣдняго для благой и богоподобной жизни. Въ порядкѣ постепенности далѣе я давалъ якутамъ понятіе о Промыслѣ Божіемъ, какъ непрестанномъ дѣйствіи на міръ всемогущества, премудрости и благости Божіей, безъ котораго ни что не можетъ существовать, которымъ Богъ сохраняетъ бытіе и силы тварей и направляетъ ихъ къ благимъ цѣлямъ. Отсюда я перешелъ къ раскрытію полной зависимости нашей отъ Бога, зависимости отъ Него всѣхъ обстоятельствъ нашей жизни, какъ благопріятствующихъ намъ, такъ и не благопріятствующихъ. Далѣе, перешелъ къ безполезности и гибельности исканія нами помощи помимо Бога, въ особенности я говорилъ о величайшемъ грѣхѣ обращенія за помощію къ силѣ исконнаго врага рода человѣческаго—діавола, который ищетъ только погибели человѣка... Такимъ образомъ разсказанная якутомъ легенда о происхожденіи шамана разрушалась и опровергалась сама собой.

Здѣсь я замѣчу, что съ дохристіанскими (языческими) вѣрованіями якутовъ я началъ знакомиться лишь по прибытіи въ приходъ: въ семинаріи-же совершенно не давали намъ объ этомъ никакихъ свѣдѣній. Нельзя не замѣтить, какія трудности приходится испытывать пастырю церкви здѣшняго края въ своей просвѣтительной дѣятельности, незнакомому съ вѣрованіями якутовъ. Этимъ отчасти и объясняется неуспѣшность борьбы многихъ здѣшнихъ пастырей съ остатками прежней вѣры якутовъ. Послѣдніе еще крѣпко остаются на распутіи двоевѣрія, держась различнаго рода шаманскихъ суевѣрій и предразсудковъ. Введенные въ послѣднее время въ Якутской Духовной Семинаріи, такъ называемые, Миссіонерскіе предметы совершенно почти не касаются религіозной

жизни аборигеновъ. Мнѣ кажется, пора-бы на этотъ недостатокъ нашей Семинаріи обратить серьезное вниманіе и преподаваніе Миссіонерскихъ предметовъ поставить болѣе практически и примѣнительно къ мѣстнымъ потребностямъ и условіямъ. Тѣмъ болѣе, что въ настоящее время въ литературѣ есть уже не мало цѣнныхъ сочиненій о религіозной жизни аборигеновъ якутской области. Однимъ изъ такихъ сочиненій, могущихъ быть научнымъ пособіемъ для подготовки духовныхъ просвѣтителей инородцевъ, между прочимъ, можетъ служить вышедшій въ послѣднее время почтенный трудъ покойнаго В. Ф. Трощинскаго: „эволюція черной вѣры (шаманства) у якутовъ“. Во всякомъ случаѣ нужно быть подробно и систематически знакомымъ съ языческими вѣрованіями и воззрѣніями якутовъ, что-бы болѣе или менѣе успѣшно бороться съ существующими у нихъ суевѣріями и быть проповѣдникомъ единой истинной и спасительной вѣры Христовой.

Мы закончили съ якутами наше собесѣдованіе. Я говорилъ съ ними вообще обо всемъ возможно просто, потому что неразвитый ихъ умъ мало способенъ къ отвлеченному мышленію. Я старался пояснять то или иное положеніе примѣрами и образами изъ собственной ихъ жизни и окружающаго ихъ міра, такъ чтобы бѣдной ихъ фантазіи было за что ухватиться. И слушатели мои якуты, видимо, были довольны моимъ словомъ.

Здѣсь кстати, я не могу умолчать о томъ, какъ трудно вести рѣчь въ здѣшнемъ краѣ среди инородцевъ для неподготовленнаго къ этому пастыря церкви! Сколько нужно знанія національной жизни, національныхъ нравовъ и обычаевъ якутовъ и самое главное—особенностей самой рѣчи ихъ! Одно поверхностное знаніе жизни якутовъ, въ особенности ихъ рѣчи, безъ умѣнія составлять и произносить ее такъ, какъ это требуютъ національныя особенности послѣдней, — еще далеко недостаточно. Отъ пастыря церкви въ этомъ отношеніи требуется тщательная предварительная подготовка и знакомство его съ правилами и пріемами этой рѣчи, выговоромъ, сопровождаемымъ извѣстными внѣшними манерами, жестами и пр.

Ибо одно чисто національное якутское выраженіе, одно слово, сказанное умѣло, больше приноситъ пользы, чѣмъ сто словъ, безсвязныхъ, неумѣлыхъ и безжизненныхъ.

Необходимую подготовку для проповѣднической дѣятельности среди якутовъ должна-бы давать своимъ питомцамъ—будущимъ просвѣтителямъ края наша Семинарія, но къ сожалѣнію она до сихъ поръ и въ этомъ отношеніи не даетъ почти ничего существеннаго.

7 декабря.

Вчера вечеромъ опять послѣ однообразной и долгой ѣзды, мы прибыли въ домъ извѣстнаго здѣсь зажиточнаго инородца Н. Т. Нерюктяйскаго наслега. Народу здѣсь было очень много, такъ что даже въ сравнительно обширномъ помѣщеніи здѣшняго дома чувствовалось тѣсно и душно. Такому сбору людей, нуждающихся въ священникѣ, какъ потомъ я узналъ, способствовалъ самъ домохозяинъ, довольно почтенный и развитой человѣкъ.

Въ домѣ его мы съ псаломщикомъ встрѣтили удобный пріютъ. Постройка дома по внѣшнему и внутреннему устройству свидѣтельствовала о довольно развитомъ у домохозяевъ русскомъ вкусѣ. Помѣщенія скота въ смежности нѣтъ. Бревенчатый, большой русскій домъ, внутри съ нѣсколькими комнатами, имѣлъ обстановку культурную. Стѣны были оклеены обоями, на нихъ висѣли портреты и фотографическія карточки, между которыми было нѣсколько снимковъ изъ пріисковой жизни. Меблировка и убранство комнатъ были то-же русскія. Во всемъ замѣчалась чистота и опрятность. Самое обращеніе домохозяевъ со всѣми было почтительно—вѣжливое. Это, можно сказать, типы инородцевъ, получившихъ образованіе въ здѣшнихъ школахъ. Подобныхъ инородцевъ въ здѣшнемъ краѣ не особенно много, а въ нашемъ приходѣ они составляютъ всего лишь 5—6 домовъ.

Сегодня, послѣ обычной обѣдницы, было исповѣдано и причащено до 100 человѣкъ обоего пола. Совершено 4 крещенія и 3 заочныхъ отпѣванія умершихъ.

Согласно просьбѣ домохозяевъ отслужили водосвятное молебствіе.

Послѣ совершенія всѣхъ требоисправленій мы со псаломщикомъ послѣ полудня оставили этотъ гостепріимный домъ, составляющій послѣднее наше пристанище въ нашей поѣздкѣ по направленію къ сѣверо-западу, и поздно вечеромъ этого дня благополучно прибыли въ свой домъ.

11 декабря.

Сегодня утромъ рано мы съ псаломщикомъ, приготовившись какъ слѣдуетъ, къ новой дальней поѣздкѣ, въ сопровожденіи проводника-якута на трехъ лошадяхъ опять двинулись въ приходъ,—теперь въ послѣдній пунктъ его, по направленію на востокъ—къ верховьямъ рѣчки „Ботомай".

Намъ опять предстоитъ теперь сдѣлать большіе переѣзды по совершенно безлюднымъ и пустыннымъ мѣстамъ и проѣхать разстояніе туда и обратно болѣе 300 верстъ.

Совершивъ сегодня часть этого разстоянія, мы безъ особенныхъ приключеній, поздно вечеромъ прибыли въ мѣстность „Кылъ-мостахъ". Здѣсь остановились у якута „Кусаганъ", у котораго сынъ оказался очень больнымъ... Домохозяева были очень рады нашему пріѣзду, такъ какъ съ этимъ совпадало ихъ желаніе—напутствовать больного сына.

12 декабря.

Напутствовавъ и особоровавъ больного, мы очень рано утромъ сегодня двинулись дальше. Проѣхали рѣчки—„Онуку", „Энякянь" и, доѣхавъ днемъ до мѣстности „Эмись", остановились въ одной юртѣ для чаепитія и отдыха лошадямъ. Здѣсь пришлось намъ окрестить годовалаго младенца.

Выѣхавъ изъ означеннаго мѣста, мы проѣхали далѣе рѣчку „Кегюсь" и мѣстность „Кянкяри". Здѣсь по пути встрѣчаются довольно живописные виды. Большею частію приходится ѣхать по холмообразнымъ мѣстамъ, поросшимъ грандіозными деревьями—соснами, березами и лиственницами. Одну сторону дороги справа окаймляютъ живописныя горы,

которыя по мѣрѣ нашего путешествія, то приближаются, то отходятъ отъ дороги. Иногда по нашему пути показывались долины и овраги со множествомъ слѣдовъ дикихъ оленей и сохатыхъ. Поздно, почти уже ночью, переѣхавъ верховье рѣчки „Ботомай", мы остановились въ одной юртѣ въ мѣстности „Кюлямяляхъ" для ночевки.

До крайняго пункта нашей поѣздки оставалось отсюда уже не особенно далеко. Но здѣсь, къ великому нашему сожалѣнію, мы узнали, что жители не оповѣщены о нашемъ пріѣздѣ, и потому не были приготовлены къ таинствамъ и требоисправленіямъ, и большая часть ихъ, по обыкновенію, отсутствовала, уйдя въ лѣсъ за промыслами. Но такъ какъ здѣсь-же намъ сообщили, что уходъ якутовъ за промыслами не долженъ быть слишкомъ далеко, ибо, судя по прежнимъ примѣрамъ, насъ всетаки ожидали скоро, то мы, посовѣтовавшись съ инородцами, рѣшили разослать по окрестнымъ мѣстамъ особыхъ людей для извѣщенія о нашемъ пріѣздѣ. При чемъ мѣстомъ сборища для народа назначили домъ якута въ мѣстности „Батаръ-Терде", а время совершенія таинствъ— черезъ три ночи.

Настоящая мѣстность, гдѣ мы съ псаломщикомъ теперь стоимъ, представляетъ одинъ изъ самыхъ захолустныхъ и глухихъ угловъ нашего прихода, какой трудно и вообразить жителю культурнаго края. Юрты жителей разбросаны кое-какъ, на далекомъ другъ отъ друга разстояніи. Всѣ онѣ очень бѣдны, жалки, плохо обстроены и почти не защищены отъ наружнаго дѣйствія стихій. Внутри онѣ представляютъ изъ себя весьма темныя, тѣсныя и грязныя помѣщенія, съ безпорядочно разбросаннымъ хламомъ и прочими домашними принадлежностями. Сами-же обитатели ихъ также всѣ весьма бѣдные, не смотря на занятія лѣсными промыслами, что обнаруживается не только во внѣшней обстановкѣ ихъ жилья, но и въ пищѣ, и въ одеждѣ. Одежду ихъ составляютъ шкуры животныхъ, пищу—древесная кора, кислое молоко, называемое „таръ" и мясо дикихъ животныхъ. Самый промыселъ ихъ,

иногда очень удачный, обыкновенно всегда скупается за безцѣнокъ пріѣзжающими сюда купцами-эксплоататорами, или мѣстными властями.

Въ этой мѣстности нашего прихода ощущается большая нужда въ постройкѣ особой часовни, такъ какъ почти всѣ здѣшніе якуты не имѣютъ понятія о храмѣ Божіемъ и церковномъ Богослуженіи, всѣ младенцы остаются безъ таинства причащенія, умершіе и живые никогда не поминаются за Божественной литургіей и т. д. Взрослые и тѣ причащаются запасными Св. Дарами.

13 декабря.

На настоящей ночевкѣ было 2 крещенія и 1 бракъ. Другой бракъ не состоялся вслѣдствіе отсутствія нѣкоторыхъ документовъ со стороны невѣсты. Послѣдняя была инородка другого улуса, чужеприходная и родилась за 300 съ лишнимъ верстъ отсюда. По ея собственнымъ словамъ, она попала сюда еще въ малолѣтствѣ съ сестрой, вышедшей замужъ за здѣшняго якута. Теперь эта женщина сожительствуетъ здѣсь со своимъ женихомъ уже нѣсколько лѣтъ и имѣетъ отъ послѣдняго нѣсколько дѣтей. При всемъ моемъ желаніи обвѣнчать ихъ и тѣмъ уничтожить беззаконное сожительство, я не могъ сдѣлать этого въ виду отсутствія у нихъ письменнаго удостовѣренія въ безбрачіи невѣсты, хотя бы, въ виду многолѣтняго ея пребыванія здѣсь и отъ здѣшняго мѣстнаго родового управленія; основаться же только на словахъ самой невѣсты и ея близкихъ было рисковано, потому что подобныя словесныя удостовѣренія якутовъ даются очень легко и часто оказываются несоотвѣтствующими дѣйствительности. Я сдѣлалъ жениху и невѣстѣ соотвѣтствующее наставленіе и предупредилъ ихъ, что-бы они на будущее время обязательно запаслись письменнымъ удостовѣреніемъ на бракъ отъ мѣстнаго родового управленія.

Проѣхавъ сегодня верстъ 30-ть и сдѣлавъ еще одинъ переѣздъ чрезъ изворотъ рѣчки „Ботомай“, вечеромъ мы прибыли къ одному якуту въ мѣстности „Батаръ-Терде“. Эта

мѣстность составляетъ уже самый крайній пунктъ нашего прихода и центръ здѣшнихъ разбросанныхъ жителей. Къ нашему общему удовольствію, согласно оповѣщенія, народъ былъ здѣсь почти весь въ сборѣ.

Вечеромъ этого дня, передъ ужиномъ, мы, по обыкновенію, съ собравшимися здѣсь якутами, вели разныя бесѣды. Между прочимъ рѣчь зашла о временахъ года, перемѣнахъ дня и ночи и пр. Когда я подобныя явленія природы объяснялъ якутамъ шарообразностію земли, движеніемъ ея вокругъ своей оси и солнца, они очень изумлялись моимъ словамъ и невольно произносили разныя восклицанія. Бывшія-же здѣсь женщины, такъ называемыя здѣсь „эмиряхъ“ (нервныя, истеричныя) приходили въ какое-то возбужденное состояніе и своими своеобразными выходками не мало смѣшили присутствующихъ. Одна изъ нихъ, напр. сидѣвшая за каминомъ, издавала каждый разъ рѣдкія восклицанія и колотила сосѣдніе съ нею предметы. Въ то время, когда я разсказывалъ, напр., о шарообразности нашей планеты и о томъ, что она держится въ воздухѣ безъ всякихъ подставокъ, женщина— „эмиряхъ“ отчаянно вскрикнула и моментально схвативъ въ руки находящуюся неподалеку чайную чашку, бросила ее на полъ. Чашка, конечно, разбилась. Тогда женщина стала ударять руками и пинать ногами стоящій вблизи нея каминъ и приговаривать:

— А гдѣ-же держится въ воздухѣ?... Не держится!.. Брешь, не держится!... Должна падать!...

Всѣ смѣялись знакомымъ выходкамъ потѣшной женщины.

Происшествіе это дало мнѣ поводъ говорить якутамъ и о другихъ явленіяхъ природы. Якуты постоянно восклицали:

— Какая мудрость!... Какое диво!... Все это отъ Бога!— и т. д.

Время съ якутами сегодня мы, такимъ образомъ, провели оживленно и оно прошло незамѣтно.

Поздно вечеромъ поданъ былъ намъ ужинъ, состоящій изъ вареной рыбы, такъ называемый здѣсь „барангатъ“ (родъ

рѣчной рыбы—сига), добываемой въ изобиліи въ здѣшнихъ горныхъ глубокихъ озерахъ сѣтями. Затѣмъ поданъ былъ по обыкновенію изъ снѣжной воды чай.

Послѣ ужина и общей молитвы мы всѣ расположились спать. Но тутъ мы съ псаломщикомъ замѣтили, что у оконъ около нашихъ постелей были просверлены чрезмѣрно большія отверстія, чрезъ которыя проходилъ къ намъ холодъ и вѣтеръ. Когда мы спросили домохозяевъ, для чего сдѣланы эти отверстія, они отвѣчали что „продушины“ эти сдѣланы ими для того, чтобы гостей не кусали якутскія блохи.

— Это наше первое средство отъ блохъ,—объяснялъ намъ домохозяинъ, видимо весьма озоботившійся о нашемъ удобномъ и спокойномъ снѣ.

Однако на сегодняшнюю ночь мы со псаломщикомъ попросили домохозяевъ заложить эти продушины, могущія вредно повліять не только на хозяйскихъ блохъ, но и на насъ самихъ, еще не совсѣмъ привыкшимъ къ нимъ...

14—15 декабря.

Въ мѣстности „Батаръ-Терде“ мы передневали. Согласно нашему оповѣщенію окрестные якуты, какъ и я выше упоминалъ, почти всѣ были въ сборѣ и даже приготовились къ таинствамъ исповѣди и Св. причастія. Много было здѣсь и другихъ требоисправленій.

Довольно оригинально якуты привозили къ намъ для крещенія своихъ младенцевъ. Обыкновенно, они усадивъ мать съ младенцемъ въ дровни, запряженныя быками, окутывали ихъ наглухо одѣяломъ, и затѣмъ крѣпко привязывали здоровой кожаной веревкой, какъ какую-нибудь кладь, на быка сажали мальчика или дѣвочку. По здѣшнимъ узкимъ тропинкамъ въ эти дни часто можно видѣть по нѣсколько быковъ съ подобными навьюченными дровнями, направляющихся къ нашему пристанищу. Но мнѣ разсказывали сами-же инородцы, что, при всей удобности такого способа перевозки младенцевъ и ихъ матерей, бываютъ часто и рискованные случаи. Одинъ мальчикъ, напр., говорилъ, что быкъ его чего-то испугался и,

уронивъ его въ сугробъ, самъ помчался въ лѣсъ, влача за собой дровни съ привязанными къ нимъ людьми. Другая женщина жаловалась на то, что проводникъ ея мальчикъ такъ скоро и неосторожно ѣхалъ, что она нѣсколько разъ по дорогѣ ударялась своей головой о какіе то попадавшіеся предметы...

Многіе изъ инородцевъ пришли оставивъ свои дома пустыми, а нѣкоторые—оставили домовничать мальчиковъ или немощныхъ стариковъ. Оставшіеся дома лишались, такимъ образомъ, Св. таинствъ до будущаго года, ибо причтъ, вслѣдствіе трудности поѣздки сюда, выѣзжаетъ сюда въ годъ всего лишь разъ.

15-го числа.—Сегодня причащено было болѣе 20 человѣкъ обоего пола. Крещеній—8, браковъ—2, отпѣтій заочныхъ—3.

Въ означенный день мы, окончивъ всѣ наши дѣла, днемъ попрощались со здѣшними жителями и выѣхали благополучно обратно тѣмъ же путемъ, какимъ ѣхали сюда. Весь этотъ день ѣхали безъ особыхъ приключеній.

16 декабря.

Вечеръ; наступили сумерки. Мы съ псаломщикомъ ѣдемъ обратно изъ нашего прихода и уже приближаемся къ дому. И наши усталыя лошади чуютъ приближеніе для нихъ отдыха. Кажется, вотъ раскроется лѣсъ, покажется открытая долина и мы подъѣдемъ къ знакомому намъ мѣсту, гдѣ стоитъ маленькій сельскій храмъ и около него наши скромные дома... Но вдругъ въ это время на одномъ поворотѣ дороги въ лѣсу встрѣчается намъ всадникъ, который громко проситъ насъ остановиться.

— Что такое? Откуда?—спрашиваетъ мой псаломщикъ.

— Отъ больной!—слышится чей-то голосъ грустный, надломленный.

Минуту спустя около меня раздается хрусть мерзлаго снѣга и ясно вырисовывается силуэтъ молодого якута, подошедшаго ко мнѣ подъ благословеніе.

— Ну, какъ? Опасно больна?—спрашиваю я, благословляя его.

— Опасно, бачка! Давно болитъ... Все ждали тебя...

Пришлось уставшаго своего псаломщика—старика отправить домой, а самому одному вмѣстѣ съ новымъ проводникомъ на новой лошади немедля ѣхать отсюда къ больной.

Среди наступившей непроглядной ночи и леденящаго холода мой проводникъ, искусно управляя своей лошадью, быстро везъ меня по узкой знакомой ему лѣсной тропинкѣ. Черезъ два часа пути мы подъѣхали, наконецъ, къ одной, едва замѣтной среди ночной темени, якутской юртѣ.

Я вошелъ въ юрту и увидѣлъ направо, около пылающаго камина, двухъ женщинъ съ весьма угрюмыми лицами. Около нихъ ютились нѣсколько дѣтей. Всѣ онѣ, при видѣ меня, засуетились и пришли въ нѣкоторое замѣшательство. Налѣво, около передняго угла лежала на нарахъ женщина-старуха, уже почти безъ сознанія, но еще съ признаками жизни. Въ углу на божницѣ слабо теплилась восковая свѣча. Когда я снялъ свою верхнюю одежду, присутствующіе живо подошли ко мнѣ подъ благословеніе. При этомъ одна изъ женщинъ, сдѣлавъ судорожное движеніе своими руками въ сторону умирающей старухи, нетерпѣливо и взволнованно промолвила:

— Бачка, она только что тебя поминала... Съ нетерпѣніемъ ждала... Пожалуйста, поспутствуй!...

Тяжелое и удручающее было впечатлѣніе представившейся мнѣ обстановки бѣдной хижины и ея обитателей. Однако, я поспѣшилъ развернуть церковную требу и началъ таинство елеосвященія. Угрюмыя лица присутствующихъ нѣсколько просвѣтлѣли. Въ юрту вошло еще нѣсколько человѣкъ изъ сосѣдей. Больная, не переставая испускать слабое дыханіе, все продолжала лежать въ безсознаніи. Я читалъ одну молитву за другой и, вотъ, окончилъ первое чтеніе Апостола и Евангелія. Но въ это время, къ общему всѣхъ изумленію и радости, больная пошевелилась на своемъ ложѣ и открыла глаза свои. Всѣ невольно пришли въ умиленіе.

Больная начала двигать своими руками для крестнаго знаменія, которое, при посредствѣ стоящихъ близко людей тутъже и было ею совершено. Вотъ наконецъ, я помазалъ больную Св. елеемъ, затѣмъ прочелъ отпустительную молитву: „Царю Святый“...

Какова была радость всѣхъ присутствующихъ здѣсь людей, когда увидѣли, что больная благополучно сподобилась напутствія Св. таинами!

— Слава Богу, сподобилась!—радостно говорила давешняя женщина.

— Какое счастіе для бѣдной! - повторяли другіе.

— Какъ я тебѣ, бачка, рада, какъ рада!—молвила, затѣмъ, все та-же женщина, подходя ко мнѣ и снова пожимая и цѣлуя мои руки.

— Спасибо тебѣ, спасибо!—послышалось нѣсколько голосовъ со стороны и другихъ присутствующихъ.

Въ это время глаза больной опять закрылись и движеніе ея опять стало рѣже и тише...

Было неописуемо умилительно и трогательно отъ всего происходившаго здѣсь. Я видѣлъ исполненіе искренняго желанія и удовлетвореніе искренней религіозной потребности якутовъ, этихъ еще младенчествующихъ по вѣрѣ дѣтей природы. Я видѣлъ неподдѣльную ихъ вѣру въ христіанскаго Бога и въ загробную жизнь, гдѣ праведниковъ ожидаетъ вѣчная блаженная жизнь... Вмѣстѣ съ ними и я невольно радовался, невольно умилялся и благодарилъ Бога...

Отчего такая безпомощность?

(Страничка изъ жизни сельскаго пастыря Якутской епархіи).

Былъ зимній вечеръ. Начинали спускаться сумерки. Маленькія ледяныя окна не особенно просторной юрты якута Алексѣя, и днемъ весьма скудно пропускавшія сквозь себя наружный свѣтъ, теперь совершенно отказались освѣщать внутренность жилого помѣщенія. Тогда обитатели послѣдней, по обыкновенію, стали подбрасывать въ стоящій среди юрты каминъ сухія лиственичныя дрова, которыя, моментально разгораясь, издавали вокругъ тусклый свѣтъ.

Что особенно обращало на себя вниманіе среди данной обстановки юрты въ описуемый моментъ, такъ это случившееся здѣсь многочисленное скопленіе народа-якутовъ обоего пола, взрослыхъ и дѣтей. Одни изъ нихъ сидѣли на нарахъ съ лѣвой стороны юрты, другіе—около камина на низкихъ табуреткахъ и скамеечкахъ, нѣкоторые просто стояли, сгруппировавшись по угламъ юрты и правой досчатой перегородки. Изъ этой толпы особенно выдѣлялась группа людей, расположившаяся на нарахъ у передняго угла юрты за низкимъ столомъ, среди которой обращала на себя вниманіе одна личность, сидящая у самаго передняго угла подъ божницей. Это былъ приходскій священникъ о. Иларіонъ изъ недавно окончившихъ курсъ мѣстной семинаріи, посвятившихся и пріѣхавшихъ сюда только нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ. Его блѣдно-розовое лицо съ маленькой, только начинающей пробиваться, бородкой, открытые голубые глаза, каштановые гладко причесанные и едва доходящіе до плечъ волосы,—все это служило отличительными особенностями внѣшности этой

личности отъ окружающихъ его людей. Около него съ права на нарахъ сидѣли двое якутовъ, одинъ изъ нихъ, повидимому хозяинъ дома, былъ смуглолицый съ черными вьющимися волосами, въ вышитой рубашкѣ и суконной жилеткѣ безъ пальто, другой также смуглолицый, съ совершенно узкими глазами, плоскимъ носомъ, съ растрепанными черными волосами, одѣтый въ черное триковое пальто. На лѣво на нарахъ сидѣлъ якутъ большого тѣлосложенія, съ корявымъ и мускулистымъ лицомъ и длинными усами. За нимъ въ тѣни были видны еще нѣсколько человѣкъ. Очевидно, люди данной группы, какъ и всѣ прочіе присутствовавшіе въ юртѣ, вели между собой не мало оживленный разговоръ.

— Ну, такъ, какъ-же, бачка, по твоему лучше будетъ поступить съ больной?—былъ вопросъ якута въ суконной жилеткѣ, отнесенный къ личности, сидящей подъ божницей —о. Иларіону.

— По моему лучше обратиться къ участковому врачу или, по крайней мѣрѣ, къ ближайшему фельдшеру,—отвѣчалъ послѣдній.

— Да. Но, вѣдь, врачъ-то или фельдшеръ никогда по моему приглашенію сюда не пріѣдетъ, а мнѣ самому съ больной дочерью ѣхать къ нему въ такой холодъ тоже невозможно.

— Вамъ слѣдуетъ пригласить врача черезъ ваше Родовое Управленіе, тогда, кажется, онъ не долженъ отказаться отъ поѣздки сюда,—добавилъ о. Иларіонъ.

Якутъ въ суконной жилеткѣ съ минуту молчалъ, что-то про себя думая, потомъ опять промолвилъ:

— Ну, положимъ, врачъ-то какими либо судьбами и пріѣдетъ и станетъ лечить мою дочь, но, вѣдь, это-же будетъ сопровождаться для меня неимовѣрно-непосильными расходами. Извѣстно, что врачи большею частью даромъ не лечатъ больныхъ...

О. Иларіонъ еще не успѣлъ на это ничего отвѣтить, какъ въ это самое время за перегородкой, гдѣ находилась больная сухожиліемъ въ ногахъ молодая женщина-дочь

домохозяевъ, произошло слѣдующее необычайное и потрясающее явленіе. Неожиданно раздался отчаянный крикъ и за крикомъ страшное храпенье, визгъ и замогильные стоны, сопровождающіеся отрывочно-рѣзкимъ и короткимъ дыханіемъ...

Сразу поднялся въ юртѣ переполохъ, на лицахъ всѣхъ выразилось безпокойствіе и страхъ. Нѣсколько человѣкъ поспѣшно вошли за перегородку.

— Что такое, какой ужасъ „аякабынъ!“—послышались голоса за перегородкой.

— „Аякабынъ!“—повторили за ними и бывшіе внѣ перегородки.

Храпъ и шипенье долго продолжались. Съ больной случился тяжелый и продолжительный припадокъ съ сильными судорогами. Переполохъ въ юртѣ увеличивался все болѣе и болѣе.

— Ладону!—просилъ громко кто-то за перегородкой.

Тотчасъ одна женщина, повидимому, изъ домашнихъ-же, живо подошла къ божницѣ, достала оттуда свертокъ ладону и поспѣшно понесла за перегородку. Вскорѣ въ юртѣ запахло ладономъ.

— Крестъ, крестъ!—произнесъ опять чей-то голосъ за перегородкой.

Тотчасъ та-же женщина подошла къ одному изъ ящиковъ, раскрыла его и стала искать въ немъ хранившійся крестъ. Нашелся и крестъ, который поспѣшно надѣли на больную.

— Вотъ-бы святой воды!

Но святой воды не оказалось въ юртѣ. Прошло десять минутъ, больная, не переставая испускать храпъ и шипенье, находилась въ безсознаніи. Только спустя еще пять минутъ дыханіе ея стало замѣтно удлиняться, храпу и шипенья стало меньше и она начала постепенно приходить въ сознаніе.

Всѣ послѣ этого замѣтно поуспокоились. Начались кое гдѣ отрывочные разговоры. Когда, затѣмъ, въ юртѣ все

пришло въ нормальное и обыденное состояніе, о. Иларіонъ снова сидѣлъ по старому на своемъ мѣстѣ и около него также расположились якуты.

— Какъ это жутко и печально!..—произнесъ съ соболѣзнованіемъ о. Иларіонъ и дальше спросилъ: а прежде это случалось съ больной?

— Нѣтъ, этого ни разу еще не бывало съ ней,—отвѣчало нѣсколько человѣкъ почти одновременно.

— Отчего-же это у ней такіе припадки?

Находившіеся якуты отъ этого вопроса, видимо, пришли въ какое-то затрудненіе или, скорѣй, не рѣшались отвѣчать на него своему батюшкѣ, но присутствовавшій тутъ одинъ якутъ большого тѣлосложенія съ корявымъ мускулистымъ лицомъ и длинными усами, сидѣвшій съ лѣвой стороны о. Иларіона и все предыдущее время молчавшій, теперь какъ-то неестественно зашевелился на своемъ мѣстѣ и неожиданно для всѣхъ рѣшительно и громко произнесъ:

— Странный вопросъ! Разумѣется демонъ приближался къ больной и удушалъ ее, отъ этого и случились съ ней обморокъ и припадки... Что въ этомъ особенно мудренаго?!

Неожиданность-ли такого оборота рѣчи, новизна или оригинальность содержанія послѣдней, рѣзкость-ли обращенія якута такъ подѣйствовали на о. Иларіона, но онъ былъ этими словами, видимо, такъ ошеломленъ, что въ первую минуту не находилъ даже словъ возразить якуту. Потомъ, видя выжиданіе окружившихъ его, нерѣшительно сказалъ:

— Ты говоришь демонъ приближался къ больной и удушалъ ее, а почему-же онъ, демонъ, не приблизился и не удушилъ кого-либо изъ здоровыхъ, а именно избралъ больную, вѣдь не все-ли равно это для него было?

— Это потому, что она больная, а разъ больная, то демонъ уже давно около этой женщины, съ самаго начала ея болѣзни,—отвѣчалъ ему тѣмъ-же увѣреннымъ и рѣшительнымъ тономъ якутъ,—вѣдь, самая болѣзнь то ея есть ни что иное, какъ дѣйствіе на нее силы нечистаго духа.

— Такъ, по вашему, если человѣкъ болитъ, то это демонъ его трогаетъ что-ли?—спрашивалъ о. Иларіонъ, повидимому, очень удивленный сему открытію.

— Да, какъ-же иначе?!

О. Иларіонъ только покачалъ своей головой, а якутъ добавилъ еще:

— Вы-же сами, бачки, учите насъ, что все доброе—отъ Бога, а все злое—отъ демона, слѣдовательно и надо полагать, что болѣзнь, составляющая по отношенію къ человѣку зло, есть отъ діавола.

— Я не отрицаю, что все злое и худое въ корнѣ дѣйствительно произошло и происходитъ отъ діавола,—отвѣчалъ ему о. Иларіонъ, уже нѣсколько начинающій волноваться,—но дѣло въ томъ, что въ этомъ смыслѣ болѣзнь надо понимать какъ результатъ грѣховности и несовершенства нашей природы, которыя въ свою очередь и произошли отъ діавола, т. е. діаволъ произвелъ грѣхъ, а отъ грѣха произошли болѣзни и прочія ненормальности нашего тѣла и души.

—Не понимаю,—отрѣзалъ якутъ,—во всякомъ случаѣ намъ, якутамъ, кажется, что болѣзнь есть дѣйствіе злого духа-демона. Поэтому,—добавилъ онъ дальше,—намъ еще кажется, что болѣзни лечить можетъ ни кто иной, какъ только шаманъ...

О. Иларіонъ почти совершенно былъ озадаченъ отъ этихъ словъ якута. Повидимому, въ умѣ его начало происходить какое-то замѣшательство. Онъ чувствовалъ и сознавалъ, что якутъ имѣетъ какое-то предубѣжденіе, но въ чемъ собственно состоитъ сущность этого предубѣжденія и какъ выразить несостоятельность его, онъ не зналъ и не умѣлъ. Странное дѣло, въ молодомъ умѣ о. Иларіона въ это время почему-то мерещились одна за другой пройденныя имъ истины въ послѣднемъ курсѣ семинаріи, мелькали религіи язычниковъ-китая, индіи, брамизмъ, буддизмъ и проч., вертѣлось далѣе все основное Богословіе... О. Иларіонъ, повидимому, хотѣлъ примѣнить теперь къ жизни свое знаніе Семинарскихъ наукъ, но, къ великому его огорченію и несчастію, почему-то ни одно изъ этихъ знаній не могло примѣниться

къ настоящему моменту его жизни, ни одна изъ пройденныхъ имъ истинъ не подходила къ обстоятельству настоящаго дѣла... А между тѣмъ ему такъ хотѣлось сейчасъ, именно сейчасъ примѣнить къ жизни свое знаніе, такъ хотѣлось показать якутамъ свою въ этомъ отношеніи компетентность!.. Нѣтъ, при всемъ усиліи, ничего не выходило, о. Иларіонъ оставался безсильнымъ.

Наконецъ онъ рѣшилъ, не касаясь сущности самого ихъ предубѣжденія, дѣйствовать инымъ путемъ, именно черезъ изложеніе и раскрытіе положительныхъ истинъ христіанскаго вѣроученія и нравоученія.

— Почему-же вамъ кажется, что именно шаманъ только можетъ вылечить больного, а не иной кто, напр., врачъ, фельдшеръ и проч.?—спросилъ предварительно о. Иларіонъ, стараясь принять на себя болѣе спокойный видъ.

— А это потому,—отвѣчалъ ему тотъ-же якутъ,—что шаманъ есть ближайшій человѣкъ къ демону, могущій умилостивить послѣдняго и, такимъ образомъ, устранить его отъ больного.

— А угожденіе демону, какъ по вашему, развѣ не противно Богу?—снова спросилъ о. Иларіонъ.

— Нисколько,—опять отвѣчалъ якутъ и затѣмъ продолжалъ,—намъ кажется, всѣ вообще противъ шамановъ настроенные такъ думаютъ, но это по нашему мнѣнію неправильно, потому что, угождая демону, мы тѣмъ самымъ устраняемъ отъ себя болѣзнь, которая есть зло; зло противно и нежелательно не только человѣку, но и Богу. Въ данномъ случаѣ мы являемся какъ-бы лишь согласующимися съ благостію Богу и Его добрымъ хотѣніемъ блага и здоровія всѣмъ Его тварямъ.

— Но, въ такомъ случаѣ, вы признаете въ Богѣ инертное существо, отдѣленное отъ міра и, въ частности, отъ человѣка,—говорилъ о. Иларіонъ,—а Православная церковь учитъ, что Богъ, сотворивши міръ, не оставляетъ этотъ міръ на произволъ, а непрестанно заботится о немъ. Самъ надзираетъ и направляетъ его по своему благоусмотрѣнію,

слѣдовательно, если допускаетъ въ насъ болѣзни и другія несчастія, то это бываетъ имъ предусмотрѣно и намѣчено въ видахъ высшей цѣли, противиться которой намъ невозможно...

Якуты слушали, а о. Иларіонъ продолжалъ:

— Отъ Бога мы получили свое начало и свое существованіе, отъ Него и зависитъ вся наша жизнь, поэтому мы и должны только къ Нему одному обращаться съ нашими просьбами и молитвами при всѣхъ нашихъ потребностяхъ души и тѣла, равно какъ должны славословить и благодарить Бога за всѣ Его къ намъ ниспосылаемыя благодѣянія. Великій грѣхъ обращаться за помощью къ такимъ постороннимъ и противнымъ Богу силамъ, какъ демоны...

Якуты молчали, а о. Иларіонъ продолжалъ говорить: о мірѣ духовномъ, объ ангелахъ, о происхожденіи демоновъ, о томъ, что ангелы добрыя существа и направляютъ волю человѣка ко всему доброму и хорошему, а демоны—злые, направляютъ волю человѣка ко всему злому.

— Вѣрно, бачка, это вѣрно!—соглашались съ нимъ якуты.

— Бачка вѣрно говоритъ, бачка ученый—сказалъ кто-то.

Но въ это время тотъ якутъ, который возражалъ о. Иларіону, проговорилъ:

— Все, что бачка говоритъ, безпорно вѣрно и хорошо, но если-бъ бачка зналъ сущность и подробность нашихъ якутскихъ вѣрованій, если-бъ онъ имѣлъ возможность заглянуть во всѣ тайники нашихъ душъ, то, не думаю, чтобы онъ могъ такъ говорить противъ всего вышеприведеннаго мною...

Была совершенная ночь, когда окончилась эта бесѣда пастыря со своими посомыми. Присутствовавшіе въ юртѣ во главѣ съ о. Иларіономъ поужинали и расположились каждый, гдѣ нашелъ удобнымъ, спать.

Въ юртѣ водворился полный мракъ. Улегшіеся якуты задавали вокругъ громкій храпъ... Удивительно при этомъ было то, что только одинъ о. Иларіонъ лежалъ на своей постели безъ всякой склонности ко сну. Заложивъ свои руки подъ голову и устремивъ свои неподвижные взоры въ

окружавшую его темноту, онъ лежалъ въ мучительной лихорадкѣ. Въ его разгоряченной головѣ теперь невольно одна за другой рисовались картины минувшаго дня въ этой юртѣ: обморокъ больной, переполохъ въ юртѣ, суета присутствующихъ, наконецъ полемика съ якутомъ.. Все это перемѣшивалось между собой и представлялось для о. Иларіона столь новымъ и непредвидѣннымъ никогда, что онъ совершенно терялся. Среди разнообразныхъ мыслей утомленный его мозгъ тяжело давили докучные и неотступные вопросы: есть-ли онъ, о. Иларіонъ, на самомъ дѣлѣ въ настоящее время предъ этими своими пасомыми такой ученый батюшка, какой долженъ-бы быть? Знаетъ-ли онъ духовную жизнь прихожанъ такъ, чтобы сѣемое имъ сѣмя пало въ доброе мѣсто и возросло въ плодъ сторицею? Сколько онъ имѣетъ средствъ оживотворить эту духовную почву?

Не имѣетъ, нѣтъ и нѣтъ!—проносилось въ головѣ о. Иларіона. Это доказано сегодня .. Онъ, о. Иларіонъ, безсиленъ былъ разбить одинъ изъ предразсудковъ своихъ прихожанъ, а сколько этихъ предразсудковъ онъ встрѣтитъ еще на дальнѣйшемъ пути своей жизни?!—думалъ о. Иларіонъ и тяжелое чувство охватило его душу; горячій потъ невольно выступалъ на лицѣ.

Всего удивительнѣе было, продолжалъ думать о. Иларіонъ,—что все это происходитъ со мной—человѣкомъ столь много увѣреннымъ въ своей силѣ и хранившимъ сознаніе собственнаго достоинства, столь менѣе всего подозрѣвавшимъ о своей неподготовленности къ сему служенію, съ успѣхомъ прошедшимъ всѣ науки семинаріи и пріобрѣвшимъ массу познаній!.. Господи! Какое угрызеніе совѣсти, какой страхъ за свою жизнь и дальнѣйшее служеніе! Отчего все это, отчего такая моя безпомощность?—думалъ о. Иларіонъ и снова тоска давила его и горячій потъ выступалъ на лицѣ...

Первое мое затрудненіе.

Когда я прибылъ въ свой приходъ, въ отдаленный улусъ Якутской области, то въ числѣ моихъ первыхъ занятій и заботъ, было составленіе проповѣдей на важные и необходимые случаи. Конечно, я въ первости не могъ выходить изъ рамокъ своихъ знаній и способностей, полученныхъ мною въ воспитавшей меня семинаріи и, поэтому, совершалъ все такъ, какъ это требовалось отъ меня прежде и какъ тому я былъ наученъ. И составленіемъ проповѣдей я занялся, руководствуясь обычно требуемыми нашими семинарскими гомилетическими правилами русской литературы. Я написалъ нѣсколько проповѣдей на разныя темы. Въ каждой изъ нихъ была главная мысль, которая раскрывалась и разъяснялась второстепенными. Были приступъ, предложеніе, заключеніе и нравственное приложеніе. Далѣе, по свойству предназначенія этихъ проповѣдей для якутовъ, я перевелъ ихъ на якутскій языкъ и точно также, какъ этому учили насъ въ семинаріи во время преподаванія якутскаго языка, т. е. слово въ-слово, стараясь преобразовать русское слово въ якутское. Затѣмъ запомнилъ все содержаніе ихъ почти наизусть для произнесенія безъ тетради.

Случилось мнѣ послѣ этого въ скорости ѣхать для совершенія отпѣтія умершаго якута. Немедля я задался цѣлью сказать изъ приготовленныхъ мною надгробное поученіе о безсмертіи нашихъ душъ и состояніи ихъ за гробомъ. Мысленно и тщательно перебравъ планъ и все содержаніе своего поученія и сдѣлавъ переводъ его на якутскій языкъ, нашелъ, что все выходитъ у меня однимъ словомъ отлично.

Вотъ, я пріѣхалъ и въ домъ умершаго. Народу якутовъ собралось здѣсь очень много. Потребность сказать поученіе явилась во мнѣ неодолимая.

Расположили священные предметы для требоисправленія. Всѣ благоговѣйно встали на молитвенное возношеніе ума и сердца къ Богу по умершемъ. Зажглись въ рукахъ молящихся свѣчи. Начался обрядъ христіанскаго отпѣнія міряннна. Въ лицахъ всѣхъ религіозная настроенность. Съ усердіемъ и вниманіемъ всѣ прислушиваются къ словамъ священныхъ молитвъ и пѣсней. Долго и до самого конца обряда не измѣняется это состояніе моихъ прихожанъ. Наконецъ, предъ прощаніемъ съ умершимъ, наступилъ самый моментъ произнесенія мною поученія. Среди тишины и безмолвія, я начинаю по якутски свое поученіе словами: „Со святыми упокой, Христе, душу раба Твоего“. Взоры всѣхъ съ потребностію слышать слово Божіе обращаются ко мнѣ. Я говорю о томъ, что со смертію тѣла не умираетъ душа наша, что она (душа) безсмертна, говорю о переселеніи нашихъ душъ въ міръ невидимый духовный, гдѣ праведныхъ ожидаетъ спасеніе и грѣшныхъ мученіе, говорю о томъ, что св. Церковь велитъ молиться о умершихъ и т. д. и т. д.

Но, увы! Съ самаго начала своего поученія я сознадъ и чувствовалъ, что взялся за трудное и непосильное мнѣ дѣло. Мысли мои неясно облекались въ слова, выраженія были безжизненны и мертвы. Я видѣлъ и чувствовалъ, какъ трудно воспринимали мою рѣчь слушатели, а нѣкоторые изъ нихъ явно выражали свое недоумѣніе по поводу выслушиваемаго ими отъ меня. Когда я кончилъ эту рѣчь, въ умѣ моемъ оставалось еще множество невысказанныхъ мыслей...

Какое угрызеніе совѣсти, какое душевное мученіе я испыталъ тогда отъ этой своей безсвязной рѣчи! Невольно стала тогда мнѣ понятна моя въ этомъ отношеніи ограниченность и безпомощность. Какъ глубоко ошибался въ достоинствѣ такимъ образомъ приготовленныхъ мною проповѣдей! Только теперь я сознадъ, что умѣніе составлять и произносить

проповѣди на русскомъ языкѣ вовсе не гарантируетъ успѣшное составленіе и произнесеніе той же проповѣди на якутскомъ языкѣ.

Невольно я послѣ этого съ горечью вспоминаю одностороннюю подготовку проповѣдниковъ Слова Божія въ семинаріи. Вѣдь, въ ней никто не учитъ, что между произнесеніямъ поученія по русски и тѣмъ-же произнесеніемъ по якутски есть великая разница, также, какъ есть разница вообще между русскими и якутами. Зная всѣ тѣ правила и пріемы гомилетики, которые у насъ въ Семинаріи принято преподавать безъ всякихъ примѣненій къ проповѣдямъ якутскимъ, можно быть хорошимъ проповѣдникомъ среди русскихъ, но не среди инородцевъ-якутовъ.

Это, во 1-хъ, потому, что якуты, какъ отдѣльная нація, имѣютъ свои національныя и прирожденныя особенности въ умственномъ, нравственномъ и физическомъ складѣ своей жизни и вмѣстѣ съ отличіемъ самой рѣчи отъ русскихъ, они имѣютъ отличіе и въ интонаціи голоса, и въ жестахъ при разговорѣ, и въ другихъ своеобразныхъ особенностяхъ въ передачѣ мыслей. Малѣйшее измѣненіе этихъ особенностей даетъ чуждый оттѣнокъ въ якутской рѣчи и измѣняетъ его до затемнѣнія смысла. Не безъ основанія И. А. Гончаровъ выразился о трудности якутской рѣчи: „Что значитъ трудность англійскаго выговора въ сравненіи съ этими звуками, въ произношеніи которыхъ участвуютъ не только горло, зубы, языкъ, щеки, но и брови, и складки лба, даже, кажется, волосы“.

Во 2-хъ, каждое якутское слово имѣетъ много различныхъ значеній, смотря по произношенію и интонаціи, потому что сама по себѣ якутская рѣчь бѣдна словами и состоитъ не столько изъ чистыхъ словъ, сколько изъ сопровождающихъ слово мимическихъ приспособленій. Чрезъ сочетаніе мимическихъ приспособленій съ извѣстнымъ однимъ словомъ можно выразить и ласку, и любовь, и ненависть и злобу. Тайна этихъ приспособленій и дѣлаетъ якутскую рѣчь ясной, живой, наглядной и дѣловитой.

Въ 3-хъ, кромѣ особенностей въ самой рѣчи, для проповѣдника здѣшняго края встрѣчается трудность и препятствіе отъ ограниченности умственныхъ и нравственныхъ вѣдѣній и способностей якутовъ, а также отъ своеобразности ихъ взглядовъ на вещи. Отъ этого является не систематичность, нестройность и неопредѣленность якутскаго проповѣдническаго слова. Было-бы понятно, напр., для русскаго простонародья выраженіе проповѣдника: „по смерти истиннаго христіанина, душа его возносится на небо и тамъ вселяется со святыми“. Якуту же такое выраженіе будетъ неяснымъ и недоступнымъ. Онъ пойметъ смыслъ этого выраженія буквально, т. е. въ видѣ матеріальнаго пребыванія души въ видимомъ нами воздушномъ пространствѣ. Для объясненія духовнаго пребыванія душъ въ нечувственномъ мірѣ, нужно въ сужденіи своемъ вдаться очень далеко — придется говорить уже о первоначальномъ твореніи Богомъ міра видимаго и невидимаго.

Въ 4-хъ, сравненія и уподобленія для ясности и наглядности въ якутской рѣчи очень нужны, но обычно употребляемыя въ русскомъ языкѣ сравненія и уподобленія въ большинствѣ чужды понятію якутовъ. Поэтому требуется брать сравненія и уподобленія изъ жизни самихъ якутовъ и окружающей ихъ природы. Напр., говоря о заразительности грѣховныхъ дѣлъ, будетъ для якута непонятно слѣдующее выраженіе проповѣдника; „избѣгайте грѣха и не приближайтесь къ творящимъ зло, потому что зло заразительно также какъ ядъ змѣиный“. Это-же выраженіе будетъ вполнѣ понятно ему, если оно будетъ приведено приблизительно въ такомъ видѣ: „избѣгайте грѣха и не приближайтесь къ творящимъ зло, потому что зло прилипчиво также, какъ прилипчивъ смрадъ или дымъ: если войдешь въ смрадное помѣщеніе, то неминуемо вынесешь съ собой и запахъ его“ и т. д.

Вслѣдствіе всего вышеизложеннаго нельзя не согласиться съ тѣмъ, что незнаніе правилъ и пріемовъ якутской рѣчи дѣйствительно служатъ камнемъ преткновенія для молодыхъ

и неопытныхъ пастырей. Устраненіе этого затрудненія можно было-бы главнымъ образомъ достигнуть чрезъ примѣненіе правилъ и пріемовъ преподаваемой въ Семинаріи гомилетики къ якутскимъ проповѣдямъ и прохожденіе послѣднихъ наравнѣ съ русскими проповѣдями.

Нѣсколько словъ по поводу подготовки въ Якутской Духовной Семинаріи якутскихъ проповѣдниковъ.

На страницахъ „Православнаго Благовѣстника“ я уже вскользь касался вопроса о недостаточности подготовки въ Якутской Духовной Семинаріи проповѣдниковъ Слова Божія среди инородцевъ[1]). Теперь-же имѣю поводъ коснуться подробнѣе этого вопроса.

Въ минувшемъ году на страницахъ Якутск. Епарх. Вѣдомостей (№№ 22 и 23) была помѣщена моя статья подъ заглавіемъ „Первое мое затрудненіе“. Въ этой статьѣ я коснулся именно вопроса о недостаточности подготовки проповѣдниковъ среди якутовъ. Всѣ вновь поставляемые пыстыри церкви, окончившіе курсъ мѣстной семинаріи, на поприщѣ своей проповѣднической дѣятельности всегда неминуемо встрѣчаютъ большое затрудненіе отъ незнанія правилъ и требованій якутской рѣчи. (Для иллюстраціи сей мысли мной былъ приведенъ примѣръ изъ собственной жизни).

Извѣстно, что якуты, какъ отдѣльное племя, имѣютъ свои національныя и прирожденныя особенности въ умственномъ, нравственномъ и физическомъ складѣ своей жизни и вмѣстѣ съ отличіемъ самой рѣчи отъ русской, они имѣютъ отличіе во 1-хъ, въ интонаціи голоса, и въ жестахъ при разговорѣ, и въ другихъ своеобразныхъ особенностяхъ въ передачѣ мыслей; во 2-хъ, каждое якутское слово имѣетъ много различныхъ значеній, смотря по произношенію и интонаціи, потому что сама по себѣ якутская рѣчь бѣдна словами

[1]) „Въ приходѣ“: Отъ 6 декабря.

и состоитъ не столько изъ отдѣльныхъ самостоятельныхъ словъ, сколько изъ сопровождающихъ словъ мимическихъ приспособленій: въ 3-хъ, кромѣ особенностей въ самой рѣчи, для проповѣдника здѣшняго края встрѣчается трудность и препятствіе отъ ограниченности умственнаго развитія и способностей якутовъ; а также отъ своеобразности ихъ взглядовъ на вещи; въ 4-хъ, сравненія и уподобленія для ясности и наглядности въ якутской рѣчи очень нужны, но обычно употребляемыя въ русскомъ языкѣ сравненія и уподобленія въ большинствѣ чужды понятію якутовъ. Все это надо имѣть въ виду и предварительно знать каждому вновь поступающему на приходъ пастырю церкви здѣшняго края, чтобы дѣятельность его была болѣе или менѣе осмысленной и цѣлесообразной среди условій здѣшней жизни. И потому мною было выражено пожеланіе, чтобы Семинарія наша, будучи не мало озабочена подготовкой изъ своихъ питомцевъ проповѣдниковъ русскаго слова (среди русскихъ), въ то-же время заботилась и о подготовкѣ проповѣдниковъ и якутскаго слова (среди якутовъ).

Какъ и надо было ожидать, на вышеупомянутую мою статью нашелся оппонентъ въ лицѣ преподавателя Якутск. Духовн. Семинаріи г. Нечаева. Послѣдній на страницахъ тѣхъже Епарх. Вѣдомостей за сей годъ (№№ 2, 4 и 6) утверждаетъ, что затрудненія, подобныя указаннымъ мной и встрѣчаемыя пастырями церкви здѣшняго края на поприщѣ проповѣднической дѣятельности среди инородцевъ, зависятъ не отъ неподготовленности пастырей въ мѣстной семинаріи, а отъ другихъ причинъ. Онъ утверждаетъ, что „Якутская Семинарія для подготовки къ проповѣднической дѣятельности среди якутовъ даетъ *все необходимое*“..., что „едва-ли большаго возможно отъ нея и требовать“.

Но тогда отчего-же встрѣчаютъ затрудненія вновь поставленные пастыри церкви здѣшняго края на поприщѣ своей проповѣднической дѣятельности среди якутовъ?

Мнѣ кажется, если Якутская Семинарія дѣйствительно имѣетъ цѣлью подготовить изъ своихъ питомцевъ проповѣдни-

ковъ слова Божія среди якутовъ, то эта цѣль и должна достигаться.

Но можно-ли согласиться съ утвержденіемъ г. Нечаева, что семинарія наша для труда на поприщѣ проповѣднической дѣятельности среди якутовъ даетъ дѣйствительно „все необходимое", что „большаго требовать отъ нея и невозможно?"

На это скажу, что я самъ, по крайней мѣрѣ, лично въ продолженіи своего обученія въ Якутской Семинаріи не видѣлъ ни одного опыта составленія самостоятельныхъ проповѣдей на якутскомъ языкѣ, ни одного указанія на необходимость держаться въ потребныхъ случаяхъ чисто разговорнаго національнаго языка и проч. По предмету якутскаго языка (теперь почему-то названнаго—миссіонерскими предметами въ Семинаріи—если и былъ, такъ сказать, одинъ мертвый переводъ, слово въ слово отъ 2-хъ до 10-ти русскихъ проповѣдей въ годъ изъ Путятина, то подобнымъ занятіемъ мы всѣ совершенно не интересовались и для проповѣдническаго дѣла среди якутовъ оно, разумѣется, не имѣетъ никакого значенія. (Остальныя занятія по якутскому языку ограничивались изученіемъ наизусть или чтеніемъ по книжкѣ нѣсколькихъ молитвъ на якутскомъ языкѣ и прохожденіемъ якутской грамматики, и только). Правда, по предмету гомилетики я много знакомился съ особенностями живой рѣчи русскаго языка, но съ особенностями рѣчи якутскаго ни разу, я изучилъ массу проповѣдей на русскомъ и древне-русскомъ языкахъ, но на якутскомъ (хотя-бы и не образцовой) ни одной, составлялъ довольно и самостоятельныхъ проповѣдей на русскомъ языкѣ, на якутскомъ же ни одной, наконецъ, произносилъ много проповѣдей на русскомъ языкѣ, на якутскомъ-же опять ни одной[1]). Вотъ, почему я совершенно естественно съ горечью вспоминаю объ односторонней подготовкѣ проповѣдникомъ

[1]) Прежде, именно въ 1890-хъ годахъ, говорятъ, дѣйствительно было вмѣнено въ обязанность семинаристамъ послѣднихъ классовъ произносить якутскія проповѣди въ такихъ городскихъ церквахъ, гдѣ собирались якуты, но въ наше время это почему-то не практиковалось и въ семинаріи объ этомъ и помину не было.

Слова Божія въ нашей семинаріи. Если мы изучили гомилетику русской литературы, если мы ознакомлены съ правилами и пріемами только русской рѣчи, то это недостаточное средство для подготовки изъ питомцевъ семинаріи проповѣдниковъ предназначаемыхъ служить среди якутовъ. И опять скажу: „зная всѣ тѣ правила и пріемы гомилетики, которые у насъ въ семинаріи принято преподавать безъ всякихъ примѣненій къ якутскимъ проповѣдямъ, *можно быть хорошимъ проповѣдникомъ среди русскихъ, но не среди инородцевъ-якутовъ*“.

Конечно семинарія не можетъ выпускать своихъ питомцевъ сейчасъ-же со школьной скамьи способными въ полнотѣ и совершенствѣ отправлять всѣ обязанности пастырскаго служенія. И я, говоря о первомъ своемъ затрудненіи въ дѣлѣ проповѣдничества среди якутовъ, выражалъ пожеланіе того, что-бы семинарія наша давала своимъ питомцамъ именно лишь возможность (но возможность реальную) для болѣе или менѣе правильнаго и цѣлесообразнаго труда на означенномъ поприщѣ. Вѣдь при первыхъ опытахъ проповѣдничества среди якутовъ я „чувствовалъ и сознавалъ, что брался за трудное и непосильное мнѣ дѣло“ не потому, что сознавалъ отсутствіе въ себѣ силъ въ полнотѣ и совершенствѣ быть проповѣдникомъ, а потому, что положительно не зналъ и не умѣлъ говорить якутамъ никакой проповѣди. Это, а не что иное, и озадачило меня и повергло въ невольное огорченіе... Да и каждому покажется по меньшей мѣрѣ страннымъ то, что учится человѣкъ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ въ той самой семинаріи, гдѣ необходимо предполагается подготовка проповѣдниковъ среди инородцевъ, и вотъ, извольте радоваться—человѣкъ этотъ, по выходѣ изъ семинаріи, не знаетъ и не умѣетъ сказать ни одного простенькаго слова якутамъ!

Вообще-же, повторю, что семинарія наша, предназначая своихъ питомцевъ для проповѣди среди якутовъ, ограничивается подготовкой ихъ лишь къ русскому проповѣдничеству, почти совершенно игнорируя подготовкой къ якутскому.

И еще разъ скажу, что пріобрѣтаемое въ Якутской Духовной Семинаріи „умѣніе составлять и произносить проповѣди на русскомъ языкѣ вовсе не гарантируетъ успѣшное составленіе и произнесеніе той-же проповѣди на якутскомъ языкѣ“ и что „незнаніе правилъ и пріемовъ якутской рѣчи дѣйствительно служитъ камнемъ преткновенія для молодыхъ и неопытныхъ пастырей“.

По вопросу о матеріальномъ обезпеченіи Якутскаго духовенства.

Казенное жалованье Якутскому духовенству и отъ прихожанъ руга, составляющіе въ общей сложности годичный окладъ священника 354 руб., псаломщика—178 руб. такъ ограничены и малы, что духовенство епархіи неизбѣжно должно пользоваться доброхотными даяніями прихожанъ, или такъ называемыми „доходами“, и оно дѣйствительно живетъ доходами. Но чрезъ какія нравственныя пытки и мученія пріобрѣтаются эти доходы! Какъ послѣдніе роняютъ достоинство духовенства! И какъ они въ сущности мало обезпечиваютъ жизнь духовенства.

Прежде всего—доходы за требоисправленія: соборованіе и отпѣваніе умершихъ. Для совершенія этихъ требъ священникъ съ псаломщикомъ у насъ призываются за нѣсколько десятковъ верстъ, подвергаясь всевозможнымъ непріятностямъ неудобства путей сообщенія, голода и холода. И что же? Въ вознагражденіе за это даютъ причту дѣйствительно иногда какую либо скотину, которая и служитъ поводомъ для насмѣшекъ надъ мздоимствомъ духовенства. Но чаще всего причтъ ворочается отъ совершенія соборованія и безъ всякой получки: „послѣ, обыкновенно говорятъ домохозяева, когда умретъ—сразу отдадимъ“. А послѣ дѣло это или совсѣмъ забывается или дадутъ бачкѣ за труды ?—3 рубля. И надо сказать, что такъ поступаютъ люди болѣе или менѣе состоятельные. А о бѣдныхъ и говорить нечего: они и сами нуждаются во всякомъ вспомоществованіи.

Денежный доходъ поступаетъ еще за бракъ и крещеніе. За первый даютъ, смотря по состоятельности, отъ 1 до 4 руб.; за крещеніе—отъ 50 коп. до 1 рубля. Въ постъ за запись исповѣдывающихся и причащающихся поступаетъ по 10 коп. съ души. Часто вмѣсто денегъ, прихожане приносятъ за требы продуктами, или просятъ деньги замѣнить работой и т. д.

Въ общемъ годовой доходъ за всѣ требоисправленія причта въ хорошемъ по матеріальному состоянію приходѣ равняется суммѣ отъ 300 до 400 рублей.

Доходъ отъ земли еще болѣе назначителенъ. Площадь всего надѣла земли на каждую церковь хотя и равняется 33—55 десятинамъ, но часто отводимая инородцами для причта земля бываетъ недоброкачественная, либо кочковатая, либо болотистая и т. п. Часто она заливается водой на половину и больше. Напр., изъ 55 десятинъ земли Шеинскаго причта только 25 десятинъ представляютъ сушу, а остальное—вода. Земля Кутанинскаго причта также больше чѣмъ на половину въ водѣ. Обществу прихожанъ, конечно, не до заботъ объ отводѣ воды изъ причтоваго покоса, потому что они и изъ своихъ покосовъ не въ состояніи отвести ее. Причтъ самъ также не въ силахъ заняться этимъ дѣломъ. Но и хорошій покосъ Якутскому сельскому духовенству приноситъ мало пользы. Это потому, что духовенство, вслѣдствіе частаго своего отсутствія изъ дома и постоянныхъ разъѣздовъ по громадным приходамъ для требоисправленій, не имѣетъ никакой возможности исполнять работу самолично и вообще вести правильно сельское хозяйство, а извлекаетъ пользу изъ послѣдняго лишь чрезъ чужія руки—наемныя. Да и вообще сельское хозяйство въ Якутской области, въ особенности, въ отдаленныхъ округахъ ея, при суровости климатическихъ условій и при первобытномъ способѣ обработки земли, находится въ очень плохомъ состояніи и приноситъ весьма ничтожныя выгоды не только духовенству, но и всему населенію края. Чистой же прибыли отъ всей причтовой земли получается среднимъ числомъ отъ 50 до 100 рублей. Бывали

не разъ случаи, когда нѣкоторые священники (напр. бывшій Эльгяйскій) отдавали свои мѣста, считавшіяся самыми лучшими, въ аренду лишь за 25 рублей.

Было бы лучше передать церковныя земли обратно самимъ обществамъ съ тѣмъ, чтобы духовенству вмѣсто нихъ назначено было опредѣленное денежное вознагражденіе изъ казны. Тогда, по крайней мѣрѣ, изъ означенныхъ земель извлекалась бы работоспособными людьми хотя нѣкоторая польза. Извѣстно, что въ надѣлъ одного бѣднаго якута дается около 3-хъ десятинъ земли. Слѣдовательно земля одной церкви, составляющая 55 десятинъ, равняется надѣлу 18 инородческихъ душъ, и потому при передачѣ ея малоземельнымъ инородцамъ, она дала бы послѣднимъ значительное подспорье въ ихъ матеріальной и экономической жизни.

Принимая во вниманіе, во 1-хъ, мѣстныя вообще неблагопріятныя условія жизни и дороговизну припасовъ, во 2-хъ то, что домъ причта въ каждомъ приходѣ служитъ единственнымъ пріютомъ издалека пріѣзжающихъ къ церкви прихожанъ и, въ 3-хъ, что на содержаніе причта ежегодно живетъ 3—4 ученика школы и нѣсколько человѣкъ прислуги, надо сказать, что вся вышеупомянутая сумма годичнаго приходнаго бюджета причта на столько ограничена и такъ мало обезпечиваетъ жизнь его, что Якутское духовенство въ матеріальномъ отношеніи перебивается лишь кое-какъ. Оно невольно входитъ въ неоплатные долги купцамъ, годъ отъ году все возрастающіе и путается на нихъ до послѣдняго своего издыханія [1])...

Въ прежнее время, когда край не изобиловалъ ссыльнымъ элементомъ, когда мало было разнаго рода спекулянтовъ и эксплоататоровъ народныхъ нуждъ, когда инородцы

[1]) Въ послѣднее время, именно съ передачей Якутской обл. Управленіемъ завѣдыванія ружнымъ сборомъ самимъ обществамъ, стали среди инородцевъ распространятся услужливыми людьми мысли о совершенномъ уничтоженіи доброхотныхъ даяній духовенству за требоисправленія, мотивируемыя тѣмъ, что духовенство получаетъ ругу. Разумѣется, безотрадное положеніе Якутскаго духовенства отъ этого еще болѣе увеличивается.

довольствовались своимъ житьемъ, еще можно было жить духовенству вообще доходами. Но теперь, съ перемѣной условій жизни инородцевъ и съ упадкомъ благосостоянія ихъ, это стало невозможнымъ.

На сколько доходы вообще теперь не обезпечиваютъ жизнь духовенства, на столько же они и позорятъ доброе имя и роняютъ авторитетъ его. Причтъ, живущій доброхотными даяніями прихожанъ, является въ глазахъ массы какимъ то грабителемъ и дармоѣдомъ. Ибо всякій дающій за требоисправленіе некультурный прихожанинъ имѣетъ въ виду прежде всего лишь тотъ видимый трудъ, который идетъ на удовлетвореніе религіозной нужды лично самого просящаго. Бракъ, напр., думаютъ они, стоитъ труда какого либо одного часа, а берутъ за него 2 – 3 рубля, соборованіе и отпѣваніе стоитъ нѣсколькихъ часовъ труда, а нужно отдавать за нихъ скотину и т. д. При чемъ все остальное служеніе и труды причта ими не принимается во вниманіе. Такимъ образомъ въ глазахъ некультурныхъ прихожанъ плата требоисправителю является несоотвѣтствующею его труду.

И вообще пользованіе доходами вноситъ большую рознь и нестроеніе въ церковно-приходскую жизнь. Всѣ почти столкновенія духовенства съ прихожанами происходятъ именно прежде всего на этой почвѣ. Съ одной стороны духовенство часто недовольно даяніями прихожанъ, съ другой прихожане недовольны требованіями и просьбами своего духовенства. Отсюда укоризны, вольныя и невольныя обиды и оскорбленія, причиняемыя другъ другу, жалобы съ той и съ другой стороны на нерадѣніе въ исполненіи своихъ обязанностей и т. д.

Въ силу своей матеріальной зависимости отъ прихожанъ духовенство нерѣдко находится въ нѣкоторомъ отъ нихъ стѣсненіи и при исполненіи своихъ служебныхъ обязанностей. Вслѣдствіе чего всякое прямое, честное и правдивое отношеніе духовенства къ прихожанамъ нерѣдко омрачается недовольствомъ и враждой со стороны послѣднихъ. Иногда стоитъ только одному вліятельному прихожанину не сойтись съ

приходскимъ священникомъ, какъ всѣ прихожане поведутъ на него походъ, который прежде всего выразится въ неуплатѣ вознагражденій за требоисправленія. И часто бываетъ такъ, что количество доходовъ зависитъ не отъ качества дѣятельности священника, а отъ его, такъ сказать, приспособляемости ко вкусамъ, подчасъ очень грубымъ и антихристіанскимъ, своихъ вліятельныхъ и богатыхъ прихожанъ. Понятно, какой вредъ является отоюда въ служебной дѣятельности пастыря. Послѣдній уже тогда невольно становится вмѣсто правдиваго и безпристрастнаго дѣятеля на нивѣ Христовой, жалкимъ потатчикомъ богачей и грабителей міра сего... Какъ же возможно такому пастырю осуществлять идеалы христіанскіе?

Непривлекательныя стороны пользованія доходами выражаются еще въ томъ, что многіе приходы, скудные въ отношеніи дохода, очень долго пустуютъ безъ причта или испытываютъ слишкомъ частую смѣну его. Естественно, что почти каждое духовное лицо стремится попасть въ такое мѣсто, гдѣ прежде всего наблюдается обезпеченность причта и лучшее положеніе его въ приходѣ. Въ пріисковыя, напр., церкви не мало желающихъ потому, что тамъ, какъ извѣстно есть обезпечивающее духовенство жалованье, которое не заставляетъ духовенство унижаться предъ всѣми и протягивать нищенски руку за подаяніемъ...

Да и не должны ли, по существу разсматриваемаго вопроса, всѣ приходы быть равными въ отношеніи обезпеченія своего духовенства? За что же, собственно, однимъ лицамъ духовнаго званія жить въ довольствѣ и благополучіи, а другимъ, такимъ же по праву и назначенію томиться въ бѣдности и униженіи? За что такое неравенство въ пользованіи жизненными удобствами лицамъ, труды и обязанности которыхъ у всѣхъ равны и одинаковы? Мнѣ кажется, подобное явленіе есть явная несправедливость, и можетъ быть уничтожено лишь при замѣнѣ настоящаго способа обезпеченія духовенства равномѣрнымъ жалованьемъ изъ казны.

Опасеніе бюрократизаціи духовенства съ обезпеченіемъ его жалованьемъ совсѣмъ неосновательно. Напротивъ, гдѣ

существуетъ обезпеченность духовенства жалованьемъ, тамъ меньше опасности, быть запутаннымъ въ разныхъ житейскихъ мелочахъ и дрязгахъ, тамъ меньше и преградъ на пути къ идеально-возвышенной жизни. Да почему же опредѣленное содержаніе во всѣхъ другихъ должностяхъ и служеніяхъ не мѣшаютъ людямъ исполнять свои обязанности, какъ слѣдуетъ, —и только будетъ помѣхою для духовенства?

Въ заключеніе добавлю, что размѣръ казеннаго жалованья долженъ быть строго цѣлесообразнымъ и достаточно обезпечивающимъ жизнь духовенства. Если лица гражданскаго вѣдомства, приравнивающіяся по классу должности къ священникамъ, напр., засѣдатели, получаютъ изъ казны въ годъ, сверхъ канцелярскихъ 600 руб., жалованья—1400 руб., то священнику по меньшей мѣрѣ должно быть назначено въ годъ—1200 руб., а псаломщику половина этого количества. Всякаго же рода доходы, въ томъ числѣ и пользованіе землей, при этомъ способѣ обезпеченія духовенства, должны быть совершенно уничтожены.

По вопросу о церковныхъ земляхъ.

(Къ статьѣ—„Изъ недавняго прошлаго“, напечатанной въ „Якутской Жизни“ за 1908 г. въ № 21)

Въ статьѣ „Изъ недавняго прошлаго“, между прочимъ, говорится: „сельское духовенство могло-бы совершенно безбѣдно существовать на получаемое имъ содержаніе безъ всякаго побочнаго дохода. Извѣстно, что каждый приходскій священникъ, кромѣ получаемаго жалованья и ружнаго пособія, пользуется еще опредѣленнымъ земельнымъ участкомъ, который въ нѣкоторыхъ мѣстахъ простирается до 70 десятинъ. На такомъ значительномъ участкѣ возможно было-бы заняться сельскимъ хозяйствомъ не только для собственнаго потребленія, но и въ болѣе широкихъ размѣрахъ („Як. Ж.“ 1908 г. № 21, стр. 3).

Утвержденіе это основано на недостаточно реальной почвѣ и не заслуживаетъ полнѣйшаго довѣрія по слѣдующимъ основаніямъ.

Прежде всего, дѣйствительное количество узаконенной пропорціи земли для причта каждаго прихода Якутской области равняется не болѣе отъ 33 хъ до 55-ти десятинъ. Изъ каковой земли на долю священника относится $^2/_3$ части, а остальное идетъ въ пользованіе псаломщика (если причтъ состоитъ только изъ двухъ упомянутыхъ лицъ).

Далѣе, условія развитія сельскаго хозяйства въ причтовыхъ земляхъ, какъ и вообще въ инородческихъ въ отдаленныхъ округахъ Якутской области не такъ благопріятны, какъ это кажется на первый взглядъ. Зависитъ это отъ свое-

образныхъ климатическихъ особенностей края[1]), требующихъ разнообразнаго къ нимъ приспособленія, отъ особеннаго качества и свойства самой почвы, требующей научнаго съ ней знакомства, провѣреннаго правильно поставленными опытами и, наконецъ, отъ отсутствія раціональныхъ принциповъ въ мѣстномъ сельскомъ хозяйствѣ, руководствъ и необходимыхъ знаній для болѣе или менѣе правильной и цѣлесообразной постановки этого дѣла[2]). Поэтому пользуемая причтомъ земля, какъ и вся вообще инородческая, приноситъ владѣльцамъ ея не особенно значительныя выгоды. Часто даже она приноситъ непоправимый ущербъ, вслѣдствіе, напр., гибели посѣвовъ отъ засухъ или инея. Чистая прибыль всей причтовой земли въ сравнительно хорошемъ участкѣ равняется среднимъ числомъ въ годъ лишь отъ 50 до 100 руб. Бывали не разъ примѣры того (напр. въ Вилюйскомъ округѣ), когда нѣкоторые священники отдавали свои мѣста, считавшіяся самыми лучшими, въ аренду лишь за 25 рублей.

И вообще, земледѣліе есть сложная отрасль сельскохозяйственной промышленности. Она требуетъ знанія и опыта, много времени и денежныхъ затратъ. По своей сложности, дѣло это, чтобы приносить доходъ, должно стать предметомъ *спеціальнаго* занятія: ему должно быть посвящено все вниманіе и все время хозяина. Духовенство-же не можетъ удовлетворять всѣмъ этимъ требованіямъ означенной промышленности и вмѣстѣ исполнять свое пастырское дѣло: отдаться обоимъ дѣламъ въ равной мѣрѣ человѣкъ можетъ не болѣе, какъ на половину, а изъ половиннаго дѣланія, обыкновенно, ничего путнаго не выходитъ.

Было бы гораздо лучше и цѣлесообразнѣе передать причтовыя или церковныя земли обратно самимъ обществамъ съ тѣмъ, чтобы духовенству, вмѣсто нихъ и позорящихъ его доброхотныхъ даяній, было назначено откуда бы то ни было опредѣленное и достаточное денежное содержаніе.

---

[1]) Извѣстно, что Якутская область, вслѣдствіе своей обширности, обладаетъ не вездѣ одинаковымъ климатомъ.

[2]) Отсутствіе сельско-хозяйственныхъ школъ въ области ставитъ земледѣліе вообще на низкую уровень развитія.

Извлеченія изъ лѣтописи Шеинской Георгіевской церкви Вилюйскаго округа, Якутской области.

I. О началѣ возникновенія церкви и прихода.

Шеинская Георгіевская церковь построена въ 1891 г. на средства почетнаго инородца Бутукайскаго наслега Сунтарскаго улуса, Вилюйскаго округа, Георгія Петровича Терешкина.

О побужденіи къ означенной постройкѣ составителю сей лѣтописи извѣстно слѣдующее.

Въ жизни инородцевъ-якутовъ какъ бѣдныхъ, такъ и богатыхъ безчадіе считается большимъ несчастіемъ, повергающимъ ихъ въ глубокую скорбь. Дѣти, говорятъ якуты,— даръ Божій. Ничто не можетъ сравниться съ счастіемъ имѣть дѣтей, въ особенности мужескаго пола. Кто не имѣетъ дѣтей, у такого, по взгляду якутовъ, и жизнь безцѣльна: не для кого трудиться, не для кого жить. У такихъ людей, еще при жизни ихъ, обстановка и устройство дома и хозяйство приходятъ къ разрушенію, а послѣ смерти отъ ихняго существованія не остается даже никакого слѣда. Много было у якутовъ славившихся богатствомъ бездѣтныхъ людей. Но умерли они,—богатство ихъ расхищено, хозяйство разстроено и уничтожено и мимо ихъ разрушеннаго пепелища никому не охота и пройти: остатки и обломки дома наводятъ на прохожаго якута только суевѣрный страхъ и тоску.

Строитель Шеинской Георгіевской церкви инородецъ Терешкинъ былъ человѣкъ бездѣтный; и это обстоятельство очень удручало и мучило его. Имѣя порядочное матеріальное

состояніе, добытое имъ собственнымъ трудомъ, онъ сознавалъ, что съ его старостію и смертію, не будетъ никакого настоящаго хозяина его имуществу и что послѣднее, стоившее ему трудовъ многихъ лѣтъ, будетъ очень скоро уничтожено и расхищено, а что самое главное,—отъ его жизни не останется никакого слѣда... Всѣ эти обстоятельства очень тревожили состоятельнаго, но бездѣтнаго инородца, наводя его на различныя размышленія. И, вотъ, Терешкинъ задался мыслію употребить свое благопріобрѣтенное имущество на какое-либо общественное полезное дѣло. Какъ человѣкъ искренно вѣрующій и религіозный, всѣ свои блага приписывающій Божіей милости, онъ пришелъ къ мысли о постройкѣ при своемъ мѣстожительствѣ часовни или церкви. Это послѣднее, по его мнѣнію, кромѣ его главной своей цѣли, должно составлять охрану его пепелища и памятникъ его имени. Бывшій въ то время его приходскій священникъ Ботомойской Казанской церкви о. Василій Поповъ своими совѣтами и руководствомъ поддержалъ намѣреніе Терешкина. Къ этому—отдаленность какъ его самого, такъ и его сородичей отъ своего приходскаго стараго храма и, вслѣдствіе этого, происходящія затрудненія въ посѣщеніи храма и многія другія лишенія въ удовлетвореніи религіозно-нравственныхъ нуждъ и потребностей,—все это окончательно побудило Терешкина къ осуществленію его намѣренія.

Въ 1887 г. Терешкинъ, подъ руководствомъ своего приходскаго священника о. Попова, сдѣлалъ планъ для будущей церкви, который при прошеніи отослалъ Преосвященному епископу Якутскому Іакову. Въ тотъ-же годъ пришло, и разрѣшеніе на означенную постройку церкви. При этомъ въ отвѣтѣ Преосвященнаго было присовокуплено одобряющее обѣщаніе—особо ходатайствовать предъ Св. Синодомъ объ открытіи при новостроющейся церкви отдѣльнаго штатнаго прихода. Матеріалы для постройки церкви были почти всѣ заготовлены и началась уже работа подъ руководствомъ опытнаго въ этомъ дѣлѣ о. В. П. Попова. Но въ это время явился цѣлый рядъ препятствій къ постройкѣ церкви и открытію

прихода, со стороны единичныхъ, но вліятельныхъ родовичей наслега, въ вѣдомствѣ которыхъ находился тогда Терешкинъ и расположеніемъ которыхъ онъ тогда не пользовался. Эти послѣдніе заявили противъ предпріятія Терешкина протестъ изъ за того, яко-бы, что съ раздробленіемъ одного прихода на два должны будутъ явиться непосильные для народа расходы. Заправиломъ общества инородцемъ Кугдарскаго наслега Яковомъ Титовымъ въ 1888 г. былъ сдѣланъ формальный вызовъ Терешкина изъ мѣста его жительства въ мѣстное Родовое Управленіе для дачи подписки о прекращеніи его предпріятія. Но на означенный вызовъ Терешкинъ, по болѣзни своей жены, не явился и подписки объ отказѣ отъ постройки церкви, опираясь на разрѣшеніе Преосвященнаго, не далъ. Тогда были приняты мѣры вышеозначеннымъ заправилой общества къ тому, чтобы отобрать подписки отъ рабочихъ—плотниковъ Терешкина о прекращеніи работъ. Но и это не удалось. Тогда, наконецъ, тотъ-же заправило Общества Яковъ Титовъ въ 1891 г. отъ имени почти цѣлаго прихода Ботомойской Казанской церкви подалъ преосвященному Мелетію, тогда вновь прибывшему въ Якутскую епархію, прошеніе. Въ немъ говорилось, что, вслѣдствіе имѣющихъ быть непосильныхъ расходовъ по двумъ церквамъ, устрояемая инородцемъ Терешкинымъ, церковь излишня и просили запретить постройку эту. Но прошеніе это не застало въ Якутскѣ преосвященнаго Мелетія, который въ это время выѣхалъ въ Вилюйскій округъ для обозрѣнія и ревизіи церквей. Новосозданный-же Терешкинымъ однопрестольный храмъ въ мѣстности „Шея“ къ этому времени уже былъ почти совершенно готовъ къ освященію и богослуженію въ немъ. Утварь и проч. принадлежности его также были пріобрѣтены полностію. Преосвященный, обозрѣвая Вилюйскія церкви, уже приближался къ мѣсту вновь-построенной церкви. Но въ то время, когда онъ немного недоѣзжая до этого мѣста, находился въ с. Нюрба, тѣ-же протестующія лица опять подали прошеніе Преосвященному о непосильности расходовъ по двумъ церквамъ и превращеніи построенной Терешкинымъ церкви въ часовню

безъ штатнаго причта. Но, однако-же, всѣ эти препятствія по постройкѣ церкви и открытію прихода, весьма смущавшія Терешкина и приносившія ему большее огорченіе благодаря поддержкѣ многихъ сочувствующихъ изъ его сородичей и духовнаго начальства, не имѣли успѣха. Въ 1891 г. 25 и 26 ноября, при огромномъ стеченіи народа, соборомъ священно-церковно-служителей торжественно совершено было освященіе Шеинской церкви въ честь ангела строителя церкви—св. Георгія Побѣдоносца и св. равноапостольныя Ѳеклы. Этотъ день для многихъ окрестныхъ инородцевъ былъ истино-радостный праздникъ, навсегда запечатлѣвшійся въ ихъ сердцахъ. Преосвященный Мелетій, довольный и тронутый устройствомъ новаго храма, его внѣшней и внутренней архитектурой, изяществомъ и достаточностію всей обстановки, искренно благодарилъ строителя инородца Г. Терешкина и удостоилъ его троекратнаго своего лобызанія.

На первыхъ порахъ къ приходу Шеинской Георгіевской церкви отнесены были по смежности наслеги—Тюбяйскій, 2-й Шарханскій, часть наслеговъ Кангаласскаго и Бордонскаго съ количествомъ душъ 2500 обоего пола. Въ 1892 г. 4 декабря общественнымъ приговоромъ инородцевъ Сунтарскаго улуса по отнесенію расходовъ на содержаніе церквей, какъ-то: на наемъ трапезника, караульнаго, просфорни и проч. между прочимъ, къ Шеинской Георгіевской церкви отчислены были слѣдующіе наслеги съ ревизскими душами Сунтарскаго улуса: Кангаласскій—7 д., Кюкяйскій 517 д., 2 Нерюктяйскій 113 д., Тюбяйскій 312 д., Гоюб.-Нарханскій—71 д. и Бутукайскій 130 д. Всего пять наслеговъ съ 1150 ревизскими душами. А затѣмъ, впослѣдствіи, указомъ Якутской Духовной Консисторіи отъ 1899 г. 31 дек. за № 6609, согласно раздѣльному акту священнослужителей XIV благочинія о распредѣленіи прихожанъ 8-ми церквей Сунтарскаго улуса, къ Шеинской Георгіевской церкви причислено прихожанъ обоего пола изъ наслеговъ—2 Нерюктяйскаго 256 д., Кюкяйскаго 1014 д., Кангаласскаго 111 д., Тюбяйскаго 967 д., Бутукайскаго 282 д. и 1 Бордонскаго 276 д. Всего прихожанъ 3000 д. обоего пола.

Приходу сей церкви усвоено названіе „Шеинскій“ по мѣстности, на которой построена церковь. Мѣстность эта носитъ названіе „Шея“, заимствованное отъ тунгузскаго слова „сегя“, что значитъ изгородь для оленей. По разсказамъ стариковъ якутовъ прежде здѣсь обитали тунгусы, занимавшіеся оленеводствомъ, изгороди которыхъ сохранялись здѣсь до позднѣйшаго времени. Тунгусы эти, постоянно стѣсняемые прибывшими сюда съ востока якутами, постепенно передвигались на западъ вверхъ по теченію р. Вилюя и въ настоящее время они населяютъ лишь самыя верховья этой рѣки. Послѣ нихъ здѣшнія мѣстности населяютъ почти исключительно якуты.

Въ началѣ существованія прихода здѣсь отдѣльнаго штатнаго причта не было, но въ качествѣ послѣдняго значились священникъ, псаломщикъ и просфорня Сунтарской Введенской церкви. Содержаніе ихъ получалось изъ казны въ слѣдующемъ размѣрѣ: жалованье священнику—200 р., псаломщику—100 р., просфорнѣ—40 р. и ружный окладъ отъ прихожанъ священнику—160 р. и псаломщику—80 р. Одноклирный штатъ причта сей церкви открытъ въ 1896 г. съ тѣмъ-же количествомъ жалованья и руги. Кромѣ того источникомъ содержанія причта служитъ земля. До 1899 г. причтъ пользовался землей, отведенной ко 2-му приходу Сунтарской Введенской церкви въ количествѣ 55 десятинъ. Въ означенномъ году 21 іюня, вслѣдствіе распоряженія Областного Управленія отъ 9 марта 1898 г. за № 1865, причту было, отведено сѣнокосной и пахатной земли, а также лѣсу изъ мѣстности близъ лежащей къ сей церкви, а именно изъ участка „Шея“: пашни—2 д. 360 кв. с., выгону—1 д. 1400 кв. саж., покосу 17 д. 1200 кв. с., огородовъ—2000 кв. с., лѣсу 2040 кв. с. Итого 22 д. 2200 кв. с. Подъ церковію и домами причта—1400 кв. с. Всего—23 д. 1200 кв. с. Изъ участка „Масаны“, находящагося въ 3-хъ верстахъ отъ церкви: покосу—32 д. 300 кв. с. Всего—55 д. 1500 кв. с. Земля эта не особенно доброкачественная по кочковатости своей и болотистости. Кромѣ того $^2/_3$ покоса въ участкѣ „Масаны“ съ 1893 г. затоплено водой.

Помѣщенія причта слѣдующія: священническій домъ, деревянный, построенный строителемъ церкви инородцемъ Г. П. Терешкинымъ въ 1892 г. При немъ три амбара и одинъ погребъ, устроенные частію строителемъ церкви, частію прихожанами и частію самимъ причтомъ. Псаломщическій домъ, деревянный, построенный строителемъ-же церкви въ 1893 г. при немъ два амбара и одинъ погребъ. Въ пользованіи причта одна баня, построенная на средства прихожанъ въ 1895 г.

II. О церковно-приходской школѣ.

Въ 1892 году съ разрѣшенія преосвященнаго Мелетія, епископа Якутскаго при Шеинской Георгіевской церкви открыта церковно-приходская школа. Помѣщалась она въ началѣ въ зданіи, пожертвованномъ строителемъ же церкви, инородцемъ Георгіемъ Терешкинымъ. Размѣръ этого зданія 3 квад. сажени. Въ первое время оно удовлетворяло несложнымъ потребностямъ вновь основанной школы, такъ какъ учащихся было мало и занятія въ школѣ велись мѣстнымъ причтомъ, но впослѣдствіи, съ увеличеніемъ комплекта учащихся и назначеніемъ самостоятельныхъ учителей, оно стало тѣснымъ для занятій. Вслѣдствіе чего въ 1905 г. по просьбѣ мѣстнаго завѣдывающаго школой ассигновано Якутскимъ Училищнымъ Совѣтомъ изъ казенныхъ суммъ на устройство новаго зданія для школы 300 руб. Въ 1906 г. новое зданіе окончено. Размѣръ его 3×4 сажени. Отдѣляется отъ стараго зданія школы особыми сѣнями. Внутри зданія 4 комнаты, голландская печь и 1 каминъ. Въ настоящее время новое зданіе составляетъ квартиру учителя[1]), а помѣщеніе стараго зданія—классъ, спальня учениковъ и сторожка.

Школа содержится на счетъ Якутскаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта, ассигнующаго въ годъ: на жалованье учителя 360 руб., на содержаніе 3-хъ учениковъ общежитія 120 руб. и на содержаніе школы—80 руб. Всего—560 руб. Сумма эта въ общемъ весьма ограниченная по мѣстнымъ неблагопріятнымъ условіямъ жизни, вслѣдствіе чего школа

[1]) Учитель семейный.

находится въ весьма плачевномъ положеніи не только въ качественномъ отношеніи въ смыслѣ удовлетворенія потребностямъ обученія, но и по количеству въ ней обучающихся. Норма обучающихся, какъ и во всѣхъ остальныхъ здѣшнихъ церковно-приходскихъ школахъ, почти никогда не превышала 5—6 человѣкъ учащихся. Зависитъ это, во 1-хъ, отъ того, что якуты вообще живутъ весьма разбросано—по дебрямъ и лѣсамъ и далеко отъ своей школы, а во 2-хъ, отдавать дѣтей на свои средства большинство изъ нихъ, по своей бѣдности, не въ состояніи. Единственно якуты здѣшняго края могли бы обучать своихъ дѣтей въ здѣшнихъ церковно-приходскихъ школахъ въ большемъ числѣ въ томъ только случаѣ, еслибъ въ послѣднихъ былъ казенный пансіонъ, какъ это водится, напр., въ здѣшнихъ министерскихъ школахъ. Но къ сожалѣнію наше начальство, всегда заботившееся объ увеличеніи количества здѣсь церковно-приходскихъ школъ, мало обращало вниманія на ихъ качество... Гораздо было бы цѣлесообразнѣе, еслибъ вмѣсто существующихъ теперь при каждой церкви убогихъ по внѣшней и внутренней обстановкѣ церковно-приходскихъ школъ, были открыты по одной или двѣ школы лишь при каждомъ благочиніи, но настоящія школы соотвѣтствующія дѣйствительно всѣмъ требованіямъ и условіямъ начальныхъ народныхъ школъ здѣшняго края.

Въ 1906 г. мѣстнымъ завѣдывающимъ была выражена просьба предъ Училищнымъ Совѣтомъ объ увеличеніи казеннаго пансіона школы хотя бы еще на 2 ученика, но на это не получено отвѣта.

Прихожане участія въ содержаніи школы и учениковъ, по своей бѣдности, а также въ силу расходовъ на мѣстную министерскую школу не принимаютъ.

Изъ церковныхъ суммъ ежегодно ассигнуется на пріобрѣтеніе письменныхъ принадлежностей и проч. по 30 руб.

Со дня открытія школы было окончившихъ курсъ до 10 мальчиковъ и до 5 дѣвочекъ.

Въ настоящее время, вслѣдствіе всеобщаго сознанія необходимости грамотности и образованія учащихся въ школѣ стало сравнительно больше: въ семъ году обучается 11 мальчиковъ и 4 дѣвочки.

Частая смѣна учащихъ, замѣчающаяся при школѣ, несомнѣнно, весьма вредно отражается на общемъ ходѣ учебнаго дѣла; зависитъ же это какъ отъ неблагопріятныхъ условій мѣстной жизни въ матеріальномъ и др. отношеніяхъ, принуждающихъ учителя скоро оставлять службу, такъ и отъ назначенія епархіальнымъ начальствомъ людей, за неимѣніемъ другихъ подходящихъ и желающихъ лицъ, не устойчивыхъ и не соотвѣтствующихъ вообще учительской должности.

III. О кладбищахъ.

Кладбища особо отведеннаго при церкви нѣтъ. Якуты хоронятъ своихъ умершихъ обыкновенно на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ лежатъ ихъ предки и отцы. А эти послѣдніе нашли себѣ мѣсто вездѣ, но большею частію на возвышенныхъ и живописныхъ холмахъ, среди чащи березняка или лиственницы, на берегу рѣчекъ или озеръ, на краю выступа лѣсовъ и т. д. Рѣдко они бываютъ вблизи жилищъ человѣческихъ. Надъ могилами устраиваются деревянные памятники въ видѣ домиковъ, на крышѣ которыхъ воздвигаются большіе деревянные кресты. Памятники эти часто окрашиваются масляными красками, а внутри ихъ черезъ рѣшетчатое окошечко вкладываются каменныя съ надписью плиты. Часто среди кладбища поставляется большой крашенный крестъ общій для всѣхъ могилъ, а самое кладбище огораживается особенной изгородью.

Въ церковь приносятъ якуты умершихъ для отпѣтія и похоронъ рѣдко. Большею частію при церкви хоронятся тѣ умершіе, которые не имѣютъ послѣ себя наслѣдниковъ и которые, поэтому, еще при жизни свое имущество предназначаютъ въ церковь на поминъ своей души.

Изъ русскихъ въ церковной оградѣ похороненъ священникъ Ботомойской Казанской церкви Мисаилъ Павловичъ Поповъ служившій долгое время и при сей церкви и умершій 1 мая 1903 года.

IV. Религіозно-нравственное состояніе прихожанъ Шеинской Георгіевской церкви.

Якуты, принадлежащіе къ приходу сей церкви, какъ и все населеніе здѣшняго края, живутъ разбросанно, отдѣльными и далеко другъ отъ друга отстоящими юртами. Самые ближайшіе якуты живутъ отъ церкви на разстояніи 3—5 верстъ, но такихъ немного, всего 50—60 человѣкъ. Огромное же большинство живетъ отъ церкви въ 10—30 и 30—100 верстахъ, а часть и за 140—150 верстъ. Столь большія разстоянія, конечно, препятствуютъ частому посѣщенію храма Божія нашими прихожанами во дни церковнаго богослуженія. Значительнымъ препятствіемъ для того служитъ также малочисленность членовъ семейства въ каждой юртѣ, вслѣдствіе ранняго и поспѣшнаго отдѣленія взрослыхъ членовъ ея въ самостоятельныя хозяйства; рабочихъ рукъ мало, и потому всѣ должны принимать участіе въ домашнихъ работахъ,—отлучаться изъ дому некогда. Но тѣмъ не менѣе въ извѣстные и великіе праздничные дни, каковы—Пасха, Рождество Христово, день Св. Николая, день храмового торжества и др. ближайшіе якуты посѣщаютъ храмъ Божій, а во дни Св. Четыредесятницы для исполненія долга исповѣди и Св. Причастія посѣщаютъ его и болѣе отдаленные. Здѣсь—въ храмѣ Божіемъ прихожане—якуты проявляютъ большое усердіе къ церковнымъ молитвамъ и вообще богослуженію и бываютъ весьма благоговѣйно и религіозно настроены во время совершенія послѣдняго. Особенное расположеніе они проявляютъ къ душеспасительнымъ бесѣдамъ и поученіямъ. Сказанное въ проповѣди они передаютъ и домашнимъ своимъ—дѣтямъ, родственникамъ и др. людямъ. И воспринятыя ими наставленія пастырей оказываютъ на нихъ доброе вліяніе, облагораживая и

развивая нравственныя ихъ чувства, дѣлая доступными ихъ къ высокимъ христіанскимъ порывамъ—любви къ ближнему и пр.

Долгъ исповѣди и Св. Причастія прихожанами исполняется почти всегда, хотя часто отсутствіе хлѣбной и вообще растительной пищи и препятствуетъ имъ поститься, согласно уставу церковному. Иные не говѣютъ вслѣдствіе почти постоянной отлучки и выѣздовъ для заработка на пріиски и др. пункты р. Лены. Для удобства причащенія дальнихъ прихожанъ Св. Тайнами и совершенія среди нихъ другихъ церковныхъ требъ, причтъ выѣзжаетъ въ мѣста ихъ жительства обыкновенно два раза въ годъ,—осенью и весной.

Во время недуговъ своихъ прихожане-якуты всегда стараются напутствоваться Св. Тайнами, причемъ искренно раскаиваются въ своихъ грѣхахъ и просятъ молитвъ пастыря и церкви. Нерѣдко въ виду бѣдности больного, желающаго пріобщиться у священника, но лишеннаго возможности достать послѣдняго, сосѣди снабжаютъ его подводою, и весьма сокрушаются, если кому случится умереть безъ христіанскаго напутствія.

Неослабно исполняя долгъ исповѣди и Св. Причастія, прихожане-якуты усердно исполняютъ и другія таинства и обряды православной церкви. Такъ, по рожденіи младенцевъ ближайшіе изъ нихъ вскорости же приносятъ крестить ихъ. Отдаленные также крестятъ при первомъ же удобномъ случаѣ. При слабости младенцевъ и при отсутствіи священника, они чрезъ грамотныхъ своихъ сородичей, извѣстныхъ причту, и получившихъ должное наставленіе для такихъ случаевъ, совершаютъ крещеніе младенцевъ. Прихожане-якуты весьма сокрушаются, если младенецъ ихъ случайно умретъ некрещеннымъ.

Въ таинствѣ брака прихожане-якуты также сознаютъ значеніе и силу благодати Божій. Но вслѣдствіе установившагося издревле обычая добрачнаго сожительства, они прибѣгаютъ къ нему не всегда своевременно, а иногда спустя довольно долго послѣ вступленія въ сожительство.

Не всегда такъ же аккуратно прихожане-якуты относятся и къ отпѣванію умершихъ, въ особенности же младенцевъ. Часто прибѣгаютъ къ совершенію онаго чрезъ довольно продолжительное время послѣ смерти и погребенія умершихъ. Происходитъ это—отчасти вслѣдствіе невозможности для отдаленныхъ прихожанъ своевременно пригласить священника, отчасти же—вслѣдствіе непониманія ими смысла и значенія этого христіанскаго обряда. Впрочемъ многіе изъ прихожанъ передъ своею смертію просятъ о поминовеніи своихъ душъ при церковномъ богослуженіи, а болѣе или менѣе состоятельные изъ нихъ дѣлаютъ съ этою цѣлію даже особенные вклады въ церковь, деньгами или вещами.

Выражая на дѣлѣ преданность св. православной вѣрѣ, прихожане-якуты, однако, вслѣдствіе слабости своего духовнаго развитія неизбѣжно подвержены суевѣріямъ и предразсудкамъ. Вся духовная жизнь ихъ есть ничто иное, какъ сплетеніе или смѣсь безчисленныхъ суевѣрій, унаслѣдованныхъ отъ предковъ, съ христіанскими вѣрованіями. На первомъ планѣ у нихъ стоитъ вѣра въ силу нечистыхъ духовъ, или шаманизмъ. Исходя изъ той точки зрѣнія, что въ мірѣ два начала—доброе и злое, якуты вѣрятъ, что все доброе происходитъ отъ добраго начала—Бога, а все злое—отъ злого начала—діавола. Всѣ происходящія жизненныя неудачи, несчастія, болѣзни и смерть по ихъ убѣжденіямъ посылаются именно злыми духами. Поэтому этихъ духовъ якуты боятся и изъ страха предъ ними стараются умилостивить ихъ посредствомъ служенія и жертвъ. Посредниками между людьми и злыми духами являются шаманы, преемственно перенимающіе свое служеніе отъ своихъ предковъ. Не такъ давно шаманы и по внѣшнему своему виду были страшные люди,—съ длинными распущенными волосами, съ черными грязными лицами, теперь же они почти ничѣмъ отъ обыкновенныхъ людей не отличаются. Развѣ по нѣкоторой возбужденности и острому пронизывающему взгляду можно догадываться объ ихъ спеціальности. Во время своихъ шаманскихъ дѣйствій они надѣваютъ на себя особый костюмъ изъ звѣриной или

скотской шкуры съ различными металлическими погремушками и привѣсками. Шаманскія дѣйствія обычно составляютъ учащенные удары въ бубенъ, круженіе и дикіе скачки предъ пылающимъ каминомъ и неистовое выкрикиваніе заклинаній. Различается нѣсколько родовъ заклинаній. Первое и чаще употребляемое заклинаніе, это—на болѣзнь человѣка. Всякая болѣзнь, по убѣжденію якутовъ, происходитъ отъ дѣйствія нечистыхъ духовъ, и чтобы избавиться отъ болѣзни, надобно умилостивить послѣднихъ, а это возможно только при посредствѣ шамана. Шаманъ знаетъ какой духъ причиняетъ человѣку болѣзнь и какую жертву надобно принести для его умилостивленія; и онъ въ точности указываетъ признаки намѣчаемой духомъ жертвы—возрастъ и масть той или иной скотины. Согласно указанію шамана послѣдняя тотчасъ же и убивается. Мясо этой скотины тутъ же съѣдается всѣми присутствующими, а кожа вывѣшивается гдѣ либо въ лѣсу въ жертву духу. Послѣ того больной, по убѣжденію якутовъ, долженъ скоро выздоровѣть. Обыкновенно чаще всего якуты прибѣгаютъ къ дѣйствіямъ шамановъ при наружныхъ болѣзняхъ какъ напр., при нарывѣ, опухоли, ушибѣ, ранахъ и т. п. Другое и также часто употребляемое заклинаніе, это—на улучшеніе хозяйства и на приплодъ скота. Когда въ хозяйствѣ происходитъ какое либо разстройство и бѣда, напр., падежъ скота и проч., опять прибѣгаютъ къ помощи шамана. Онъ знаетъ отъ какого духа это зависитъ. И посредствомъ соотвѣтствующихъ заклинаній удаляетъ вредныхъ духовъ данной мѣстности. При этомъ жертвъ особенныхъ не требуется, и дѣло ограничивается вывѣшиваніемъ разноцвѣтныхъ тряпокъ—„салама“ на вѣтвяхъ березъ; послѣднія впрочемъ часто вывѣшиваются и безъ заклинаній шамана. Сюда же относятся заклинанія на тѣ или иные промыслы. Напр., къ помощи шамана прибѣгаютъ охотники на звѣрей, лѣсныхъ дикихъ животныхъ и проч. Въ данномъ случаѣ происходитъ задабриваніе тѣхъ духовъ, отъ которыхъ зависитъ успѣхъ того или иного промысла. Далѣе, одно изъ болѣе употребительныхъ заклинаній это на безплодіе женщинъ. Рожденіе,

по убѣжденію якутовъ, зависитъ отъ добраго Бога — „Аисыта“. Поэтому заклинанія этого рода состоятъ въ умилостивительныхъ молитвахъ къ Богу, какъ творцу и создателю всего существующаго въ мірѣ. Въ такихъ случаяхъ производитъ заклинаніе „безгрѣшный“ шаманъ, т. е. до этого не соприкасавшійся съ нечистыми духами. Наконецъ, мало употребительное въ настоящее время заклинаніе, это — на смерть человѣка. По вѣрованію якутовъ, человѣка душа по смерти должно идти къ жилищамъ предковъ его. А для того, чтобы путь этотъ она могла совершить безъ затрудненій, т. е. непѣшеходно, а спокойно верхомъ на лошади, при смерти человѣка убиваютъ любимую его лошадь. При чемъ, этотъ моментъ сопровождается заклинаніями шамана, который, имѣя сообщеніе съ душой покойнаго, провожаетъ послѣднюю на убитой лошади, до самого мѣста жилища ея прародителей. Мясо убитой лошади съѣдается присутствующими, а кости вывѣшиваются на деревьяхъ около могилы умершаго. Про старинныхъ шамановъ разсказываютъ, что они явно чудодѣйствовали во время своихъ шаманскихъ дѣйствій и заклинаній, напр. вонзали въ себя ножъ, ѣли горячія угли и т. д. Про настоящихъ же шамановъ якуты отзываются, большею частію, какъ о пустыхъ обманщикахъ. Вообще же, надо сказать, вѣра въ шамановъ и въ ихъ дѣйствія у якутовъ въ послѣднее время, вслѣдствіе вліянія христіанства, значительно ослабѣло.

Вѣруя въ нечистаго злого духа, якуты представляютъ и всю окружающую ихъ природу управляемою особыми духами. Вслѣдствіе чего у якутовъ и огонь, и вода, и лѣсъ, и горы имѣютъ своихъ отдѣльныхъ духовъ, которые могутъ представлять человѣку на каждомъ шагу препятствія и затрудненія. Отсюда вытекаетъ умилостивленіе и задабриваніе этихъ духовъ какими-либо принесеніями и подарками. Такъ, напр., духу огня, называемому „Эсэкянь“, передъ употребленіемъ пищи даютъ лучшій кусочекъ послѣдней. Ели пьютъ водку, то первую рюмку также выливаютъ на огонь. Духу горъ и лѣсовъ даютъ разноцвѣтныя тряпочки или просто пукъ

волосъ отъ гривы коня, которые подвѣшиваются или завязываются къ вѣтвямъ деревьевъ. Духу воды даютъ то-же частицу отъ своей пищи. Звѣри, птицы также имѣютъ своего духа, вполнѣ распоряжающагося судьбами ихъ, такъ что счастливая или неудачная охота зависитъ отъ него. Поэтому каждый охотникъ старается и этому духу угодить тѣмъ, напр., что сохраняетъ нѣкоторыя части животныхъ, — отъ птицы — душку, спинную кость, перья; отъ звѣрей — лапы, или головную кость, и все это тщательно прикрѣпляется или въ щеляхъ дома или въ лѣсу на деревьяхъ.

Нѣкоторыхъ своихъ духовъ якуты въ старину облекали во внѣшнія формы, вслѣдствіе чего у нихъ были идолы. Въ настоящее время тоже можно изрѣдка встрѣтить у якутовъ подобныхъ идоловъ. Они представляютъ изъ себя уродливыя деревянныя подобія людей безъ рукъ и ногъ съ неуклюжими чертами лица. Въ старину, да отчасти и нынѣ, въ глухихъ и отдаленныхъ мѣстахъ, послѣ удачной охоты приносили и приносятъ этимъ божкамъ жертвы — масло, сало животнаго и пр. Есть еще у нѣкоторыхъ якутовъ тайно-сохраняемые и до сего времени, такъ называемые — „Сата“. Это символъ духа вѣтра и холода. Онъ состоитъ изъ кусочка камня, находимаго будто бы въ желудкѣ лошади, оленя и др. животныхъ, а также птицъ. Къ помощи этого — духа, обыкновенно, обращаются пловцы, прося попутнаго вѣтра, или запоздавшіе весной путники, желающіе продолженія холода для санной дороги.

Какъ и всѣ люди, якуты имѣютъ желаніе знать свою будущую судьбу. Съ этой цѣлію у нихъ существуютъ сновидцы. Видѣнія ихъ считаются пророческими и, если случайно исполняются, то объ этомъ якуты съ радостію передаютъ другъ другу. Будущее они стараются узнать и по нѣкоторымъ явленіямъ природы. Такъ, напр., затмѣніе солнца или луны предвѣщаетъ какое-нибудь общее бѣдствіе, сѣверное сіяніе или явленіе новой звѣзды — холодъ и неурожай, неестественно проявляемые голоса нѣкоторыми животными — тоже нѣчто худое, несчастное и т. д. Нѣкоторыя физіологическія

проявленія организма также вызываютъ соотвѣтствующія объясненія, напр. если дергаетъ лѣвый глазъ, то это къ непріятности, а правый—къ радости, звонъ въ лѣвомъ ухѣ предвѣщаетъ непріятность, въ правомъ—радость, и т. д.

Якуты отличаются многими добрыми нравственными качествами. Такъ у нихъ очень сильно развиты родственныя чувства—взаимная любовь родителей и дѣтей, затѣмъ—привязанность и дружба къ избраннымъ лицамъ, доходящая до готовности жертвовать собой. Живо и дѣятельно проявляется у нихъ также состраданіе къ людямъ, выражающееся въ матеріальной и нравственной поддержкѣ несчастныхъ. Также сострадательны якуты и къ животнымъ. Отрицательныя качества якутовъ, это—корысть, честолюбіе, властолюбіе, мстительность и плотоугодіе. Кромѣ того у нихъ сильно развита страсть къ картежничеству и пьянство.

Въ умственномъ отношеніи прихожане-якуты мало развиты. Только въ послѣднее время начинается у нихъ усиленное стремленіе къ грамотности и образованію. Но вслѣдствіе неудовлетворительно поставленныхъ здѣшнихъ церк.-прих. школъ въ матеріальномъ и учебномъ отношеніи, это стремленіе ихъ не находитъ должнаго удовлетворенія. Министерскихъ-же школъ мало да и поступаютъ въ нихъ большею частію дѣти привиллегированныхъ и богатыхъ родителей; дѣти-же бѣдныхъ остаются внѣ школы. Въ нашемъ приходѣ имѣется всего до 20-ти грамотныхъ людей. Вслѣдствіе постояннаго соприкосновенія здѣшнихъ инородцевъ съ торговыми пунктами р. Лены и съ пріисками, они все-таки по немногу становятся культурнѣе и образъ жизни ихъ постепенно улучшается.

V. Домашній бытъ прихожанъ.

Обстановка жизни большинства прихожанъ Шеинской церкви невзрачна. Живутъ они въ тѣсныхъ и грязныхъ юртахъ, обмазанныхъ снаружи коровьимъ пометомъ. Въ стѣнахъ этихъ юртъ просѣчены отверстія небольшого размѣра, служащія проводниками свѣта со вставными въ нихъ зимой

льдинами, а лѣтомъ—осколками стеколъ, или засаленной тряпкой. Внутри такого помѣщенія около стѣнъ находятся широкія нары для сидѣнья и спанья. Посреди юрты—битый глиняный каминъ, съ вѣчно горящими дровами, нерѣдко испускающими смрадъ и дымъ. Совмѣстно съ юртой устраивается хлѣвъ для скота, называемый „хатонъ". Воздухъ въ такомъ жиломъ помѣщеніи крайне испорченный и спертый. Въ послѣднее время впрочемъ нельзя не замѣтить нѣкоторой перемѣны въ обстановкѣ жизни здѣшнихъ якутовъ, вслѣдствіе вліянія русскихъ. Многіе изъ нихъ теперь живутъ въ русскихъ бревенчатыхъ домахъ съ большими стеклянными окнами. Внутри этихъ домовъ нерѣдко можно встрѣтить нѣсколько отдѣленій (комнатъ) и меблировку на русскій ладъ, а также русскія печи и голланки. Вліяніе русскихъ отразилось здѣсь и на якутскомъ костюмѣ. Такъ, нынѣ уже рѣдко можно встрѣтить якута, одѣтаго въ первобытную его одежду, сшитую изъ скотской кожи, а чаще теперь якуты носятъ одежду, сшитую изъ фабричной матеріи, при чемъ и фасонъ ея уже потерялъ свою національность; послѣдняя нѣсколько сохранилась только въ женскихъ костюмахъ. У мужчинъ-же, обыкновенно, теперь верхнее платье состоитъ изъ пальто или блузы, стянутыхъ поясомъ, шароваръ и саръ (сапоговъ) на ногахъ; на головѣ у нихъ лѣтомъ—фуражка, зимой—шапка русскаго фасона. Разница между богатыми и бѣдными якутами въ этомъ случаѣ только та, что одежда ихъ шьется изъ сравнительно болѣе дорогой или дешевой матеріи.

Въ отношеніи пищи, якуты въ своемъ домашнемъ быту не очень взыскательны. Бѣдные изъ нихъ ѣдятъ все что есть и придется: кислое молоко—„соратъ" и „таръ", смѣшанное съ древесной корой, составляетъ главную пищу ихъ; затѣмъ ѣдятъ мясо лѣсныхъ звѣрей, а нерѣдко и мясо павшихъ животныхъ. Богатые ѣдятъ мясо домашнихъ животныхъ и хлѣбъ—покупной, или своего сѣва. У тѣхъ и другихъ пища бываетъ въ изобиліи лѣтомъ и осенью, когда скотъ даетъ молоко, поспѣваетъ хлѣбъ, созрѣваютъ ягоды, промышляется лѣсной звѣрь и проч. затѣмъ со средины зимы, когда кончается

заготовленная пища, большинство изъ якутовъ живутъ въ проголодь.

Главныя занятія здѣшнихъ якутовъ: скотоводство, хлѣбопашество, рыбная ловля и охота. Безъ исключенія всѣ якуты содержатъ скотъ; послѣдній для нихъ составляетъ главную и существенную опору жизни. Дыханіемъ скота живемъ, говорятъ сами якуты,—такъ они привыкли къ скоту и такъ сжились съ нимъ. Это—ихъ первые питатели и друзья. Въ голодные и неурожайные годы, когда не бываетъ сѣна, бѣдные отдаютъ богачамъ свое послѣднее достояніе, чтобы пріобрѣсти для скота горсть сѣна изъ ихъ большихъ запасовъ. Подобныя голодовки здѣсь бываютъ часто и нерѣдко въ такое время возъ сѣна стоитъ 20 руб., или одной большой скотины.

Въ уходѣ за скотомъ—якуты пріобрѣли большую опытность и умѣютъ съ нимъ обращаться. Многіе изъ нихъ имѣютъ скотъ лучшихъ породъ, и выгодно сбываютъ продукты отъ него—молоко, сливки, масло и проч. на пріиски и др. населенные пункты р. Лены.

Хлѣбопашествомъ въ настоящее время занимаются почти всѣ якуты—богатые и бѣдные. По примѣру недавнихъ сосѣдей—ссыльныхъ скопцовъ Нюрбинскаго селенія (возвратившихся въ Россію въ минувшемъ году), а также жителей р. Лены, многіе якуты стали вести здѣсь правильное хлѣбопашество. Они начинаютъ дѣлать теперь расчистки, удобрять почву скотскимъ навозомъ и проч. И конечно чѣмъ болѣе прилагаютъ старанія и усердія къ подготовкѣ почвы для посѣва, тѣмъ больше получаютъ пользы отъ хлѣбопашества. Многіе якуты сѣютъ хлѣбъ даже въ такомъ большомъ количествѣ, что избытокъ его продаютъ другимъ. Особенно это замѣчается въ наслегахъ Кюкяйскомъ и Тюбяйскомъ.

Огородничество здѣсь не такъ развито, хотя и имъ занимаются многія якутскія семейства. Главнымъ образомъ садятъ картофель, капусту и рѣпу, но вслѣдствіе неумѣнія обрабатывать почву подъ огородныя растенія, а частью вслѣдствіе суровости здѣшняго климата, огородныя овощи родятся здѣсь плохо.

Вообще же относительно развитія сельскаго хозяйства въ здѣшнемъ краѣ, надо замѣтить, что оно еще далеко до совершенства. Съ одной стороны суровыя климатическія и почвенныя условія, а съ другой отсутствіе знаній и опыта [1]) дѣлаютъ это занятіе мало выгоднымъ, и потому мало привлекательнымъ для мѣстнаго населенія.

Затѣмъ успѣшность развитія сельскаго хозяйства зависитъ еще здѣсь отъ того или иного количества земли: у кого больше земли, у того больше и шире поставлено хозяйство, у кого мало земли, тому не гдѣ и не на что посѣять хлѣба, не гдѣ и не на что содержать скотъ, у того вообще и все хозяйство слабо. Самое же землепользованіе у якутовъ совершенно неправильно: одни имѣютъ ее у себя слишкомъ много, другіе же слишкомъ мало. Происходитъ это отъ того, что якутская земля дѣлится между владѣльцами ея неравномѣрно, несообразно съ количествомъ уплачиваемой подати по душамъ, а сообразно съ силой и внѣшнимъ авторитетомъ тѣхъ или иныхъ лицъ и ихъ семействъ. Поэтому богачи-кулаки и ихъ приближенные, (отъ которыхъ бываетъ, обыкновенно, въ постоянной матеріальной зависимости весь бѣдный народъ), захватываютъ большіе и лучшіе надѣлы, а бѣдняки всегда остаются въ обидѣ—съ малой и ничтожной долей земли. Обыкновенно, одинъ надѣлъ вліятельнаго лица всегда равняется двумъ—тремъ надѣламъ земли бѣдняка. Кромѣ того вліятельныя лица изъ якутовъ имѣютъ у себя въ надѣлѣ еще то,—чего у бѣдныхъ никогда не бываетъ,—а именно—особенные выгоны для коннаго и рогатаго скота, такъ называемые—„саилыкъ“, „эртюкъ“, „бютяй“ и пр., а нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ еще „подарочныя“ земли яко бы отъ общества, такъ называемые—„тоёнъ элютя“, „хотунъ элютя“ и др. Сверхъ того, когда у бѣднаго и несостоятельнаго якута родится сынъ, то тайонъ (вліятельное лицо) надѣлъ земли этого сына безъ разговоровъ отбираетъ себѣ, подъ предлогомъ несостоятельности бѣдняка владѣть землей и вносить

[1]) Во всей нашей области нѣтъ ни одной сельско-хозяйственной школы и ни одного склада сельско-хозяйственныхъ орудій.

за нее государственную подать. Иногда и сами якуты, чтобы получить для своихъ новорожденныхъ дѣтей хорошій надѣлъ земли, обращаются къ помощи тайона, который и удовлетворяетъ ихъ желаніе, предварительно въ первые годы этой землей воспользовавшись самъ [1]). Далѣе, въ случаѣ смерти какого-либо бѣднаго якута, земля его также тотчасъ переходитъ въ руки тайона подъ предлогомъ неуплаченнаго покойнымъ долга. Наконецъ, дѣйствительно задолжалъ бѣднякъ тайону за взятый отъ него въ тридорога чай, табакъ, ситецъ и проч., нечѣмъ заплатить ему свой долгъ, богачъ опять отбираетъ у него его землю и пользуется ею. И такъ далѣе. Такимъ образомъ почти вся общественная земли сосредоточивается въ рукахъ однихъ богачей. Неудивительно, поэтому, въ какой страшной закабаленности и матеріальной зависимости находится бѣдный классъ населенія отъ богатыхъ. Въ особенности это достигаетъ ужасающихъ размѣровъ въ голодные и неурожайные годы, когда напр., за возъ отпускаемаго сѣна тайоны нерѣдко отбираютъ у бѣдняковъ чуть не послѣднюю ихъ скотину.

Естественно, при такомъ неправильномъ землепользованіи и столь большой угнетенности бѣднаго класса якутскаго населенія немыслимо здѣсь болѣе правильное и цѣлесообразное развитіе сельскаго хозяйства. Всѣ эти злоупотребленія богачей-кулаковъ въ значительной мѣрѣ могли-бы уничтожиться, если-бы самая дѣлежка земли производилась болѣе равномѣрно и справедливо.

Рыбу ловятъ якуты почти во всякое время года; лѣтомъ ловятъ на озерахъ сѣтями и мордами. Добываютъ обыкновенно карасей и мелкую рыбу, называемую здѣсь „мунду“. На рѣкахъ добываютъ рыбу неводомъ. Попадается мелкая рыба, называемая здѣсь тугунками, затѣмъ—окуни, сиги, щуки, таймени, рѣдко нельма. Якуты ловятъ рыбу лѣтомъ лишь столько, сколько нужно для себя, такъ какъ за отсутствіемъ

[1]) Дѣлежка земли у якутовъ совершается, обыкновенно, чрезъ каждые 5—10 лѣтъ, смотря по ихъ общественному желанію и согласію.

ледниковъ сохранять рыбу въ это время нельзя. Осенью, какъ только наступаетъ холодъ и озера покроются льдомъ толщиной вершка въ два, тотчасъ начинается на нихъ артельная неводьба. Собираются артелью человѣкъ 50—100 и болѣе, смотря по обширности озера, спускаютъ въ проруби поперекъ всего озера по порядку нѣсколько неводовъ. Затѣмъ идутъ на конецъ озера и оттуда начинаютъ подгонять къ своимъ неводамъ рыбу, волнуя воду чрезъ прорубленныя отверстія большими шестами. Послѣ этого вынимаютъ изъ подъ льда невода, въ которыхъ при удачѣ бываетъ очень много рыбы (до 200 и болѣе пудовъ). Рыбу дѣлятъ тутъ же, при чемъ, конечно, хозяевамъ неводовъ и ихъ близкимъ всегда достается рыбы въ десять разъ больше, чѣмъ простымъ рабочимъ. При подобнаго рода дѣлежкахъ обыкновенно бываютъ крики, отчаянныя свалки и вообще всякія безобразія. При вынутіи неводовъ всѣ спѣшатъ къ проруби, къ матнѣ невода и, въ неудержимомъ любопытствѣ, толпятся около послѣдней. Тонкій ледъ начинаетъ трещать и гнуться. Вода отъ давленія льда выходитъ наружу и разливается подъ ногами присутствующихъ. Многіе засовываютъ въ матню свою посуду—„куюръ“ и зачерпываютъ изъ нея рыбу. Хозяева неводовъ, послѣ отчаянныхъ криковъ и брани пускаютъ въ дѣло свои черпаки, и инымъ достается порядочно, но все это сносится пострадавшими безропотно, какъ дѣло вполнѣ обычное и естественное и, хотя бы кто былъ ушибленъ въ это время и сильно,—судиться и заявлять претензію ему, повидимому, и въ голову не приходитъ.

Въ эту же пору якуты дѣлаютъ на рѣкахъ зарѣзы или плотины и ставятъ въ нихъ большія морды, въ которыя попадаются—налимъ, щука, окуни и таймени. Иногда закидываютъ еще крючки, на которыя ловится стерлядь. Подъ весну, когда дни начинаютъ удлиняться и свѣтлѣть, опять начинается артельная неводьба на озерахъ, но болѣе глубокихъ и обширныхъ, такъ какъ въ маленькихъ озерахъ вода промерзаетъ зимой до самой земли. Весной же во многихъ озерахъ, гдѣ нельзя неводить по причинамъ, напр.,

маловодія или травянистаго дна, ловятъ рыбу посредствомъ сѣтчатаго волосяного мѣшка, имѣющаго у отверстія своего деревянный ободокъ. Этотъ мѣшокъ, называемый—„куюръ“, прикрѣпляется къ концу длиннаго шеста. Куюръ спускаютъ чрезъ прорубь въ воду и крутятъ его по одному извѣстному направленію. Находящаяся вблизи онѣмѣлая отъ холода рыба, въ силу движенія воды, попадетъ въ отверстіе мѣшка и, такимъ образомъ, излавливается. Эта ловля рыбъ называется по якутски—„куюрдуръ“. Она также бываетъ артельная—изъ 20—30 и болѣе человѣкъ. Добытую рыбу всѣ дѣлятъ между собой поровну, или каждый беретъ столько, сколько самъ наловилъ.

Осенью, когда выпадаетъ первый снѣгъ, якуты артелью или одиночками охотятся на разныхъ лѣсныхъ звѣрей,—бѣлку, горностая, хорька, лисицу и пр. Бѣлокъ стрѣляютъ изъ винтовокъ, чтобы не попортить шкурку. Горностая ловятъ маленькимъ лукомъ, называемымъ—„чарканъ“, который ставится прямо у норы звѣря. Остальныхъ звѣрей или стрѣляютъ изъ ружей, или ставятъ для нихъ петли и луки. Въ отдаленныхъ пунктахъ прихода встрѣчаются во множествѣ сохатые и дикіе олени. Въ нихъ стрѣляютъ изъ винтовокъ, а иногда вырываютъ для нихъ глубокія ямы, которыя заваливаютъ хворостомъ такъ, чтобы звѣрю трудно было замѣтить ловушку; съ обѣихъ противоположныхъ сторонъ ямы дѣлаютъ длинную изгородь. Часто у воротъ такой изгороди, вмѣсто ямы, натягиваютъ луки. Сохатый или олень бѣжитъ по изгороди къ выходу, ничего не подозрѣвая, и проваливается или въ яму, или попадетъ на лукъ. Въ здѣшнихъ лѣсахъ много медвѣдей, которыхъ якуты также ловятъ и убиваютъ. Мясо звѣрей, всѣхъ безъ исключенія, якуты употребляютъ въ пищу, а шкуру для одежды или продаютъ. Въ послѣднее время съ повышеніемъ цѣнъ на пушнину, якуты мало стали употреблять ее для одежды, а въ болшинствѣ сдаютъ купцамъ. Цѣны въ настоящее время: бѣлки—20—25 коп., горностая—1 руб., хорька—1 руб., лисицы—6—7 руб. и т. д. Медвѣжья черная шкура большая стоитъ 20—30 руб. Кромѣ звѣрей якуты

охотятся много и на птицъ. Лѣтомъ большинство изъ нихъ (якутовъ) живутъ, пропитываясь утками. Послѣднихъ они ловятъ и въ петли, и стрѣляютъ въ нихъ изъ ружей. Рѣдкіе стрѣляютъ въ летъ, въ большинствѣ же въ сидячихъ утокъ,— при чемъ каждый охотникъ, сберегая дорогіе здѣсь порохъ и дробь, наровитъ разомъ убить нѣсколько птицъ. Осенью и зимой стрѣляютъ во множествѣ летающихъ горныхъ птицъ—куропатокъ, рябчиковъ, глухарей и т. д. Иногда этихъ птицъ ловятъ еще силками.

Якуты занимаются торговлей и обмѣномъ своихъ сырыхъ матеріаловъ на товары и деньги. Болѣе состоятельные изъ нихъ каждый годъ ѣздятъ въ торговые пункты р. Лены—въ Олекминскъ, на Мачу, Мухтуйскъ и пріиски. Сдаютъ тамъ свои продукты—масло, молоко, мясо, рыбу, ягоды и пр., взамѣнъ которыхъ получаютъ товаръ—ситецъ, чай, сахаръ, табакъ, водку и деньги. Пріѣхавъ домой, этотъ товаръ продаютъ своимъ сородичамъ въ долгъ и за наличныя деньги. Есть въ приходѣ оффиціальныя лавки 2-й гильдіи купцовъ въ наслегахъ—Нерюктяйскомъ, Кюкяйскомъ и Бутукайскомъ, гдѣ товаръ сравнительно съ частными торговцами отпускается дешевле. Такъ ситецъ по 20—25 коп., чай—1 р. 20 к.—1 р. 50 к., табакъ—40—60 к., сахаръ 40—60 к. и т. д. Съ недавняго времени сталъ рейсировать по р. Вилюю торговый пароходъ А. И. Громовой, облагодѣтельствовавшій край еще болѣе дешевой продажей товаровъ.

Изъ ремеслъ среди здѣшнихъ якутовъ особенно выдающагося нѣтъ. Есть въ приходѣ всего около 5—6 кузнецовъ, но все ихъ ремесло ограничивается точеніемъ топоровъ, косъ, ножей и т. п. Есть плотники, но ихъ искусство и познанія очень ограничены. Въ приходѣ нашей церкви въ Бутукайскомъ наслегѣ впрочемъ есть якутъ-плотникъ, нѣкто Тарасовъ, который самоучкой достигъ большого искусства въ плотничномъ и столярномъ дѣлѣ. Изяществомъ и прочностію выдѣлки нѣкоторыхъ предметовъ, онъ не уступитъ многимъ спеціалистамъ мастерамъ изъ русскихъ. Мѣстная церковь и

причтовые дома строились при его участіи. Недавно въ сосѣдней Кутанинской церкви онъ передѣлалъ и поновилъ весь иконостасъ. Въ настоящее время занятъ внѣшнимъ и внутреннимъ ремонтомъ нашей церкви--окраской снаружи храма и поновленіемъ иконостаса его. Вообще же, надо замѣтить, у якутовъ есть большая способность и воспріимчивость къ ремесламъ, но къ сожалѣнію некому поучить ихъ и показать имъ. Среди прихожанъ-якутовъ встрѣчаются не мало отличающихся выдѣлкой изъ дерева и бересты нѣкоторыхъ домашнихъ принадлежностей и посуды.

VI. Разныя явленія и событія въ приходѣ.

Въ 1896, 1897 и 1898 годахъ у насъ была необычайная засуха. Народное бѣдствіе было такъ велико, что во всемъ Вилюйскомъ округѣ раздавались скорбь и стенанія жителей, обреченныхъ на нищету и голодную смерть. Но благодаря Бога, въ это время нашлись добрые люди. Такъ мѣстный почетный инородецъ, строитель нашей церкви, Георгій Петровичъ Терешкинъ въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая хлѣбовъ и травъ въ Сунтарскомъ улусѣ пожертвовалъ 100 пуд. хлѣба, 15 руб. деньгами, 100 кирпичей чаю и 300 возовъ сѣна, всего на сумму 420 руб. Были изъ округа многіе и другіе жертвователи. Откликнулись на помощь голодающимъ и изъ г. Якутска, гдѣ заботами гражданскаго начальства произведены были сборы денегъ отъ добровольныхъ дателей, а духовнымъ начальствомъ устроенъ былъ въ зданіи Якутскаго благороднаго собранія въ пользу голодающихъ вокальный вечеръ изъ трехъ хоровъ—архіерейскаго, семинарскаго и любительскаго, на которомъ собрано около 500 рублей, Такимъ образомъ, благодаря щедрой благотворительности многихъ лицъ, голодъ не оставилъ особенно гибельныхъ послѣдствій.

Въ 1903—1904 г.г. появилась здѣсь оспенная эпидемія, занесенная сюда изъ пріисковъ. Больныхъ было много, но благодаря милости Божіей смертность не была значительна. Народъ былъ въ сильномъ смущеніи въ виду своей медицинской безпомощности, а также суевѣрнаго страха.

Въ 1905 году былъ неурожай хлѣбовъ въ цѣломъ округѣ. Иней и ранніе заморозки были причиною того, что весь посѣянный якутами хлѣбъ остался на поляхъ не вызрѣвшимъ. Цѣна ячменнаго и ржаного хлѣба въ этотъ годъ доходила у скопцовъ Нюрбинской волости до 3 руб. 80 коп. за пудъ. Болѣе или менѣе состоятельные якуты за этотъ годъ много поуничтожили изъ своего скота и обѣднѣли. Многіе мужчины увозили своихъ дѣтей-дочерей въ населенные пункты р. Лены и тамъ продавали ихъ за хлѣба; отъ голодовки и истощанія многіе заболѣли. Въ концѣ года по ходатайству якутскихъ родоначальниковъ правительствомъ была оказана голодающимъ якутамъ помощь въ видѣ заимообразной выдачи имъ изъ мѣстныхъ частныхъ запасовъ сѣмяннаго хлѣба.

1906 годъ. Этотъ годъ благополучный для населенія во всѣхъ отношеніяхъ. Благодаря весеннимъ дождямъ и теплу хлѣба и травы уродились въ изобиліи. Къ сожалѣнію населеніемъ было мало посѣяно хлѣба вслѣдствіе отсутствія сѣмянъ. Лѣто жаркое и сухое, благодаря чему посѣянные и выросшіе хлѣба созрѣли рано. Осень теплая и дожливая.

1907 годъ. Годъ этотъ также урожайный. Свирѣпствуютъ болѣзни: корь, скарлатина, вѣтренная оспа и т. д. Большая смертность среди дѣтей. Медицинская помощь, вслѣдствіе отсутствія участковаго врача не существуетъ.

Школьный Рождественскій праздникъ въ якутской глуши.

Большое впечатлѣніе оставилъ по себѣ на мѣстныхъ обывателей школьный вечеръ—„елка", происходившій въ Шеинской церковно-приходской школѣ во второй день минувшаго праздника Рождества Христова. Вечеръ этотъ былъ устроенъ на средства мѣстной интеллигенціи и грамотныхъ людей, весьма охотно отозвавшихся на устройство его. Въ нашей якутской глуши, гдѣ крайне однообразно протекаетъ жизнь, подобный вечеръ составилъ необычайное торжество, которое оживило общество на долгое время и которымъ интересуются не только дѣти, но и взрослые.

Учащіеся мальчики и дѣвочки, наряженные въ лучшіе свои костюмы, собрались на мѣсто вечера въ зданіе церковно-приходской школы далеко ранѣе назначеннаго времени. Съ ними вмѣстѣ прибыли ихъ родители, родственники и знакомые. Къ 5-ти часамъ вечера небольшое помѣщеніе школы, какъ говорится, биткомъ было набито массой народа, среди котораго были разнаго сословія и состоянія люди—и почетные, и простые, и богатые, и бѣдные, женщины и дѣти. Всѣ они съ нетерпѣніемъ ожидали видѣть то торжество, которое такъ ихъ заинтересовало и привлекло сюда.

Самый вечеръ состоялъ изъ двухъ отдѣленій, въ первомъ читались и разсказывались учениками стихотворенія, басни и разсказы на якутскомъ и русскомъ языкахъ. При чемъ одна басня („Демьянова уха") и одинъ разсказъ („Завѣтное кольцо") были представлены въ дѣйствіяхъ и лицахъ, первая—по

русски, а вторая — по якутски. Послѣ чтенія были показаны при помощи волшебнаго фонаря около 100 картинъ съ изображеніемъ людей разныхъ націй, животныхъ и растеній, а также разныхъ видовъ суши и моря. Впечатлѣніе было необыкновенное, въ особенности при показываніи картинъ изъ быта якутовъ,—къ сожалѣнію не многихъ,—весьма удачно нарисованныхъ однимъ изъ мѣстныхъ инородцемъ—Осиповымъ. Большая часть публики, состоящая изъ простого народа, невольно поражалась тѣмъ, какъ это знакомые имъ виды и явленія могли попасть на экранъ чудного имъ волшебнаго фонаря. Та или иная картина обязательно сопровождалась выраженіемъ удивленія и разными восклицаніями присутствующихъ.

Послѣ показыванія картинъ—антрактъ и чаепитіе, во время которыхъ безпрерывно игралъ граммофонъ. Послѣдній также не мало поражалъ публику своимъ устройствомъ и способностію передавать живой человѣческій голосъ и звуки музыки.

Послѣ чаепитія началось второе отдѣленіе вечера, составлявшее собственно „елку“. Когда была зажжена елка, наступило время дѣтскихъ восторговъ. Сверкая своимъ убранствомъ и огнями, елка очаровывала не только дѣтей, но и взрослыхъ, невидавшихъ здѣсь еще ничего подобнаго. Трудно описать восторги самихъ дѣтей. Съ раскраснѣвшимися личиками и сверкающими глазенками, дѣти веселились непринужденно, отдаваясь всей душой играмъ. Они то и дѣло шли въ хороводъ вокругъ сверкающей елки съ пѣніемъ хороводныхъ пѣсенъ. При чемъ русскій хороводъ чередовался съ якутскимъ. Въ особенности интересенъ былъ какъ для самихъ дѣтей (которые всѣ состояли почти исключительно изъ якутовъ), такъ и для родителей ихъ и прочей присутствовавшей якутской публики, якутскій хороводъ. Мальчики и дѣвочки, какъ это водится обыкновенно при якутскихъ танцахъ, брались за руки и весело небольшими прыжками подъ тактъ двигались вокругъ елки; при чемъ запѣвала начиналъ обычное—

„эсягяй“ и комната вдругъ оглашалась стройными дѣтскими голосами, повторявшими слова. Содержаніе было экспромптное, въ которомъ удивительно мѣтко и игриво описывалось впечатлѣніе, производимое на дѣтей разукрашенной елкой и то настроеніе, въ которомъ они находились въ это время.

Вечеръ прошелъ, такимъ образомъ, очень весело и совершенно незамѣтно. Въ концѣ его были розданы дѣтямъ разные подарки: письменныя принадлежности (пеналы, карандаши, чернильницы, ножички, брошюрки изъ библіотечки—Ступина и проч.) и сласти. Послѣ раздачи подарковъ опять хороводъ, затѣмъ игры съ фантами. Долго еще дѣтямъ не хотѣлось оставлять классной комнаты, съ большой неохотой расходились они по домамъ, унося съ собой радостное настроеніе и массу впечатлѣній, которыя, навѣрно, закрѣпились въ ихъ памяти на всю жизнь.

Якутскій праздникъ „ысэахъ".

Семь длинныхъ, скучныхъ и холодныхъ мѣсяцевъ проводитъ якутъ зимой въ своей мрачной юртѣ, словно въ берлогѣ, при однообразной обстановкѣ, безъ особенныхъ занятій, почти безъ развлеченій. Семь длинныхъ мѣсяцевъ онъ спитъ сномъ бездѣятельности и тоски... Но какъ только откроется земля изъ-подъ своего зимняго покрова, какъ только появится въ природѣ благоуханіе деревьевъ, травъ и цвѣтовъ и послышатся радостное пѣніе птицъ, якутъ встряхивается отъ долгаго сна, и тотчасъ рѣзко мѣняется вся обстановка его жизни. Дотолѣ, мрачная юрта теперь превращается въ свѣтлую и чистую. Скотъ отдѣляется отъ смежнаго съ домомъ помѣщенія и выпускается на дворъ, въ пищѣ является обиліе масла, сливокъ, молока и проч., кожаныя и мѣховыя одежды замѣняются блузами и холодаями изъ тонкой русской матеріи и т. д.

Въ это время являются у якута и развлеченія, и особенно ярко обнаруживаются особенности его душевной жизни. Самое главное и никогда въ другое время не бываемое развлеченіе—„ысэхъ". Это общественный многолюдный сходъ съ цѣлью порѣзвиться среди природы.

Еще за нѣсколько дней до „ысэхъ" бабы и мужчины, дѣвушки и парни начинаютъ заботиться о костюмахъ и украшеніяхъ. Приготовляются новые изъ ситца и гаруса яркихъ цвѣтовъ блузы и холодаи, новые шелковые или гарусные яркіе платки, цвѣтные кушаки, черные сары (сапоги) и т. д.[1]).

[1]) Старинные кафтанообразные костюмы, а также серебряныя украшенія—нагрудники и широкіе браслеты—въ настоящее время въ здѣшнемъ районѣ вышли изъ употребленія.

На восходѣ солнца на мѣстѣ развлеченія уже бываетъ огромная толпа, достигающая до 400—500 человѣкъ, а иногда и до 1000. Распорядителями развлеченія на особомъ мѣстѣ приготовляется ведеръ 500—1000 кумыса (пиво изъ кобыльяго молока), мясо, масло и проч.

Развлеченіе начинается хороводными танцами и хоровымъ пѣніемъ. Обыкновенно бываетъ запѣвала, мужчина или женщина, который громко даетъ на ходу слова и мотивъ пѣнія, остальные подхватываютъ пѣсню. Хороводовъ бываетъ много. Въ каждомъ хороводѣ—одинъ или нѣсколько запѣвалъ. Въ пѣсняхъ своихъ якуты восхваляютъ сотворенный Богомъ міръ, красоту и прелести этого міра, оживающую весеннюю природу и т. д.

Около полудня начинаютъ пить кумысъ. Предварительно всѣ разсаживаются на зеленой травѣ отдѣльными кругами безъ разбора возраста и пола, причемъ почетные гости составляютъ отдѣльный кругъ. Распорядителями развлеченія приносится всѣмъ гостямъ кумысъ, смѣшанный съ масломъ, который тутъ же распиваютъ; затѣмъ снова начинаются пляски и пѣніе, но уже въ болѣе оживленномъ видѣ, съ высокимъ подъемомъ настроенія.

Къ этимъ развлеченіямъ присоединяется, между прочимъ, и состязаніе молодыхъ парней въ силѣ и ловкости. Всѣ люди раздѣляются на партіи (обыкновенно по наслегамъ) и, избравъ изъ среды себя каждая своего борца, начинаютъ состязаніе, при чемъ борцы для удобства и ловкости, а также и изъ экономическихъ предосторожностей, снимаютъ съ себя верхнее платье. Каждое удачное или не удачное движеніе борца извѣстной партіи сопровождается одобреніемъ или порицаніемъ, громкимъ смѣхомъ и ударами въ ладоши.

Часто при ысэхахъ пускаютъ въ бѣгъ лошадей. При этомъ также якуты раздѣляются на партіи, каждая изъ которыхъ избираетъ своего бѣгуна. Удачный или неудачный побѣгъ той или иной лошади сопровождается также выраженіемъ восторга или насмѣшками.

Въ старину, а въ глухихъ мѣстяхъ и въ настоящее время, начало ысэха сопровождалось заклинаніями шамана. Обыкновенно въ такихъ случаяхъ происходитъ такъ называемое „ытыкъ дабатаръ“, т. е. жертва духамъ какой-либо предназначенной для этого лошади. Дѣлается это по какому-либо обѣту при болѣзняхъ или другихъ несчастіяхъ съ цѣлью умилостивить этихъ духовъ, которые по убѣжденію якутовъ служатъ причинами всѣхъ людскихъ несчастій. Всю ночь тогда бѣснуется шаманъ, призывая духовъ на жертвенную лошадь. Когда наконецъ шаманъ заявитъ, что духъ вселился въ лошадь происходитъ спаиваніе этой лошади кумысомъ и спрыскиваніе кумыса на воздухъ въ знакъ угощенія поселившихся въ лошадь духовъ[1]). Послѣ этого лошадь отпускается на волю, и ею больше никто не пользуется для ѣзды. Во время этихъ дѣйствій шамана и послѣ нихъ собравшіеся якуты проводятъ время въ оживленныхъ пляскахъ и пѣніи ..

Часто въ современныхъ „ысэхахъ“ (въ здѣшнемъ, напр., районѣ) приглашается священникъ для служенія торжественаго водосвятія или молебствія празднуемому святому.

Поздно вечеромъ, когда солнце становится близко къ закату, толпа малу-по-малу медленно расходится по домамъ.

---

[1]) Отсюда и произошло самое названіе развлеченія—„ысэахъ“, что значитъ „спрыскиваніе“.

Могила якута Эчекинь.

(Изъ якутскихъ обычаевъ и повѣрій).

До принятія христіанства якуты хоронили своихъ умершихъ на вѣтвяхъ деревьевъ или на узкихъ деревянныхъ помостахъ, опиравшихся на два высокихъ столба. Обыкновенно въ такихъ случаяхъ умершій помѣщался просто въ выдолбленномъ изъ дерева гробу, который снаружи ничѣмъ не прикрывался. Остатки такихъ могилъ, извѣстныхъ подъ названіемъ „арангасъ“, можно встрѣтить и теперь въ якутскихъ лѣсахъ въ полуразрушенномъ видѣ и съ человѣческими скелетами.

Это—простой способъ погребенія умершихъ. Но есть у якутовъ еще одинъ, болѣе сложный, способъ погребенія умершихъ, о которомъ, между прочимъ, свидѣтельствуетъ сохранившаяся до настоящаго времени совершенно неповрежденной могила до-христіанскаго (некрещенаго) якута Эчекинь (якутское прозвище) въ Вилюйскомъ округѣ, Сунтарскомъ улусѣ, на урочищѣ Сороттахъ.

Могила эта состоитъ изъ бревенчатаго глухого амбарчика, огороженнаго съ четырехъ сторонъ бревнами и упирающагося на восемь поставокъ изъ корней лиственичныхъ деревьевъ, которыя, въ свою очередь, также упираются на каменные подмостки. Амбарчикъ этотъ имѣетъ досчатую и по обѣ стороны покатую крышу околоченную желѣзными гвоздями.

По разсказамъ старичковъ-якутовъ, погребеніе въ такомъ амбарчикѣ умершаго совершалось слѣдующимъ образомъ.

Прежде всего умершаго одѣвали въ самыя лучшія мѣховыя одежды и укладывали въ долбленый изъ цѣлаго бревна гробъ, который плотно закрывали деревянной крышкой. Гробъ этотъ въ трехъ мѣстахъ кольцеобразно околачивали желѣзомъ. Затѣмъ раза два его плотно окутывали мятой оленьей кожей и, наконецъ, много разъ—спеціально для этого заготовленной берестой. Уже такимъ образомъ плотно и крѣпко укупоренный гробъ съ умершимъ вкладывали внутрь амбарчика, который закрывали особой крышкой и закрѣпляли со всѣхъ сторонъ желѣзными гвоздями.

Возлѣ умершаго, внутри самого амбарчика и внутри крыши послѣдняго тщательно укладывали дорожныя принадлежности умершаго: сѣдло, узду, деревянную чашку съ масломъ, желѣзный котелокъ, табакъ, лукъ, стрѣлы и проч.[1]), а въ одеждѣ его или гдѣ-либо въ углу гроба припрятывали серебряныя или мѣдныя деньги[2]). Кромѣ того, по смерти якута его домашніе убивали лошадь; мясо ея съѣдали собравшіеся на похороны, и кости складывались у могилы.

Такое погребеніе до-христіанскихъ якутовъ объясняется искони существовавшимъ своеобразнымъ ихъ вѣрованіемъ въ загробную жизнь. Загробная жизнь представляется имъ въ грубо-чувственномъ видѣ. И тамъ за гробомъ, въ жилищѣ Аисыта (Бога), гдѣ собираются всѣ умершіе, какъ и здѣсь на землѣ, есть богатые и бѣдные люди; и тамъ всѣ они питаются обыкновенной пищей, одѣваются въ обыкновенныя одежды, живутъ въ обыкновенномъ домѣ и т. д. Но каждый умершій, прежде чѣмъ достичь этого жилища Аисыта, странствуетъ до него чрезъ различныя трудно-проходимыя мѣста.

[1]) Часть этихъ вещей черезъ щели могильной постройки якута Эчекинь хорошо видна.

[2]) Подобнымъ образомъ погребенъ другой до-христіанскій якутъ Мындай, родной отецъ якута Эчекинь. Въ 1894 году, по иниціативѣ священника Ботомойской церкви, въ приходѣ коего онъ погребенъ, и по распоряженію мѣстной администраціи, его гробъ былъ отрытъ и отвезенъ въ г. Якутскъ. Трупъ умершаго якута оказался совершенно цѣлымъ, несмотря на то, что пролежалъ въ гробу болѣе двухсотъ лѣтъ, и представлялъ собой не малый интересъ, какъ и всѣ при немъ находившіяся старинныя вещи. Но, вслѣдствіе того, что эта раскопка и перевозка трупа была произведена безъ разрѣшенія генералъ-губернатора, было велѣно трупъ Мындая закопать въ землю; лицамъ же, занявшимся раскопкой и перевозкой его, былъ сдѣланъ строжайшій выговоръ.

Для этого-то странствованія умершимъ якутамъ и клали въ гробъ различныя путевыя принадлежности. Снабженный всѣми этими принадлежностями якутъ благополучно достигаетъ жилища Аисыта и принимается тамъ съ почетомъ, т. е. приглашается въ передній уголъ дома, угощается хорошей пищей, одѣвается въ хорошую одежду и т. д. Тотъ же якутъ, который ничего не имѣетъ при себѣ для загробнаго путешествія, испытываетъ муки пѣшеходнаго пути, терпитъ голодъ и холодъ и въ жилище Аисыта принимается безъ всякаго почета, т. е. въ задній уголъ дома, гдѣ ему даютъ плохую одежду и плохую пищу.

Остатки такихъ воззрѣній до-христіанскихъ якутовъ существуютъ у якутовъ и по настоящее время.

Якутъ Эчекинь, принадлежавшій къ обществу инородцевъ Кугдарскаго наслега Сунтарскаго улуса, умеръ и погребенъ лѣтъ двѣсти тому назадъ, когда христіанство еще не проникло въ здѣшній край. Послѣднее начало распространяться здѣсь лишь съ 1764 г., когда впервые здѣсь выстроилась Сунтарская Введенская церковь. Между прочимъ, къ этому послѣднему времени относится принятіе христіанства сыномъ якута Эчекинь—двадцати-лѣтнимъ Александромъ, который, крестившись самъ, крестилъ и всѣхъ своихъ дѣтей. Якутъ Александръ похороненъ вблизи якута Эчекинь, но не по прежнему языческому обычаю якутовъ, а уже вполнѣ по-христіански: его тѣло было предано землѣ. На его могилѣ и до сихъ поръ стоитъ деревянный памятникъ съ большимъ деревяннымъ крестомъ.

Потомство якута Александра сохранилось до нашихъ дней; въ Кугдарскомъ наслегѣ Сунтарскаго улуса и теперь живутъ его внуки, правнуки и проправнуки. Всѣ они живутъ по обычаямъ христіанскаго народа и уже не чужды христіанскаго просвѣщенія.

Краткая исторія Сунтарской Введенской церкви Якутской епархіи, Вилюйскаго округа.

Сунтарская Введенская церковь одна изъ самыхъ древнѣйшихъ церквей Якутской епархіи.—она построена въ 1764 году иждивеніемъ священника, а впослѣдствіи протоіерея, о Василія Егоровича Попова.

О началѣ и возникновеніи означенной церкви, кромѣ сказаннаго, ничего въ церковныхъ документахъ нѣтъ, но существуетъ слѣдующее, достойное вѣроятія, преданіе. Около 1760 года въ мѣстности Сунтаръ[1]). по верхнему теченію р. Вилюя, жилъ священникъ Василій Поповъ, на долю котораго выпало просвѣщеніе св. крещеніемъ мѣстныхъ жителей якутовъ, бывшихъ въ то время грубѣйшими язычниками и приверженцами шаманизма. Въ первое время пребыванія о. Василія на Сунтарѣ не было храма Божія и онъ очень грустилъ объ этомъ, но помочь горю было нечѣмъ, ибо окрестные жители подъ разными предлогами уклонялись отъ участія въ построеніи церкви, а самъ о. Василій не имѣлъ для этого никакихъ собственныхъ средствъ. Но вдругъ обстоятельства измѣнились слудующимъ необычайно благопріятнымъ для о. Василія образомъ: въ одинъ изъ лѣтнихъ дней дѣвочка-якутка, выгоняя на пастбище коровъ, случайно наткнулась на одно изрытое копытами воловъ углубленіе, изъ котораго выглядывало множество блестящихъ бѣлыхъ кружковъ.

---

[1]) Названіе мѣстности произошло отъ имени жившаго прежде здѣсь тунгуса—„Сунтара“. Разстояніе с. Сунтара до род. Якутска 1200 верстъ.

Не зная и не понимая, что это были серебряныя монеты, но прельстившись заманчивымъ ихъ видомъ, дѣвочка взяла съ собой нѣсколько изъ нихъ, какъ игрушки. Супруга о. Василія, увидѣвъ, что дѣвочка играетъ монетами, спросила, откуда она ихъ взяла? Дѣвочка подробно разсказала ей о своей находкѣ. Передано было объ этомъ священнику. О. Василій, еще прежде знавшій изъ разсказовъ якутовъ о существованіи гдѣ-то на Сунтарѣ якутскаго „клада“, т. е. зарытыхъ въ землѣ денегъ, поспѣшилъ удостовѣриться въ этомъ самъ лично. Онъ взялъ съ собой работника и пошелъ, по указанію дѣвочки, на то мѣсто, гдѣ она нашла монеты. Оказалось, что дѣйствительно здѣсь на небольшомъ углубленіи находился якутскій „кладъ“—зарытыя якутами въ землю серебряныя деньги[1]). По преданію вырыли тутъ пять большихъ кожаныхъ сумъ и каждая изъ нихъ вмѣщала въ себѣ до 3 пудовъ серебра. Слѣдовательно найденный „кладъ“ состоялъ изъ пятнадцати пудовъ серебра, приблизительно на 20.000 руб., по тогдашнему курсу[2]).

О. Василій торжественно осуществилъ свое пламенное желаніе построить церковь, каковая постройкою окончена въ 1764 году, и чрезъ годъ она освящена во имя Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы. Благолѣпіе этого храма, сохранившееся и до сего времени въ цѣлости, въ особенности рѣзной иконостасъ, украшенный бронзой и иконами въ серебряныхъ ризахъ съ камнями, церковная утварь и пр.,—

[1]) Въ прежнее время состоятельные якуты дѣйствительно имѣли обычай тайно отъ всѣхъ, даже отъ ближайшихъ своихъ родственниковъ, зарывать деньги въ землю, какъ въ болѣе безопасное хранилище. Скрывая тщательно отъ всѣхъ свои деньги, состоятельные якуты иногда предъ своею смертію открывали эту тайну подъ величайшимъ секретомъ своимъ ближайшимъ и любимѣйшимъ преемникамъ, но иногда и большею частію, они, никому не открывъ ее, умирали. Въ послѣднемъ случаѣ деньги ихъ такъ и оставались зарытыми въ землѣ, и развѣ случайно ихъ находили.

[2]) Возможность скопленія въ однихъ рукахъ такого количества серебра объясняется тѣмъ, что въ описываемое время въ Вилюйскомъ округѣ жителей было не такъ много, а вся мѣстность изобиловала разнаго рода пушными звѣрями, которые скопляясь въ однихъ рукахъ—якутскихъ „тайоновъ“ (господъ), сбывались послѣдними съ большой прибылью русскимъ купцамъ. Расплата же въ то время производилась исключительно серебряною монетою, извѣстною у якутовъ подъ названіемъ „Екатеринской“.

все это показываетъ, что на построеніе и пріобрѣтеніе означныхъ вещей дѣйствительно употреблено не мало денегъ и даетъ основаніе думать, что приведенное преданіе о нахожденіи „клада“ заслуживаетъ довѣрія.

Въ церковныхъ документахъ также ничего нѣтъ относительно того, кто разрѣшилъ и содѣйствовалъ основанію Сунтарской церкви и прихода. Но судя по времени постройки церкви, надо предположить, что основаніе ея было положено святителемъ Софроніемъ Кристалевскимъ, служившимъ въ 1753— 1771 годахъ и проявившимъ не малую ревность въ просвященіи всѣхъ народовъ, обитавшихъ на крайнемъ сѣверѣ Сибири, между прочимъ, и Вилюйскихъ. Что подтверждается и надписью преосвященнаго Софронія, сдѣланной на выданномъ имъ древнемъ св. Антиминсѣ Сунтарской церкви.

Священникъ Василій Поповъ, основатель первой Сунтарской церкви, былъ уроженецъ Великаго Устюга и прибылъ на Сунтаръ іереемъ изъ гор. Вилюйска. Домашняя обстановка о. Василія на Сунтарѣ, какъ свидѣтельствуютъ теперь его потомки, была крайне бѣдна и самая жизнь его исполнена всякихъ лишеній. Такъ, въ то время возможность купить горсть муки являлась для о. Василія несбыточной мечтой, ибо о мѣстномъ хлѣбопашествѣ еще не было и помину. Также трудно было достать и другіе предметы потребленія: чай, сахаръ и пр. О. Василій жилъ исключительно на скудныя средства, ассигнуемыя ему въ жалованье изъ Иркутской епархіи. Якуты-же того времени, еще мало понимавшіе православіе, за исправленіе требъ ему ничего не платили. Малѣйшая попытка священнослужителя получить вознагражденіе за труды могла вызвать со стороны мѣстнаго населенія ропотъ и неудовольствіе. За то безкорыстіе духовнаго отца съ теченіемъ времени стало внушать якутамъ довѣріе и уваженіе къ духовному сану его, возвышая мало по малу вліяніе его въ Якутской средѣ. Санъ протоіерейства о. Василій получилъ въ 1815 г. Умеръ онъ при Сунтарской церкви въ глубокой старости и похороненъ въ церковной оградѣ. Надгробнымъ памятникомъ ему служитъ желѣзный крестъ съ

основанной покойнымъ церкви, снятый впослѣдствіи при разборкѣ ея. Послѣ смерти о. Василія были священнослужителями при Сунтарской церкви дѣти его—оо. Ѳеодоръ, Симеонъ, Іаковъ и Григорій Васильевичи Поповы. Изъ потомства о. Василія и теперь много служащихъ въ духовномъ званіи въ Якутской епархіи.

На вопросъ—было-ли православіе въ здѣшнемъ краѣ ранѣе основанія Сунтарской церкви, надо отвѣтить утвердительно. Въ историческихъ запискахъ преосвященнаго Якутскаго Мелетія упоминается о томъ, что еще въ 1735, 1741, 1744 годахъ въ предѣлахъ Якутскихъ былъ преосвященный Иннокентій II Нерчинскій и „въ эти посѣщенія успѣлъ просвятить св. Крещеніемъ якутовъ Олекминскихъ, Якутскихъ, Вилюйскихъ и *Сунтарскихъ*. Проникнувъ въ ихъ кочевья по мѣстамъ неудобопроходимымъ, онъ жилъ въ походныхъ палаткахъ зимой и лѣтомъ. До нынѣ указываютъ мѣсто „Коромыкахъ“, гдѣ было его становище—нынѣ Верхне-Вилюйская Управа. (Теперь тамъ выстроилась церковь во имя Живоначальной Троицы и образованъ новый самостоятельный приходъ). Въ самомъ г. Вилюйскѣ въ 1735 г. святитель Иннокентій II основалъ церковь „ради новокрещенныхъ якутовъ“. Съ тѣхъ поръ число обращаемыхъ постепенно увеличилось“,—заключаетъ преосвященный [1]).

Сунтарская церковь, послѣ градо-Вилюйской, по древности своей является такимъ образомъ въ Вилюйскомъ округѣ второй церковію, и при первомъ основаніи ея во всей обширной Якутской области, какъ оказывается, было лишь всего вмѣстѣ съ нею 13 церквей [2]). Изъ этого можно заключить на какія необъятныя пространства простирались тогдашніе приходы здѣшняго края. Въ частности-же приходъ Сунтарской церкви при своемъ основаніи обнималъ все пространство верховья р. Вилюя, отъ с. Нюрба до самаго Жоссейскаго озера, Туруханскаго округа, Енисейской губерніи, равняю-

[1]) Якут. Еп Вѣд. 1895 г. № 11.

[2]) Якут. Еп Вѣд. 1896 г. № 13.

щееся въ окружности 5000 съ лишнимъ верстъ. Все-же низовье р. Вилюя отъ с. Нюрба принадлежало приходу градо-Вилюйской церкви. Только съ 1841 года, съ назначеніемъ новопоставленнаго Епископа Камчатскаго Иннокентія (впослѣдствіи митрополита Московскаго) и въ томъ-же году поступившаго на службу въ Якутскую область миссіонера о. Дмитрія Васильевича Хитрова (впослѣдствіи Діонисія Епископа Якутскаго) стали быстро умножаться церкви въ Якутской области и уменьшаться пространства приходовъ. Въ частности огромный приходъ Сунтарской церкви раздробился впослѣдствіи на слѣдующіе приходы: первымъ, по распоряженію преосвященнаго Иннокентія, Архіепископа Камчатскаго отдѣлился въ 1846 г. Мархинскій улусъ и возникла Нюрбинская Николаевская церковь; далѣе, по распоряженію того-же преосвященнаго, устроялись якутами на свой счетъ сперва часовни, а за тѣмъ обратившіяся и въ самостоятельныя церкви съ приходами,— Ботомойская Казанская въ 1870 г., Крестяхская Трехъ-святительская въ 1873 г., Кутанинская — Благовѣщенская въ 1873 г., Эльгяйская Предтеченская въ 1875 г.. Тойбохойская Иннокентіевская въ 1875 г. Затѣмъ впослѣдствіи, при преосвященномъ Мелетіи основались церкви съ особыми приходами: Шеинская Георгіевская - въ 1891 г. на средства инородца Георгія Терешкина и Билючанская Николаевская — въ 1896 г. на средства инородца Трофима Попова. Такимъ образомъ, тамъ, гдѣ лѣтъ сто тому назадъ были непроходимые лѣса и болота, гдѣ не было признаковъ никакой культурной жизни, гдѣ обитатели лишь невѣдующіе истиннаго Бога язычники, тамъ теперь невольно пріятно привлекаютъ взоръ человѣка храмы Божіи, подъ сѣнію и окрестъ которыхъ живутъ теперь измѣнившіе свои нравы, убѣжденія и направленіе всей своей жизни просвященные инородцы.

Архипастыри Якутскіе не оставляли своимъ вниманіемъ и попеченіемъ Сунтарскую церковь и ея приходъ. Вниманіе ихъ выразилось, между прочимъ въ частомъ посѣщеніи ими этой церкви, съ совершеніемъ въ ней Богослуженія и поученія прихожанъ. Высокопреосвященный Иннокентій, Архіепископъ

Камчатскій (впослѣдствіи Митрополитъ Московскій) посѣтилъ Сунтарскую церковь дважды—въ 1854 г. 12 февраля и 1857 г 22 февраля и совершалъ въ ней Литургію съ молебствіемъ и поученіемъ народа. Послѣ него въ 1861 г. 23 января Сунтарская церковь была посѣщена преосвященнымъ Павломъ, Епископомъ Якутскимъ. Преосвященный Діонисій, Епископъ Якутскій и Вилюйскій, этотъ архипастырь неутомимый въ заботахъ объ удовлетвореніи религіозныхъ потребностей своей паствы, посѣтилъ Сунтарскую церковь ровно десять разъ—въ 1870—71, 1873, 1875—78, 1880—82 годахъ [1]). Онъ въ каждое свое посѣщеніе совершалъ въ Сунтарской церкви Божественную литургію на якутскомъ языкѣ и на немъ же всегда говорилъ здѣсь свое поученіе. Его живое слово, его горячій призывъ,- его убѣдительное наставленіе о жизни, согласной съ духомъ Евангелія, еще и по настоящее время у всѣхъ здѣсь на памяти. Добрую въ этомъ отношеніи память оставили здѣсь по себѣ и послѣдующіе архипастыри.

Древняя Сунтарская церковь въ 1854 г. переименована во имя Св. Чудотворца Иннокентія, перваго Епископа Иркутскаго. Прежнее наименованіе ея перешло къ другой церкви, выстроенной въ томъ же году на Сунтарѣ. Затѣмъ въ 1893 г. съ разрѣшенія и благословенія епархіальнаго Владыки старая церковь, какъ пришедшая въ совершенную ветхость, разобрана и вновь возстановлена на прежнемъ мѣстѣ во имя того же Святителя.

Изъ жертвователей на возстановленіе Сунтарскаго храма можно упомянуть о купцахъ Иннокентіи и Иванѣ Александровичахъ Поповыхъ, потомкахъ создателя древняго храма, которые пожертвовали до 4000 руб. Другими лицами, также происшедшими изъ потомства о. Василія и находящимися въ духовномъ званіи, на это-же дѣло пожертвовано до 1000 р.

---

[1]) За эти же посѣщенія преосвященный освятилъ церкви Ботомайскую, Казанскую, Крестяхскую Трехсвятительскую, Кутанинскую, Благовѣщенскую, Эльгяйскую Предтеченскую и Тойбохойскую Иннокентіевскую.

Кромѣ того 2000 руб. было пожертвовано мѣстными инородцами, носящими фамилію Поповыхъ. Наконецъ много содѣйствовалъ дѣлу возстановленія стараго Сунтарскаго храма настоятель мѣстной церкви, недавно въ Бозѣ почившій о. Николай Гавріиловичъ Верещагинъ.

Въ 1862 г. при Сунтарской Введенской церкви была основана стараніемъ бывшаго Вилюйскаго исправника Александра Павловскаго народная школа, которая, за тѣмъ, въ 1869 г. была переведена къ Эльгяйской инородной Управѣ. Въ 1884 г. стараніемъ мѣстнаго духовенства и преосвященнаго Якутскаго Іакова открылась при Сунтарской церкви вновь церковно-приходская школа.

Прихожане Сунтарской Введенской церкви состоятъ теперь почти исключительно изъ якутовъ. Въ самомъ селеніи есть около 20 домовъ крестьянъ, занимающихся земледѣліемъ. Въ духовно-нравственномъ отношеніи прихожане Сунтарской Введенской церкви теперь почти отстали отъ своихъ языческихъ повѣрій, всѣ просвѣщены св. Крещеніемъ и живутъ болѣе или менѣе правильной и богобоязненной жизнію.

Тяжкая доля.

Картинка изъ жизни якутовъ.

Весна была въ полномъ разгарѣ: теплый, благотворный воздухъ окутывалъ всю природу, земля все больше и больше открывалась, ручейки весело сверкали на солнцѣ, почки деревьевъ начинали распускаться .. Все оживало, пробуждалось отъ зимняго сна.

Семенъ, еще молодой и полный силъ якутъ, небольшого роста, съ рябымъ лицомъ и съ большими открытыми глазами, на одномъ изъ которыхъ виднѣлось большое бѣльмо, сегодня необычно рано возвращался изъ лѣсу домой со своей работы.

Когда онъ вошелъ въ маленькое, тѣсное и грязное помѣщеніе своей юрты, Майя, жена его, съ тревожнымъ удивленіемъ посмотрѣла на него.

Снявъ съ себя шапку и рукавицы и отбросивъ ихъ далеко на переднія нары, Семенъ взялъ низкую табуретку, усѣлся прямо противъ стоявшаго посреди юрты очага и сталъ протирать грязными руками свои раскраснѣвшіеся и слезившіеся глаза.

Майя то и дѣло приближалась къ мужу и каждый разъ сосредоточенно смотрѣла на него. Маленькій сынишка все время вертѣлся около отца и внимательно слѣдилъ за всѣми его дѣйствіями и движеніями. Старшая дочь, лѣтъ семи-восьми, стояла за очагомъ и не безъ состраданія и сочувствія глядѣла на отца. Только ребенокъ, лежавшій въ люлькѣ, да еще двое остальныхъ малышей, возившихся теперь въ грязи около помѣщенія для скота, какъ будто не замѣчали больного отца.

— Не могу никакъ глядѣть на свѣтъ, саднятъ и слезы текутъ,—проговорилъ съ грустью Семенъ, продолжая протирать свои глаза руками,—должно быть, хотятъ сильно болѣть...

Майя подошла къ Семену ближе и внимательно вглядѣлась въ его глаза.

— Видно по всему, что сильно... Ишь сколько красноты и гноя... Къ шаману бы обратиться,—нерѣшительно и вмѣстѣ съ тѣмъ нетерпѣливо добавила затѣмъ она.

— Гдѣ-жъ его найдешь теперь?

— Вотъ бы къ бачкѣ обратиться и взять у него лекарства,—немного погодя, промолвивъ Семенъ,—говорятъ, онъ многихъ больныхъ излечиваетъ...

Рѣшено было утромъ же слѣдующаго дня идти Майѣ къ мѣстному, недалеко въ улусѣ проживавшему православному священнику и просить у него лекарствъ.

На слѣдующій день по уходѣ Майи Семенъ никуда не выходилъ изъ дому. Невыразимо страдая отъ боли, онъ нетерпѣливо ожидалъ Майи и то ложился на постель, то вставалъ съ нея, усаживался гдѣ либо въ застывшей позѣ, пригорюнившись, или ходилъ изъ угла въ уголъ. Дѣти плакали и звали мать.

Наконецъ пришла Майя.

— Ну, что?—тревожно встрѣтилъ ее Семенъ.

— Бачка далъ,—весело отвѣчала Майя, показывая бутылку съ какою то прозрачной жидкостью.

Дѣти тотчасъ со всѣхъ сторонъ окружили мать и стали теребить ее.

— Ну, славу Богу, лекарство получили,—говорилъ Семенъ, радуясь, облегченно вздыхая и не выпуская изъ рукъ ВОИХЪ бутылку съ жидкостью.—А какъ нужно употреблять то это лекарство: пить или смазывать?—спросилъ онъ затѣмъ.

— Не пить и не смазывать, а промывать больной глазъ въ день нѣсколько разъ,—пояснила Майя.

— Ну, вотъ, хорошо, славу Богу,—опять радостно заговорилъ Семенъ, радуясь лекарству, какъ дитя.—Вотъ къ завтрашнему дню и выздоровѣю.

Прошелъ и этотъ день. Наступилъ другой, третій, четвертый, а глаза Семена все не поправлялись, напротивъ, чѣмъ далѣе шло время, тѣмъ все хуже и хуже становилось его зрѣніе. Семенъ сталъ плохо различать даже окружающіе его предметы. Какая то густая слизь все больше и больше покрывала глазъ Семена и мѣшала глядѣть.

Семенъ и Майя стали сильно безпокоиться. Но къ кому обратиться, кто захочетъ вникнуть въ ихъ горе и облегчить его? Обратиться къ шаману? Но его по близости нѣтъ... Показаться къ русскому „лохтуру“ (доктору), но какъ это возможно? Онъ живетъ за нѣсколько десятковъ верстъ, да и на столь бѣднаго и ничтожнаго человѣка обратитъ ли свое вниманіе? Положимъ, Семенъ и Майя живутъ у самаго края большой трактовой дороги и видятъ иногда, хотя очень рѣдко, какъ во весь духъ проѣзжаютъ мимо нихъ эти „лохтуры“, но имъ ли бѣднымъ людямъ, остановить этихъ господъ?

Одно, что оставалось теперь Семену и Майѣ,—это снова пойти къ батюшкѣ за лекарствомъ и совѣтомъ.

Когда Семенъ, приведенный своей старшей дочерью, явился къ батюшкѣ, тотъ только покачалъ головой и безнадежно промолвилъ:

— Плохо, Семенъ, болѣзнь у тебя оказывается весьма серьезная: бѣльмо образовалось на глазу.

Семенъ едва не вскрикнулъ, услышавъ эти слова.

— Лекарство то какое дашь, что ли?—едва вымолвилъ затѣмъ онъ.

— Какое ужъ тутъ отъ меня лекарство. Вотъ лучше попробуй обратиться къ фельдшеру. Онъ на дняхъ у меня проѣздомъ будетъ...

Семенъ помолчалъ, потомъ промолвилъ:

— „Берсярь“ то обратитъ ли на меня вниманіе? Вѣдь я такой ничтожный человѣкъ...

— Я самъ попрошу за тебя и сдѣлаю все, что будетъ возможно,—успокаивалъ священникъ.

Вечеромъ этого дня, въ то время, когда Майя, по обыкновенію, возилась по хозяйству, Семенъ угрюмо и молча сидѣлъ въ углу и въ десятый разъ передумывалъ печальныя и страшныя мысли. Неужели онъ, Семенъ, лишится своего и послѣдняго глаза, неужели онъ больше никогда не увидитъ свѣта и навѣки лишится наслажденія красотами Божьяго міра?!. А между тѣмъ какъ хороша оживающая теперь природа, и какъ счастливы люди, которые имѣютъ возможность созерцать ее!..

Долго и мучительно тянулись для Семена дни и часы. Наконецъ, отъ священника пришла вѣсть, что фельдшеръ въ его домѣ и ожидаетъ Семена. Сопровождаемый старшей дочерью, Семенъ съ юношеской стремительностью отправился въ путь. По дорогѣ такъ хорошо, такъ ласково, гдѣ то въ вышинѣ пѣли птицы, трещали надъ головой дрозды, журчали жаворонки. По сторонамъ слышался плескъ ручейковъ... Заслушивался ихъ Семенъ, а самъ, незрячій, то вступалъ въ воду, то попадалъ въ грязь.

Фельдшеръ долго и внимательно осматривалъ Семена и, наконецъ, дрогнувшимъ голосомъ тихо сказалъ:

— Ты лишился глазъ...

Внутри Семена словно что то оборвалось. Страшная, непередаваемая въ своемъ ужасѣ мысль, что онъ ослѣпъ, подавила его сознаніе. Онъ ощущалъ только одно—что теперь все кончено и то, что случилось съ нимъ, непоправимо... Горемыка могъ только произнесть:

— Алджархайбынъ! [1]).

И въ этомъ краткомъ восклицаніи было столько боли, столько неописуемаго горя и безнадежнаго отчаянія, что,

[1]) Какое несчастіе!

казалось, устами Семена вопіетъ теперь все человѣчество, безпомощное, непосильно страдающее...

Не чувствуя подъ ногами земли, покачиваясь изъ стороны въ сторону, вышелъ Семенъ съ дочерью изъ дома священника. Около одного бугорка Семенъ споткнулся и рухнулся всѣмъ своимъ неуклюжимъ тѣломъ на землю. Нѣсколько многовеній онъ лежалъ безъ всякаго движенія.

— Вставай, отецъ!—испуганно проговорила дочь, трогая Семена за руку.

Но онъ лежалъ и не двигался. Что то вродѣ тихаго всхлипыванія послышалось отъ него...

— Вставай же, отецъ, дома то ждутъ насъ!..

Семенъ попрежнему не двигался. Всхлипыванія раздавались все сильнѣе и сильнѣе и, наконецъ, превратились въ громкое, раздирающее душу рыданіе...

Дѣвочка больше не тревожила отца. Сѣвъ возлѣ него на землѣ, она теперь сама залилась горькими и безутѣшными слезами...

Случайная встрѣча[1]).

Въ январскій морозный день, въ одинъ изъ своихъ проѣздовъ по здѣшней трактовой дорогѣ, я, порядочно продрогши отъ холода, поздно вечеромъ заѣхалъ погрѣться въ недалеко стоящій отъ дороги домъ церковной сторожки села Ботомойскаго, при церкви котораго за отсутствіемъ священника, я состоялъ наблюдателемъ. Хозяинъ дома, еще не пожилой, кривоглазый, съ синими очками якутъ Никита, трапезникъ мѣстной церкви, прежде всегда на видъ спокойный, встрѣтилъ меня какъ-то особенно взволнованно и растерянно.

Принявъ отъ меня благословленіе, онъ безмолвно остановился около задняго угла дома. Руки его сильно дрожали, голова была опущена внизъ и самые очки его лежали не на мѣстѣ. Жена его, молодая женщина, и еще кое-кто не показывались мнѣ совершенно. Они сидѣли молча за перегородкой. Удивительно и странно все это мнѣ показалось, и я невольно спросилъ:

— Что случилось?

Плюнувъ на полъ и стараясь принять на себя болѣе спокойный видъ, трапезникъ немного придвинулся ко мнѣ и какъ-то нерѣшительно, но многозначительно отвѣтилъ:

— Кырджагасъ, бача, есть?[2])

---

[1]) Изъ жизни якутовъ Якутской области. Вилюйскаго округа, во время оспенной эпидеміи въ 1904 году.

[2]) Болѣзнь оспу якуты представляютъ злымъ духомъ и олицетворяютъ ее въ видѣ женщины. Изъ страха предъ ней, якуты не называютъ ее собственнымъ именемъ «оспа», а нарицательнымъ—«кырджагасъ», что значитъ—старая или госпожа.

Понявъ, въ чемъ дѣло, я началъ разспрашивать подробности этого событія.

— Не такъ задолго до твоего сюда пріѣзда,—началъ говорить трапезникъ дрожавшимъ голосомъ,—одинъ изъ нашихъ сосѣдей наткнулся на одного больного оспой... Какъ страшно! Больной лежитъ совершенно недалеко отсюда, у самой дороги. Вокругъ него вертится одинъ молодой парень, навѣрно родственникъ больного. Онъ все кричитъ громко и молитъ о помощи... Никто къ имъ не рѣшается идти. Да и какъ къ нимъ приблизится? Вѣдь не одно ли это то же, что лѣзть къ огню или падать въ воду?—заключилъ трапезникъ.

Когда я выразилъ намѣреніе помочь больному оспой, трапезникъ сталъ умолять меня, чтобы я не соприкасался съ больнымъ и другихъ не вводилъ въ соприкосновеніе съ нимъ.

— Ой, страшна эта кырджагасъ!. Кого увидитъ, обязательно забираетъ... До насъ дошла, бѣда теперь намъ отъ нея!—бормоталъ онъ.

Странно и тяжело было у меня на душѣ отъ всего случившагося, стало жаль и бѣднаго якута трапезника. Я зналъ боязнь якутовъ и предубѣжденіе ихъ противъ оспы. Зналъ, что трудно кому-либо изъ нихъ рѣшиться оказать помощь больнымъ оспой.

Много этихъ больныхъ безпомощно гибнетъ по здѣшнимъ дорогамъ. Ихъ никто не принимаетъ, и они обречены на голодъ и холодъ.

Однако, по моему настоянію нашелся одинъ якутъ, прежде болѣвшій оспой, черезъ котораго и рѣшено было оказать помощь больному. Рѣшено было сперва напутствовать больного, а затѣмъ свезти въ ближайшую юрту хозяевъ, уже болѣвшихъ оспой.

Солнце начинало садиться за горизонтъ, когда я и якутъ выѣхали изъ церковной сторожки. Въ воздухѣ было туманно и очень холодно. На душѣ у обоихъ насъ была замѣтна тревога. Мы ѣхали недолго по извѣстной намъ дорогѣ. Скоро на одномъ поворотѣ дороги взорамъ нашимъ

вдругъ предсталъ стоявшій въ лѣсу якутскій парень, лѣтъ двадцати, въ плохой одеждѣ и оборванной обуви. При видѣ насъ онъ замахалъ руками и, идя къ намъ навстрѣчу, кричалъ:

— Постойте, смилостивьтесь, добрые люди, выслушайте мою мольбу!

На предупрежденіе моего якута о томъ, чтобы парень не приближался къ намъ, послѣдній остановился и громко сталъ издали разсказывать намъ про свою участь.

— Мы идемъ изъ пріисковъ,—говорилъ онъ,—насъ двое: я и братъ. Послѣдній боленъ кырджагасомъ и теперь въ безпомощности лежитъ на дорогѣ... Давно мы не видимъ человѣческаго крова, давно находимся въ совершенной безпомощности среди этой дороги, испытывая всѣ мученія болѣзни, холода и голода...

— Будь покоенъ, мы пріѣхали оказать вамъ помощь,— въ отвѣтъ парню промолвилъ мой якутъ.

Радостямъ парня не было конца. Онъ то безсвязно бормоталъ намъ слова благодарности, то кланялся безмолвно, то плакалъ, то смѣялся...

До больного оставалось еще съ версту. Мы поѣхали скорѣе. Якутъ мой ѣхалъ впереди меня, а парень бѣжалъ за мной.

— Кто вы и откуда?—отнесся я къ бѣгущему за мной парню.

— Мы якуты изъ Верхне-Вилюйскаго улуса, ушедшіе еще осенью на пріиски для заработковъ и возвратившіеся оттуда вслѣдствіе сильнаго распространенія тамъ болѣзни кырджагасъ. А ты кто и откуда ѣдешь?—спросилъ онъ въ свою очередь меня, измѣняя свой тонъ на обыкновенный, разговорный.

— Я здѣшній, недалеко живущій священникъ. Ѣду домой, побывавъ по нѣкоторымъ дѣламъ въ приходѣ,—отвѣтилъ я на его любопытство.

Узнавъ о томъ, что съ нимъ бесѣдуетъ священникъ, парень, повидимому, весьма ободрился и дальше началъ:

— Вотъ, бачка, какъ я радъ видѣть тебя, въ особенности послѣ всего того, что случилось и было съ нами!

— Эхъ, бачка,—продолжалъ парень,—безотрадно было наше пребываніе нынѣ на пріискахъ, безотрадны были наши труды тамъ, безотрадно и наше вотъ это путешествіе... Кырджагасъ испортила все наше дѣло. Видя, какъ гибнутъ на пріискахъ якуты и русскіе, мы рѣшились, собравъ свои пожитки, вернуться на родину и тѣмъ избѣжать этой несчастной болѣзни, но, видно, такъ Господомъ суждено намъ самимъ пострадать отъ болѣзни... Изъ пріисковъ насъ бѣжало много, но большинство, осталось далеко отсюда по дорогамъ, застигнутые этой болѣзнью. Когда появились признаки болѣзни у моего брата, мы очутились одни, будучи оставлены нашими сопутниками. Въ началѣ мы, скрывая болѣзнь, имѣли возможность ночевать въ жилищахъ людей, а затѣмъ, когда болѣзнь стала обнаруживаться, насъ никто не сталъ подпускать къ жилому помѣщенію, отгоняя насъ палками и чѣмъ приходилось... Братъ мой, будучи не въ силахъ идти за мной пѣшкомъ, заставлялъ меня везти его на салазкахъ (санкахъ). Тяжело мнѣ было, жутко и страшно съ нимъ, но я не оставлялъ его на произволъ судьбы. Послѣднія силы употреблялъ я для того, чтобы оказать ему помощь, но, вотъ, онъ изнемогъ теперь до того, что не въ состояніи садиться на салазки, и я не могу теперь далѣе ничего для него сдѣлать. Въ такомъ состояніи вы застали насъ теперь, и я думаю, что самъ Богъ послалъ васъ къ намъ, чтобы спасти насъ отъ смерти.

Въ то время, когда говорилъ это парень, мнѣ казалось, что, несмотря на его радость по случаю встрѣчи съ нами, его угнетала страшная печаль, печаль за свою жизнь...

Выслушивая внимательно слова моего собесѣдника, я старался его ободрить. Скоро мы подъѣхали къ краю одной полянки и увидѣли слабый, почти потухавшій огонекъ. Когда мы подъѣхали къ этому огоньку, взорамъ нашимъ представилась потрясающая душу картина. Около огня лежало нѣчто

безъ признаковъ жизни, похожее на мумію человѣка. Оно было закрыто оборваннымъ и грязнымъ одѣяломъ, изъ-подъ котораго высовывались тонкія ноги, обутыя въ кожаные тарбоса (сапоги) съ оборванными подошвами, за которыми виднѣлась старая и гнилая солома. Въ защиту отъ вѣтра и холода больному съ одной стороны положены были салазки, котомка и холстяной куль, наполненные чѣмъ-то, а также древесныя вѣтви, а съ другой стороны защитой отъ холода служилъ слабый, потухавшій огонекъ. При приближеніи нашемъ больной даже не шевельнулся. Парень бѣжавшій за нами, теперь пошелъ впередъ и, приблизившись къ больному, осторожно пріоткрывъ одѣяло его, извѣстилъ о нашемъ пріѣздѣ. Какъ электрическимъ токомъ прошло по тѣлу больного это извѣстіе, и онъ моментательно было приподнялся на локоть, но тутъ же упалъ на свою постель въ совершенномъ безсиліи.

Парень сталъ раздувать огонь, а мы издали наблюдали за несчастными. Мой якутъ стоялъ около меня, прислонившись къ дереву съ угрюмымъ выраженіемъ лица.

Больной, почуствовавъ около себя теплоту отъ разгоравшагося костра, слабо пріоткрылъ на короткое время свое одѣяло почти до живота и въ это время намъ представилось нѣчто еще болѣе печальное и потрясающее душу... На головѣ больного была растрепанная шапка, изъ-подъ которой клочками высовывались черные и грязные волосы, падая на смуглое и покрытое язвами оспы его лицо. Язвы эти издали казались темно-красными пятнами, полными слизи и гноя, испещряющими все тѣло больного. Грудь его была почти совершенно гола вслѣдствіе недохвата застежекъ пальто и старой оборванной внутри рубахи. На груди также виднѣлись эти язвы, между которыми, однако, можно было замѣтить на грязной кожаной веревкѣ мѣдный крестъ.

Подозвавъ парня, суетившагося около больного, я выразилъ ему свое намѣреніе напутствовать больного Св. Тайнами. Обрадованный этимъ, парень еще болѣе оживился и поспѣшно пошелъ объявить объ этомъ больному. Послѣдній чуть

шевельнулся на своемъ ложѣ и, въ знакъ желанія своего напутствоваться, сдѣлалъ весьма слабое крестное знаменіе. Отдаливъ своего якута, а также парня на значительное разстояніе, я сталъ приступать къ исповѣди. На мои вопросы больной отвѣчалъ искреннимъ, но слабымъ и чуть слышнымъ голосомъ. Скоро затѣмъ я приступилъ къ совершенію таинства Причащенія. По прочтеніи молитвословій, положенныхъ въ требникѣ, я не безъ содроганія, но и не теряя силы своей воли, осторожно приблизился къ больному и причастилъ его. Больной сталъ радостно креститься и молиться Богу, произнося молитвы на своемъ нарѣчіи. Парень издали горячо молился, лѣлая крестныя знаменія и поклоны.

Вскорѣ затѣмъ было приступлено и къ самой перевозкѣ больного, которой занялся парень. Въ поставленныя около больного дровни были положены сперва древесныя вѣтви, а затѣмъ постель больного съ кое-какой рухлядью. Послѣ этого больной съ усиленной помощью своего брата едва приподнялся съ мѣста и безсильно легъ въ дровни только передней своей частью, ноги же взвалилъ братъ его. Его покрыли одѣяломъ и кое-какой ветхой одеженкой.

— Спасибо, бачка!—искренно произнесъ парень, понукая свою лошадь и послѣдній разъ бросая на меня взоры, полные признательности и благодарности.

— Прощайте, Богъ да будетъ съ вами!—вздохнувъ и благословляя ихъ, произнесъ я.

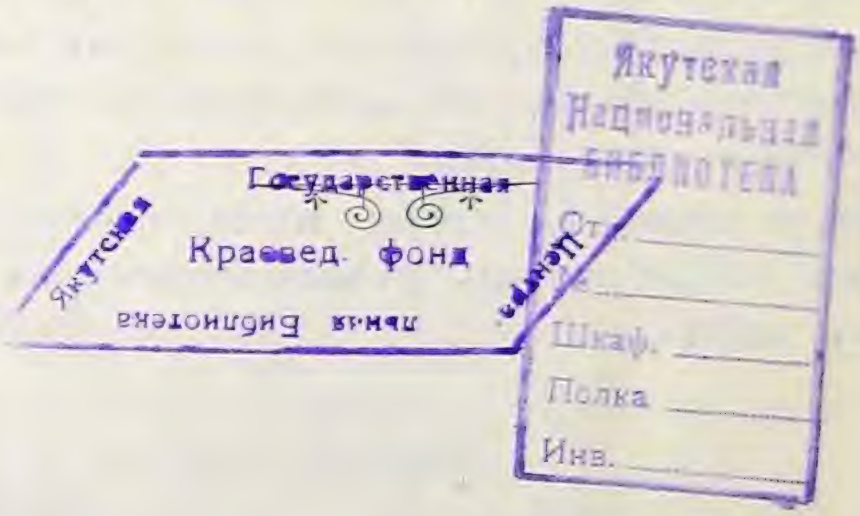
Скоро несчастные путники скрылись изъ моихъ глазъ между деревьями. Солнце уже давно сѣло за горизонтъ. Кругомъ спускался мракъ ночи...

Долго я стоялъ на одномъ мѣстѣ, словно вкопанный, предаваясь разнообразнымъ размышленіямъ объ этихъ несчастныхъ людяхъ...

Оглавленіе.

Стран.

1. **Въ приходѣ** (Путевыя замѣтки сельскаго священника Якутской епархіи) 1
2. **Отчего такая безпомощность?** (Страничка изъ жизни сельскаго священника Якутской епархіи) 57
3. **Первое мое затрудненіе** 65
4. **Нѣсколько словъ по поводу подготовки въ Якутской Духовной Семинаріи якутскихъ проповѣдниковъ** 70
5. **По поводу о матеріальномъ обезпеченіи Якутскаго духовенства** . 75
6. **По вопросу о церковныхъ земляхъ.** (Къ статьѣ „Изъ недавняго прошлаго“, напечатанной въ „Якутской Жизни“ за 1908 г.) . . . 81
7. **Извлеченія изъ лѣтописи Шеинской Георгіевской церкви** (Вилюйскаго округа Якутской епархіи) 83
8. **Школьный Рождественскій праздникъ въ Якутской глуши** 107
9. **Якутскій праздникъ „ысэахъ“** 110
10. **Могила якута Эчекинь.** (Изъ якутскихъ преданій и повѣрій) . . . 113
11. **Краткая исторія Сунтарской Введенской церкви** (Вилюйскаго округа Якутской епархіи) 116
12. **Тяжкая доля.** (Картинка изъ жизни якутовъ) 123
13. **Случайная встрѣча.** (Изъ оспенной эпидеміи 1904 года) 128



12/v 66

Цѣна 70 коп.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ

П. И. Макушина и В. М. Посохина

ВЪ ИРКУТСКѢ.

1802